

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

февраль № 7(13)

1991 г. 1 руб.

СМЕРТЬ ВРАГАМ МИРОВОГО КАПИТАЛА!

ЛЕНИН ТРОЦКОМУ СКАЗАЛ-ЛЕВАЯ МУКИ
ДОСТА, МНЕ КУЛИЧ, ТЕБЕ МАЦА
ГОПЦА ДРИЦА ГОП ЦАЦА .

Действуй, товарищ!

Летопись перестройки
в кратких изречениях
Михаила Горбачева

«Перед партией, всем народом встала задача преодолеть негативные тенденции, круто повернуть дело к лучшему. Другой подход исключен».

(11 июня 1985)

«Наступила пора еще более активных действий, и это сегодня главное».

(15 октября 1985)

«Все зависит от нас, товарищи. Настала пора энергичных и сплоченных действий».

(6 марта 1986)

«Хотел бы еще раз повторить: нужно действовать, действовать и еще раз действовать — активно, смело, творчески, компетентно! Это, если хотите, главная задача момента».

(27 января 1987)

«Поменьше кабинетных заседаний, поменьше восклицаний, восхищений. Побольше дела. Вот лозунг дня».

(18 февраля 1987)

«Центральный Комитет КПСС еще и еще раз призывает всех к действию. Действовать, действовать и действовать — в этом залог успеха перестройки на нынешнем этапе».

(11 апреля 1987)

«...для нас главное сейчас — действовать, и действовать энергично и целеустремленно».

(14 июля 1987)

«Мы переживаем переломный момент. В основном завершены первый этап работы по перестройке. На основе глубокого анализа положения и перспектив развития страны выработана концепция перестройки».

(2 ноября 1987)

«...теперь наступил самый сложный этап, когда концепция перестройки должна войти в самое широкое соприкосновение с

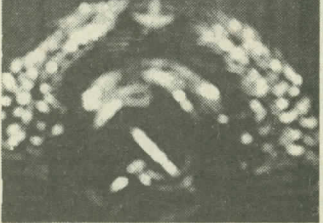
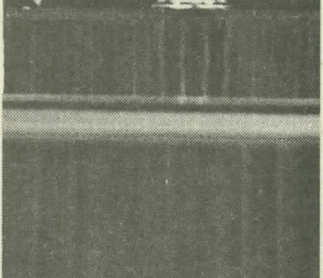
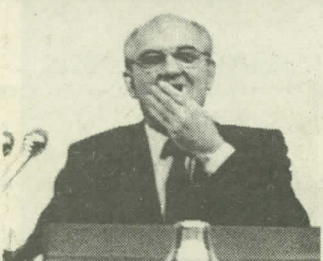

Фото Ю.Штукина

жизнью, с практической деятельностью миллионов советских людей».

(8 января 1988)

«Так что, с какой стороны ни подойти, время терять нельзя, надо действовать, и действовать решительно, повышать требовательность за решение практических вопросов, которые приобретают все более острый практический характер».

(29 июля 1988)

«В Донецке, во время встречи с шахтерами, один рабочий сказал: "Хватит, наговорились, пора переходить к делам!". И я реагирую на это так: побольше конкретных дел — вот лозунг дня!».

(22 февраля 1989)

«Надо действовать сейчас, действовать решительно...»

(19 сентября 1989)

«Действовать решительно — с этим все согласны... Но нельзя добиться решительных революционных изменений, если мы не будем действовать последовательно, демократическими методами, шаг за шагом идти вперед, не сбываясь ни в ту, ни в другую сторону, не замедляя хода, не останавливаясь».

(19 сентября 1989)

«Теперь, как говорят, поумнеть надо всем, все понять, не паниковать и действовать конструктивно всем и каждому».

(28 сентября 1989)

«Перестройка вступила в трудную, я бы сказал, решающую фазу своего развития. Позади — в какой-то мере — митинги, хотя еще и есть они, позади дискуссии относительно политики перестройки, ее главных целей».

(18 января 1990)

«Мы находимся в переходном периоде, когда не закончены ни демонтаж прежней системы, ни тем более строительство новой. Значит, надо действовать более решительно, ибо промедление будет обострять ситуацию в стране».

(2 июля 1990)

«Поэтому нужно действовать сейчас так, чтобы использовать все шансы для перелома ситуации к лучшему и не допустить дальнейшего разворачивания негативных процессов».

(17 сентября 1990)

«...главное сегодня — это политическая стабильность, твердый правовой порядок и дисциплина, нормализация в экономике, решительное продвижение к рынку, демократическое преобразование нашего многонационального государства».

(22 января 1991)

«СТОЛИЦА»

февраль, № 7, 1991
Москва, 101425, ГСП, К-51,

Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 2002216 MALPEK
2002217 MALPEK

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЬЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМЕРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.
С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантикст-2000» фирмы Аутопан (ФРГ)

На первой странице обложки рисунок Андрея Шруббека.
На 2, 3 и 4 страницах обложки лубки А. Капнинского.
Номер подписан к печати 8.02.1991

Тираж 200000. Цена 1 р.
С "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 2.45

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 3 Кому законы не писаны?
(С. Белозерцев)

ВЛАСТЬ

- 6 «Мы так и не жили при демократии»
(В. Старков)

ВЕСЫ

- 8 А он нас опять обманул...
(А. Мешков)

ПОЗИЦИЯ

- 10 «Нам нужно освободиться от самих себя»
(М. Чулаки)
12 На территории быка
(Л. Радзиховский)
14 Я, № 06163151, заявляю...
(М. Котляров)

ПОДОПЛЕКА

- 17 «Нас объединила борьба с партийно-хозяйственной мафией»
(В. Березовский)

ПЕРЕСТРОЙКА ПЕРЕСТРОЙКИ

- 20 Спасут ли нас новые деньги?
(К. Петрова, Г. Степанов)

НИ ШАГУ ВПЕРЕД

- 23 В каких подсобках прячется изобилие?
(Я. Орлов, Я. Шестопал)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- 26 Иметь и не иметь
(В. Янкулин)

ПАРАДОКСЫ ГЛАСНОСТИ

- 35 Так вот почему молчал министр связи!

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

- 38 «И цвета защитного френч», или «Были люди»
(З. Манакина)

КАЗЕННЫЙ ДОМ

- 44 «Сумасшедшие» деньги
(М. Маслов)

ОТТУДА

- 46 У микрофона Александр Галич

АРХИВ

- 50 В тюрьме
(М. Гернет)

КУЛЬТУРА

- 53 Рок пролетарского государства
(А. Гаврилов)

ПРОЗА

- 58 Шашка
(Б. Житков)

АРТ-САЛОН

- 63 «Света нет в казарме нашей»...

Михаил Чулаки:

- 10 "... смысл будущего не в том, что складывается лучшая система, а в том, что это другая система, другая жизнь"

- 26 "Отобрав у людей все, что можно было отобрать, - землю, дома, скот, фамильные ценности, наконец, жизнь и даже Родину, власть пытается все это вернуть с минимальными для себя потерями"

Зинаида Манакина:

- 38 "... Керенский взял на себя тогда очень красивую роль (он был нравственный человек, если уж говорить о мотивациях и о синдромах) - в те дни накинудись на полицию и на всю эту клику. Конвой их тащил в Таврический для подписания гарантии. Александр Федорович несколько дней домой не уходил, выбежал из своего кабинета навстречу: "Не смей прикасаться к этому человеку, он под защитой закона!!!"

К о м у з а к о н ы не писаны?

Народный депутат СССР от Карельской АССР Сергей Владимирович Белозерцев родился в 1955 году. Кандидат философских наук. Работал в Карельском государственном педагогическом институте. Член Комитета Верховного Совета СССР по законодательству. Член специальной президентской комиссии по реализации предложений Комитета солдатских матерей.

К ак и многие депутаты, я приехал на первый Съезд полный радужных надежд. Мы прорвались! Это казалось главным. Осталось только принять новые законы, которые перевернут нашу жизнь и сделают страну свободной и процветающей!

Протрезвление наступило очень быстро. Конечно, дело далеко не только в законах, даже в самых лучших. Но ведь и законодательная деятельность постоянно блокируется. Слишком часто я убеждался, что она просто никому не нужна.

По идее комитет по законодательству, где я работаю, для нормального государства — самый значимый. А парламент с нашим комитетом чаще всего вовсе не считается. Привычной стала ситуация, когда

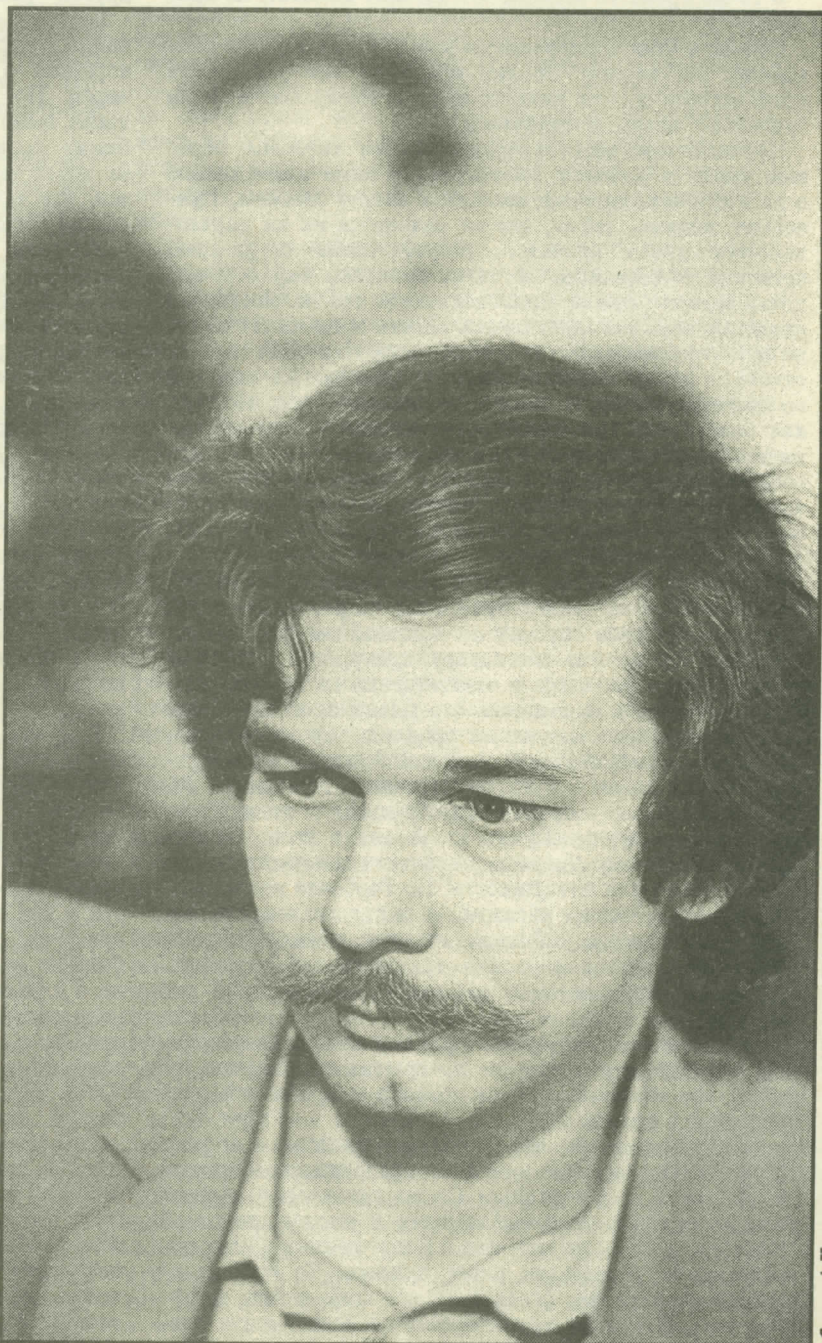

Фото А. Кочетова

комитетом, где большинство членов юристы, отвергается какой-либо законопроект как юридически безграмотный. Отвергается единодушно, как "правыми", так и "левыми" членами комитета. А потом он выплывает на заседания Верховного Совета и протаскивается. Один из вопиющих примеров — Закон о предпрятиях в СССР. Я по простоте своей думал, что после наших выступлений и заключительного слова Собчака, сказавшего: "Спасибо разработчикам, они доказали ненужность и вредность этого законопроекта", этот документ будет навсегда похоронен. Но не тут-то было — законопроект был все-таки принят парламентом.

В то же время те законы, что готовит комитет, не проходят.

Сейчас я стал относиться ко всему этому гораздо спокойнее. На первом Съезде, глядя на все ухищрения председателя и его заместителя, я взрывался и меня буквально несло к трибуне...

Парламентом манипулируют самым гнусным образом. Когда я доложил имевшуюся у меня информацию о десанниках, группировавшихся вокруг Москвы, Президент, видимо, забыв, что он находится не на партхозактиве, начал кричать, требуя, чтобы я раскрыл источник информации. Я очень спокойно ему отвечал, хотя, видимо, нужно было поставить его на место. Он представитель исполнительной власти и не имеет права ничего требовать от депутата. Горбачев был обязан отвечать перед законодательным органом. До сих пор он этого не сделал и, думаю, не сделает. Судя по тому, как болезненно Президент отреагировал на эту информацию, она прозвучала и для него неожиданно. Все мои сведения практически полностью подтвердились. Всем ясно, что министр обороны, выступая в Верховном Совете по этому поводу, давал данные, не соответствующие действительности. И ничего. Президент молчит.

Президент Горбачев, будучи еще Председателем ВС, не ответил ни на один депутатский запрос. Он их либо игнорировал, либо спускал по инстанциям. Вот, например, мы обращались по поводу прокурора Дзенитаса, требовали привлечь его к ответственности за превышение власти. Речь шла о том, что Дзенитас в нарушение всех законов дал санкцию на продление срока содержания под стражей (более 9 месяцев) Аркадия Манучарова, что мог сделать в то время только Президиум ВС СССР. Горбачев поручил разобраться с этим Генеральному прокурору Сухареву. А тот в свою очередь предложил самому Дзенитасу ответить депутатам, нарушал он закон или нет. Дикость! Но Горбачев всегда поступал именно таким образом. И часто на запросы отвечают те органы, действия которых обжалуются. То есть продолжают порочные традиции той партийно-государственной системы, которая существовала у нас несколько три года...

Что касается конкретной правозащитной деятельности, которой я никогда не прекращал заниматься, то сейчас она главным образом связана с проблемой преступности в армии.

Прежде всего это проблема убийств в мирное время многих юношей, проходящих воинскую службу. По данным Союза социальной защиты военнослужащих, военнообязанных и членов их семей "Щит", за последние пять лет в Вооруженных Силах погибло около пятнадцати тысяч человек. То есть практически столько же, сколько за все годы войны в Афганистане. И в связи с этой проблемой встает масса других проблем. Надеюсь, что новые общественные орга-

низации смогут заставить решать их быстрее, чем народные депутаты, с которыми почти не считаются.

Думаю, большое будущее у материнского движения в защиту сыновей от преступности в армии. В ряде мест по инициативе этого движения бойкотуется призыв. Президент и генералитет должны наконец понять, что если они своим бездействием и дальше будут поддерживать тот правовой беспредел, который существует, то бойкот охватит огромные территории. Надо ли будет удивляться такой реакции матерей, если их сыновей заставляют стрелять в безоружных людей в Литве, а завтра заставят сделать то же самое в какой-нибудь другой республике?

При рассмотрении в Совмине предложений о чрезвычайных мерах борьбы с нарушением правопорядка говорилось о необходимости жестоко наказывать дезертиров. Но в отрыве от остальных армейских проблем такие вещи решать нельзя. Ведь не от хорошей жизни бежит подавляющее большинство ребят. Они просто не хотят умирать. У нас в Уголовном кодексе признается, что если человек бросает службу в мирное время, спасая свою жизнь, то это не дезертирство.

Матерям была обещана амнистия для их сыновей-дезертиров при условии, если те вернуться в свои части. Полагаю, эти обещания можно забыть в связи с теми предложениями Совмина, о которых я сказал. Только квалифицированное качественное расследование каждого случая может выяснить, виновен человек или нет. А до этого говорить о каком-либо наказании или амнистии незаконно и аморально.

Радикальную военную реформу руководство страны и армии осуществлять, по-видимому, не намерено. Генералитет и военно-промышленный комплекс не идут ни на какие уступки для того, чтобы взаимоотношения в армии начали строиться на основе законов, для того, чтобы армия постепенно профессионализировалась. Это и естественно. Ведь в профессиональной армии очень большая часть высшего офицерского состава была бы сокращена. Причем удар был бы нанесен по самой привилегированной части — политработникам.

Как известно, некоторым из родителей погибших военнослужащих удалось прорваться к Президенту. И 15 ноября был издан президентский Указ о создании комиссии по проверке объективности расследования Военной прокуратурой обстоятельств гибели и травматизма военнослужащих и военных строителей в мирное время. Я был включен в эту комиссию. Нам удалось ввести в нее ряд профессиональных следователей, которым доверяют родители погибших ребят. В основном это бывшие сотрудники следственной группы Гдяна. Вошли в комиссию и депутаты Российской Федерации. Создано несколько групп. Каждая работает по своему направлению. Есть группа оперативного реагирования на сигналы о возможных или о только что свершившихся ЧП в частях. Есть группа, которая занимается разработкой предложений по компенсации за погибших и искалеченных. Группа, занимающаяся расследованием случаев дезертирств. Надо сказать, что Указ Президента был дан в традиционной форме. Из-за неясности формулировок мы поставлены в довольно странное положение. Например, Комитет ВС СССР по вопросам правопорядка и борьбы с преступностью и Прокуратура могут действовать, не ставя нас в известность. А для успешной работы необходимо, чтобы мы располагали всей информацией.

Работаем мы совсем недолго, но вскрыта уже бездна процессуальных нарушений при ведении следствия органами военной прокуратуры. Уже сейчас фактически подтверждено, что институт военных дознавателей необходимо ликвидировать, и как можно скорее. Мы полностью убедились, что военная прокуратура стоит на страже лишь интересов Министерства обороны, но никак не Закона. Не стану утверждать, что в военной прокуратуре нет честных людей, но все они находятся в зависимости от министерства и вынуждены идти на сделку с совестью, выполняя указания либо партийных органов, либо приказы руководства. Например, сложилась практика, по которой без разрешения вышестоящего командира не привлекается к суду ни один офицер. Чаще всего офицера, совершившего преступление, просто переводят в другое подразделение. Интересно, что члены комиссии — работники Главной военной прокуратуры и политорганов — сами открыто говорили об этом.

Упразднение специальной военной прокуратуры необходимо, ибо она порождает беззаконие и поддерживает его. Правовой нигилизм среди военнослужащих стремительно растет, когда они видят, что преступники не несут никакой ответственности за свои действия. Главной же задачей в этой области я считаю разработку законопроекта, который обеспечит реальную социальную и правовую защиту военнослужащих.

Четырнадцатого декабря 1990 г. я вернулся из Намангана.

За две недели до этого, как известно, там случилась трагедия: в рейсовом автобусе произошел конфликт между солдатами внутренних войск, возвращавшимися из увольнения, и местными молодыми людьми. В итоге — разъяренная толпа, собравшаяся у автобуса, убила пятерых военнослужащих.

Как все это точно происходило — неясно. Только следствие может ответить на все вопросы. Я, как член комиссии, вместе с помощником попытался выяснить некоторые обстоятельства происшедшего и получить предварительные данные следствия.

Пока можно дать лишь приблизительную картину.

Местная пресса с самого начала пыталась показать, что произошел чисто бытовой конфликт. Вполне возможно, что то, с чего все началось в автобусе, и было бытовым конфликтом, но корни этого, безусловно, в обостренных межнациональных отношениях. Мы опросили довольно много должностных лиц. Все они говорили, что национальные проблемы не имеют к этому конфликту никакого отношения. Мнения же простых жителей и солдат сильно отличались от мнений "начальников": около полутора лет назад довольно безоблачные отношения между узбеками и русскоязычным населением сильно ухудшились.

Местная молодежь постоянно провоцирует солдат на драки. Видимо, нечто подобное произошло и на этот раз. Шофер оставил машину на перекрестке, недалеко от городского базара, вышел, закричал что-то на узбекском. Что он кричал — до сих пор выяснить "не удалось". Но именно после его крика у автобуса начала собираться толпа. Мы пытались встретиться с этим шофером, но прокурор следственной группы сделать этого не позволил. Нас это, естественно, настораживает. Хотя, конечно, появление огромной толпы (по некоторым оценкам, до трех тысяч человек) в этом месте вполне объяснимо: восточный базар, тут же большой универсам, рядом кинотеатр, где только что закончился сеанс.

Люди собирались вокруг автобуса, в котором, по всей

видимости, продолжалась потасовка. В толпе стали распространяться слухи о том, что солдаты пытались изнасиловать в автобусе узбекскую женщину на глазах у ее мужа. Последующий опрос показал, что ни к кому солдаты не приставали.

...Через некоторое время из автобуса были выпущены женщины и дети. В салон заходили милиционеры, один из которых даже стрелял в воздух, чтобы прекратить драку. Но ничего сделать не удалось. Другой пытался завести мотор, но тот "почему-то" не завелся...

...То ли ребята сами вышли из автобуса, то ли их выволокли из него — неизвестно...

Проезжавший мимо на такси офицер сообщил о происшедшем в часть. Появился спецназ. И сначала удалось отогнать бушующую толпу от автобуса. Но ненадолго. Под градом камней, летевших из толпы, солдаты вынуждены были отступить и занять оборону. Стало совершенно ясно, что спецназовскими дубинками здесь не обойтись. Поняв, что сил не хватает, командир оставил своих солдат одних, а сам отбыл на пожарной машине, прикрывавшей солдат со спины, за подкреплением...

Чем дальше мы углублялись в это дело, тем меньше понимали. Весь этот ужас продолжался несколько часов. Действия войск меня, гражданского человека, поражают и возмущают своей безграмотностью. Подошла пожарная машина. Можно было отбуксировать автобус, пока еще ребята были там и были живы. Этого не было сделано. Не была использована ни одна из многих реальных возможностей людей спасти...

Итог известен. Убиты четверо из шестерых солдат, находившихся в автобусе, причем двое из них сожжены. Убит парень из подразделения, пришедшего на подмогу. Двадцать пять военнослужащих находятся на стационарном лечении. Судя по характеру травм, часть из них останется инвалидами.

Мы совершенно не удовлетворены ходом следствия по событиям в Намангане. Мы не вмешивались в следственные действия, но просили ознакомить нас с уже установленными фактами и результатами медицинской экспертизы. Нам было твердо обещано дать все, о чем мы просили. А через сутки прокурор столь же твердо отказался предоставлять запрошенные материалы. Мы все же получили ответы на многие вопросы, но по другим каналам. Перед отъездом оставили несколько запросов. Надеюсь, что они заставят следственную группу проверить информацию, которую мы сумели добыть.

Способ расследования вызвал у нас больше чем удивление. Мало того, что чинились препятствия нашей работе, не проверяется и огромное количество информации, дошедшей до следствия. Я предупредил местных должностных лиц, что в том случае, если нас не удовлетворят результаты следствия, если мы не получим ответы на все поставленные нами вопросы, придется проводить повторное расследование.

В который раз я убедился в необходимости создания профессиональной армии. В первую очередь это касается внутренних войск. Здесь это нужно начинать делать немедленно. Как можно посылать в эти войска мальчиков после школы, с нестабильной психикой? Без специальной подготовки? Ведь им приказывают поднимать дубинку, а то и дуло автомата на гражданское население, как это было в Прибалтике. А пока их действия в зонах конфликтов только еще больше накаляют обстановку.

Главный редактор

еженедельника «АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ»

Владислав СТАРКОВ:

«МЫ ТАК И НЕ ЖИЛИ ПРИ ДЕМОКРАТИИ»

Фото Э.Кудрявникова

— Мы, как всегда, живем в переломный момент — диктатура берет реванш при помощи военной силы, демократия рассчитывает только на поддержку народа. И не без основания — скверную, но мирную жизнь они предпочитают скверной жизни под дулами автоматов. Но если подводить итог деятельности демократов в «мирное время» — каким он будет? Чего мы добились и в чем просчитались?

— Реальность военной диктатуры за последние недели стала столь очевидной, что тут не требуются никакие дополнительные аргументы. Насильственное урезание информации не может изменить картину настолько, чтобы человек не понимал, что происходит. Но чего мы все ожидали?

История наша с монархией тоталитарного плана, с ничтою народа всегда была далека от нормального и развитого демократического процесса. После октябрьского переворота положение ухудшилось — установился тоталитарный режим, демократические свободы подавлялись жесточайшим образом. Все это подрывало духовные силы народа и даже его генетические возможности к развитию. Наивно с таким наследством ожидать, что демократический процесс, раз начавшись, будет идти ровно, постоянно, только вперед и вверх.

Возможность поворота, отката к диктатуре — это прежде всего отражение того духовного состояния, в котором пребывает народ. Народ — это не группа политизированной, свободолюбивой интеллигенции и те,

кто поддерживает ее на демонстрациях. Народ — он всякий. И партийный бюрократ, и представитель мафии, и рабочий, который считает, что давно пора «власть употребить», и тот, кому на все наплевать, была бы водка, и тот, кто стреляет в безоружных, и тот, кто возмущается этим и сам готов встать под пули... Народ — это не то, что могут выдумать коммунисты или демократы. Это тот уровень духовности и цивилизованности, которого мы за нашу историю достигли. И с этим необходимо считаться.

— И насколько удалось все это учесть в своих действиях демократам?

— Но ведь демократы — тоже часть народа с его достоинствами и недостатками, и если бы им вдруг удалось стать иными — они вообще бы ничего не добились. Их бы никто не понял.

Замечательно было бы, если бы демократический парламент принимал один за другим прекрасные цивилизованные законы и они тут же, до последней запятой, приводились властями в действие. Но это нереально.

На российском съезде — тот же народ. Есть и партукраты, и двурушники, и слабовольные либералы. Но это еще лучший замес нашего общества, если сравнить его с союзным парламентом, сконструированным аппаратом под себя. Российский съезд и Верховный Совет РСФСР в общем довольно адекватны ситуации в стране и за время своей работы сделали немало. Съезд принял решение о частной собственности, внес соответст-

вующие поправки в Конституцию. Он впервые доказал, что есть в республике люди, способные защитить ее от грабежа союзных органов.

Мы торопимся, мы уже забыли, что всего десять лет назад общество вообще было в доисторической фазе развития, когда умирающему маразматику Брежневу вешали цапку за цапкой на грудь и никто не осмеливался даже громко засмеяться. К сожалению, политический процесс нельзя подстегнуть и ускорить.

— Непосредственно перед наступлением военной диктатуры демократы заговорили о терпении народа. Политическая борьба и парламентская говорильня многих уже просто раздражали. Но сплотившиеся вокруг демократов после первых выстрелов и крови, пролитой коммунистами, люди не стали жить лучше. Терпение их вновь может иссякнуть. Что тогда?

— Дать стопроцентную гарантию, что мы сумеем переломить ситуацию, сделать, чтобы люди стали жить лучше прежде, чем их терпение иссякнет, невозможно. Тут как катастрофа на скверном участке пути, да еще с новыми и новыми завалами вроде обмена денег — или проскочим или нет.

Что касается парламентской говорильни... Это ведь чисто внешняя сторона, которая почему-то намеренно выпячивалась. На самом деле это нормальная и весьма прогрессивная работа, которая пусть не сразу, но даст результат обязательно. Тут как с «Аргументами и фактами», у которых сначала тираж был десять тысяч, потом двести, потом полтора миллиона, а газету все никто из власти имущих не замечал. И вдруг — тридцать миллионов, и это — сила, с которой надо считаться. То же с Российским парламентом, который, правда, не так уж долго добивался, чтобы союзный государь понял, что не считаться с ним нельзя.

— Союз вынужден считаться с Россией?

— А как иначе? Вот передо мной два Закона о налогах — по союзному я должен отдать в бюджет 45 процентов, по российскому — тридцать пять. Конечно, я выберу российский, и деньги пойдут на развитие производства и поощрение работников. И то же сделает директор мебельной или трикотажной фабрики. И это уже какие-то конкретные, пусть и не абсолютные, меры для того, чтобы уровень производства и благосостояние людей перестали катастрофически падать.

Постепенно и незаметно изменения идут, мы движемся вперед, но вот успеем ли? В историческом плане, думаю, да. Несмотря на все откаты и новую диктатуру. Просто тот, кому придется начинать эту работу заново, начнет на ином, чем мы, уровне.

— То есть преобразования не остановит никакая диктатура?

— Мне не очень понятно, когда говорят «наступит диктатура» или «диктатура наступила»... Дело в том, что мы ни дня не жили без диктатуры. Она была жестче или мягче, она была экономической и политической, она проявлялась в разных формах и в разной степени, но она в этой стране была всегда. Но, какой бы она ни была, она все равно никогда и ничего народу не даст. Потому что свекла под дулами автоматов не растет.

Диктатура — это абсурд. Какими бы целями ее ни оправдывали, при помощи диктатуры нельзя достичь никаких целей, ни декларируемых, ни тайных. Результат будет прямо противоположный.

Была, например, чиновничья диктатура, и у нашей газеты была масса начальников и цензоров. И что, газета была лучше? Мы могли заинтересовать читателя? Или

от людей удавалось скрыть, как мы живем? Нет, конечно. Потому что любая диктатура — это абсурд.

— Политики и журналисты в недавний период ослабления диктатуры действовали вместе. И сейчас, когда ужесточение режима очевидно, когда захвачено телевидение и притесняются газеты, читатель снова потянулся к нам за правдивой информацией и честной оценкой. Накануне же военных действий в Прибалтике он явно к демократической прессе охладел. Мы что, можем работать только тогда, когда свободу надо завоевывать?

— Пресса для раскрепощения сознания людей сделала много. Это мы видим по ежедневной нашей почте. Конечно, пресса повернулась к читателю и попыталась работать для него. Но далеко не всегда это удавалось. Мы перекармливали читателя политикой, картинками всевозможных ужасов, длинными и навязчивыми рассуждениями, писаниями для самовыражения, не учитывая ни его настроения, ни его усталости, ни его потребности в надежде и оптимизме. Но любовь читателя к газете может быть только взаимной. Мы должны быть вместе с ним, быть может, чуть впереди, но лишь для того, чтобы почувствовать — каким он станет завтра.

Пока наша демократическая пресса еще слаба. Если бы наша «политизированность», наша назойливая болтовня о политике в свободных изданиях уступили место факту, точной информации, документу! Не рассуждения о демократичности российского парламента, а точные разъяснения, чего он добивается, что нас ждет, если его планы осуществляются, кто конкретно и как этому мешает. Не стоны о диктатуре, а факты, как она устанавливается, доказательные опровержения лживости версий центра, информация о действиях тех, кто стоит за той или иной акцией. Вот тогда возможность достижения наших политических целей, выявление и влияние на общественное мнение, а через него — на власть станут вполне реальными. До тех пор, пока, разумеется, существует хотя бы относительная свобода печати.

— Если мы никогда не жили при демократии, с чем же, при явном ужесточении диктатуры, так не хочется расставаться?

— Мы почувствовали, как можно жить, какой она может быть — свобода. Демократия, как любовь, — раз почувствовав, с ней очень трудно расстаться. Поэтому люди и шли на жертвы ради свободы. И пойдут. Если общество созреет для демократии и она сможет развиваться — у нас есть будущее. Для этого прежде всего не должно быть того Союза, который был. Потому что демократия для эстонца и демократия для жителя Азии — это абсолютно разные вещи. Собственно-то, Союза прежнего уже нет, и его ни через референдумы с каверзной постановкой вопросов, ни при помощи военной силы не восстановить. Если центр посылает войска, чтобы проводить набор в союзную армию, — это значит, что никакого Союза республик нет, а есть межгосударственные, хоть и извращенные, отношения. И очевидно, что повернуть назад уже не удастся.

Как бы дальше ни развивались события, мы должны ясно представлять, что живем в тот момент исторического развития и с таким народом, какой есть сегодня. И ни через какую ступень на нашем пути к иной жизни нам не перескочить.

Вавилонская башня, которую люди, возгордясь, начали строить, рухнула. Но на этом жизнь-то и человечество не остановились.

Беседу вел Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ

А он нас опять обманул...

Россия — удивительная страна. Здесь до сих пор возможно то, о чем писал историк Натан Эйдельман и что невозможно уже нигде. В цивилизованном мире — «революция сверху». Это когда очередной экспериментатор затевает перемены, смысл которых не совсем ясен ему самому. Но такие эксперименты воспринимаются всерьез, их приливы и отливы сопровождаются соответственно восклицаниями типа «демократия» или «диктатура», непомерными восторгами реформаторов в одних случаях и охами и вздохами — в других. Потом оказывается, что гора родила мышь, что ни приверженцам нововведений, ни их противникам бояться нечего... Противники трубят отбой, прячут барабан или стрелы: жизнь продолжает идти своим чередом. А консерваторы и либералы, дабы не выглядеть в глазах мирного обывателя баламутами и позерами, направляют указующий перст куда-то вверх, изрекая при этом: «Мы сделали все что могли. Но нас обманули».

Вспомним, как воспрянули ортодоксы в конце 1989-го после организованного Гидасповым «митинга ленинградских коммунистов». Какой блеск был в глазах, какая молодецкая удалость проснулась в их речах! «Наконец-то партия вышла на улицы! Питерский пролетариат еще скажет свое слово», — возбужденно говорил мне бывший комсомольский функционер, в одночасье ставший научным сотрудником. Демократы отчаянно сопротивлялись. Они организовывали митинги и демонстрации, но этого казалось мало, чтобы остановить правую волну. Консерваторы считали «в принципе» вопрос решенным: «Сейчас предмет спора уже не личность Горбачева, а его возможный преемник, точнее, его программа», — говорил мне в те дни один обозреватель журнала ЦК КПСС. «Партийные губернаторы», съехавшиеся в столицу с надеждой взять реванш, никак не предполагали, что будут вынуж-

дены выслушивать в своих удобных гостиничных номерах голоса собравшихся под окнами сотен тысяч людей (как они только прошли по улице Горького?), скандировавших: «В отставку!» Но, помилуйте, если уже в отставку — Политбюро, что ждет их самих? Свергнуть Горбачева, чтобы самим выкопать себе яму?

Раздосадованные, они плюхались в мягкие кресла, приговаривая: «Он опять нас обманул!»

Вдруг распоясались демократы: одной многотысячной демонстрации им показалось мало. Провели еще одну. Размечтались до такой степени, что даже стали пророчить в генсеки А.Н. Яковлева. «Если они так себя ведут — значит, имеют крепкие тылы», — решили (и совершенно безосновательно) их ретроградные оппоненты. Первым запаниковал журнал «Молодая гвардия». Со своих страниц он стал уверять Александра Николаевича, что, собственно, никогда он против него ничего не имел и не имеет, что это злые языки пытаются поссорить патриотов с идеологом «общеевропейского дома». Но... закончился очередной пленум, и теперь уже демократы направляли ввысь указательный палец: «Он нас опять обманул».

Ортодоксы почували силу, стали наседать и все громче требовать в интересах «чистоты партийных рядов» исключить из КПСС «раскольников». Генсек отмалчивался. Потом, видно, это ему надоело, и он махнул рукой: ладно, действуйте... В печати появилось письмо ЦК. Началась проработка и «промыывания мозгов»... «Твердокаменные» торжествовали. Московская ВПШ представляла в те дни неприступную крепость. Смешно было и думать пройтись туда, не предъявив партийный билет. Автора этих строк завернули с порога, не взглянув даже на редакционное удостоверение. Ощетинившаяся бюрократия опять была готова приняться за свое обычное ремесло: «стращать и не пущать»!

...Как вдруг спустя несколько дней либеральный профессор МВПСИ под большим секретом поведал мне о странном письме Горбачева: создать согласительную комиссию из представителей трех платформ в партии. Первой в списке шла фамилия «смутьяна» — тогдашнего руководителя «Демплатформы» В.Шостаковского. Не желающие поступаться принципами недоуменно пожимали плечами: «Ну зачем это Он делает? Опять нас обманул!»

Прошло несколько месяцев, и теперь уже прилив сил почувствовала другая сторона. Уход с политической сцены Лигачева породил надежды — сродни тем, которые описал Чернышевский в своем романе «Пролог», — когда после какой-нибудь случайной отставки самодура «прогрессисты», гордо выпятив грудь, расхаживали по городу. И в наше время жар-птица на либеральном небосклоне пролетала так близко, что казалось: протяни руку — поймашь. Принятие программы Шаталина — Явлинского считалось делом нескольких дней. В центральной печати на полном серьезе велись дискуссии о путях приватизации. Демократы спорили между собой, как приватизировать — за символический выкуп или без оного, и без устали обвиняли друг друга в забвении интересов народа. А когда опомнились, то увидели, что от программы остались одни «направления». Только развели руками: «Он нас опять обманул».

«Ястребы» жаждали полной победы. Десантники стягивались к Москве. Танки обкатывали мостовые прибалтийских столиц. «Черные полковники» разряжали на Президенте свое раздражение. Видимо, ему опять это начало надоедать, и он, как и весной, дал «спасителям родины и социализма» зеленый свет. Но вскоре свет этот приобрел другой оттенок — пролитой крови. Заведенные лексиконом «комитетов национального спасения» (чи заявления ежедневно зачитывались по телевидению), бывшие

московские приверженцы «демократического социализма» из числа партработников стали оттачивать металлические нотки в голосе и клеймить отступников от догматов марксизма-ленинизма. «Охота на ведьм» начала набирать обороты... Но неожиданно последовал новый зигзаг Президента. Он отмежевался от «комитетов национального спасения», о чем заявил после встречи с ним глава латвийского парламента А.Горбунов. А руководитель латвийской компартии А.Рубикс, по словам В.Алксниса, поделился с ним таким откровением: мы все сделали так, как просил Горбачев, и надеялись, что за всем этим последует президентское правление. «А Он нас предал».

Демократические газеты, трубящие о «надвигающейся диктатуре», забили отбой. Решительные лица номенклатурных работников наигранно просветлели. Оказалось, рано праздновали победу! Сколько раз их жизнь била, а все не научит.

Как говорится, «все это было бы

смешно, когда бы не было так грустно». Да, раньше действительно можно было смотреть на это лавирование между Сциллой либерализма и Харибдой консерватизма как на интеллектуальную игру. А сейчас это уже игра с огнем.

Любая игра стоит свеч, если это только не свечи по погибшим. Зачем тогда вообще нужна такая игра? Спросим вместе с академиком Шаталиным: «...Почему Вы не хотите, я подчеркиваю это, можете, но не делаете правильный ход?.. Я рассмотрю две возможности. Первое: Вы не хотите блага своему народу. Второе: Вы хотите блага своему народу, но боитесь, что в борьбе за достижение этой цели потеряете свою власть. Все остальное сводится к комбинациям первого и второго» («Комсомольская правда», 22 января 1991 г.). Точнее не скажешь.

Когда я слышу об одновременном назначении на должность главы правительства человека, развалившего финансы, а на должность министра иностранных дел одного из

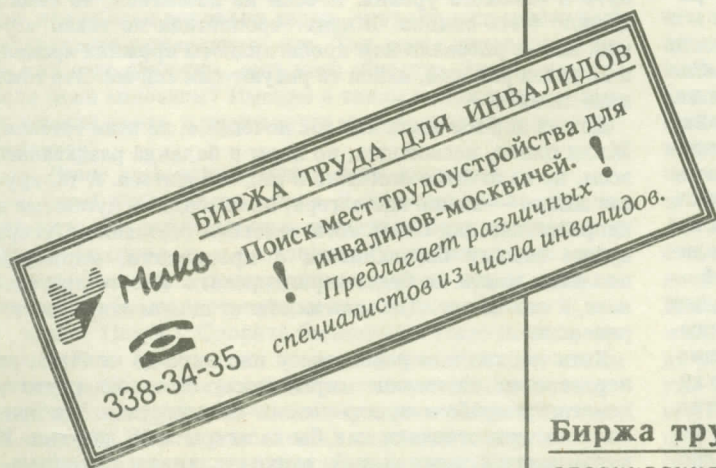
соратников Шеварднадзе — мне в равной степени становится жаль этих людей. Ибо со временем каждый из них почувствует себя обманутым. Но больше всего жаль наш беспредельно терпеливый народ, которому в очередной раз приходится расклеивать неудавшийся эксперимент по соединению нижегородского с французским.

Иногда мне вспоминается образ одного ученого, сравнившего нашу планету с плантацией для высшего разума. Тем, кто над нами экспериментирует, мы кажемся маленькими муравьями, воображающими, что сами строим свою собственную жизнь...

Но еще 200 лет назад одна французская газета писала: «Великие кажутся такими, потому что мы сами стоим на коленках. Поднимемся!» Слова эти, заметим, были сказаны во времена французской революции, названной «Великой», потому что ее все время толкали «снизу», не надеясь на перемены «наверху».

Александр МЕШКОВ

Наши услуги бесплатные!

Московское инвалидное кооперативное объединение

Биржа труда Мико предлагает

организациям, предприятиям и кооперативам

СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ ЧИСЛА ИНВАЛИДОВ

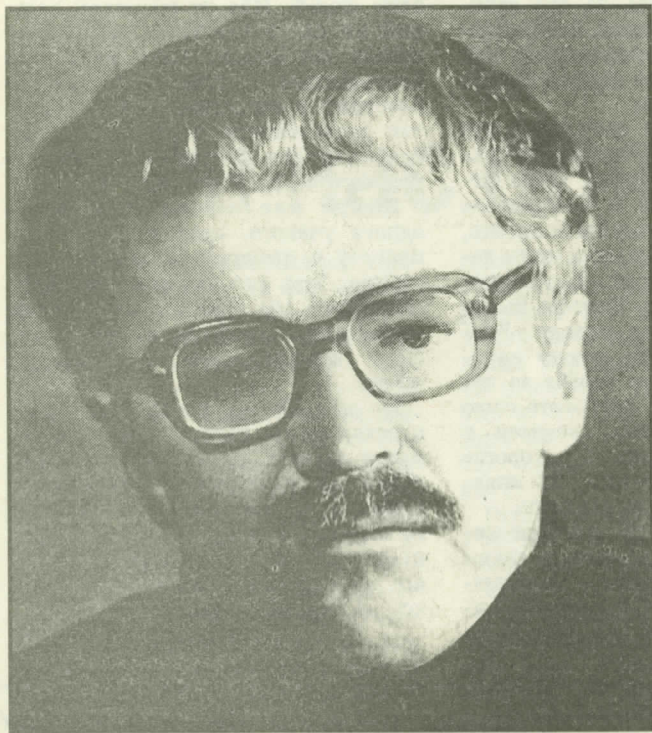
радиомехаников, архивистов, диспетчеров, слесарей, чертежников, бухгалтеров и др.

338-34-35

Сотни инвалидов-москвичей ждут ваших предложений!

ПИСАТЕЛЬ Михаил ЧУЛАКИ: «НАМ НУЖНО ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ САМИХ СЕБЯ»

— Михаил Михайлович, обратил внимание на ваши последние выступления в средствах массовой информации. Они резко контрастируют с мрачными и грустными размышлениями, столь привычными сегодня. Чему вы радуетесь, если не секрет?

— У меня настроение хорошее, хотя бы потому, что особых иллюзий я не питал. Часто можно слышать: «Зачем же начали перестройку? Обещали, что будет лучше, а стало хуже!» Абсолютно ложная посылка. Перестройку никто не начинал, а просто сдвинулись те социальные процессы, которые не могли не сдвинуться. Примерно в конце 60-х тот социализм, который спроектировал Ленин, действительно осуществился в нашей стране и достиг своего максимума. А потом начал загнивать и разваливаться, и не по чьей-то злой воле, а всем ходом вещей — все равно как ухудшается состояние человека с тяжелым пороком сердца. И смысл будущего не в том, что складывается лучшая система, а в том, что это другая система, другая жизнь. И кому-то в ней станет лучше, а кому-то хуже. Но иного не дано, это естественный путь развития.

А поскольку прежний строй я не любил за то, что его лицемерное благополучие оплачивалось духовным гнетом, я в очень хорошем настроении. И наступающую духовную свободу я ни на какую чечевичную похлебку мнимого изобилия прошлых времен не променяю.

По-моему, сейчас главное, чтобы люди, во-первых, прониклись сознанием неизбежности наступления новой жизни, во-вторых, пониманием, что старая умерла. Подобное ощущение — чрезвычайно психологически полезная штука. Оно должно все примирить. Если же человек постоянно спрашивает: «А не надо ли было оставить все по-прежнему, ведь тогда бы я лучше жил» — тогда он только мучается, жалуется и страдает.

— Но примирение с неизбежностью вряд ли может избавить людей от неверия в будущее, от страха.

— А знаете, почему бояться и не верить?! Потому что большинство из нас — подсознательные сталинисты. Мы воспитаны этой системой — и страшно без нее. Люди очень часто скрывают от самих себя подлинные мотивы поступков, подлинные чувства. Ругают систему так, что вроде ничего не оставляют, никаких прежних святынь, а все равно глубоко в подкорке — привязанность к ней.

А бесконечные разговоры о скором военном перевороте?! А почему? Да потому, что хочется этого переворота! Тем самым ярым радикалам хочется, которые якобы за свободу. Потому что они — духовные мазохисты. Они привыкли страдать. Им сладко страдать, хотя они и стонют под гнетом! Сейчас никто не гнетет их — и они растерялись. Им хочется привычно страдать. Случится если все же переворот — что маловероятно, — и с каким сладострастием они опять пострадают, какие страстные стоны раздадутся! Мазохизм — он и есть мазохизм... Но ничего не поделаешь, все мы вышвырнуты в другую жизнь, вышвырнуты в свободу. Придется приспосабливаться.

— А какой вам представляется «другая» жизнь?

— Похожей на жизнь стран Западной Европы. Поначалу стран небогатых, а затем есть все основания достигнуть и высокого уровня. А если не достигнем, то самим должно быть стыдно. Жизнь европейская не такая черная, как ее рисовали нам пропагандисты прежних времен, и не такая райская, какой ее рисуют нам сейчас. Это тоже надо понять.

До сих пор мы жили как заключенные, на всем готовом. Жили плохо, несвободно, но нары и баланды раздавались всем, не надо было особенно о них заботиться. А та, другая жизнь — жизнь вне лагеря, на свободе — пугающее и непривычное для советского человека состояние. Теперь нужно самому беспокоиться о пропитании, минимума похлебки никто не будет гарантировать. Кто-то преуспевает, а кто-то нет. Для многих станет шоком открытое неравенство.

Хотя подлинного равенства у нас никогда не было, но неравенство тщательно скрывалось, было завернуто в демагогию «рабоче-крестьянского государства». Все привилегии существовали как бы за закрытыми дверями. И когда человек, даже умный, вдруг сталкивался с социальной несправедливостью, которой раньше не замечал, он восклицал: «Разве у нас не Советская власть?!» И пытался жаловаться. Это умилительно! Что такое «Советская власть»? Что-то неопределенно хорошее, неопределенно доброе. То же самое, что «наши самые гуманные законы». Чудовищные сроки, чудовищная каторга, несравнимая с чеховским Сахалином, но — «самые гуманные законы». Человеку можно вдолбить что угодно — и он искренне поверит.

Открытое неравенство будет ударом по сложившейся во всех нас советской психологии. Смотрите, что сейчас

получается. Люди вроде бы ждут рынка, хотят его, говорят, что он нужен, а реальных дельцов, его воплощающих, ненавидят. Почему-то в представлении советского человека «наши» дельцы должны быть непременно изысканными, добрыми людьми, которые, заработав немного денег, сразу начнут жертвовать на бедных, детей, инвалидов. Будут, конечно, и такие, но как исключение, а в основном наши нувориши начнут набивать свой карман. И это тоже нормальный закон рынка.

Особенно трудно управляться с таким психологическим шоком людям завистливым. Они будут буквально исходить желчью. Тут одно из двух. Если вы стремитесь к деньгам, то умейте их зарабатывать, но, коли не получается, не злитесь на всех вокруг, а вините себя. Либо занимайте позицию, что не в деньгах счастье, причем — искренне занимайте, и тогда ищите духовное содержание жизни и не завидуйте богатым. А то обожают твердить о необычайной духовности — а 99 процентов разговоров о деньгах и вещах! И зависть, зависть, зависть!!!

— *В многочасовых очерках нередко можно услышать возмущенные высказывания об излишней терпеливости русского народа, способствующей продлению кризисного состояния.*

— Прекрасная тема для длинных и бестолковых разговоров, столь для нас характерных. Однако в системе социализма оказались самые разные народы, обладающие разными темпераментами, да и советский народ состоит далеко не из одних русских с их терпением.

— *Но другие народы уже «взбрыкнули».*

— А здесь существенная разница. Грузинам, прибалтам, молдаванам надо сбросить чужеземное иго. Иногда это сделать легче, иногда труднее, но ясно и понятно. Нашему народу чужеземное иго сбрасывать не надо, нам нужно освободиться от самих себя, что несравненно труднее.

Ведь хождение у нас теории о злодейских замыслах, о том, что во всем виноваты евреи, — это поиски своего рода эквивалента чужеродного ига. Так легче психологически — есть кого обвинить, есть кого сбросить. А если некого? Если сами виноваты? Именно в таком положении оказался русский народ, и поэтому так мучительно он из него выбывается.

— *Разве весь народ может быть виновен?*

— Все и никто — синонимы. Я отмечаю мысль, что какая-то кучка заговорщиков захватила бедную Россию и над ней измылась, а несчастная Россия ничего не могла сделать. Человек с подвешенным языком может счет вести нашим бедам и от татарского ига, и от Ивана III или IV, или от Петра I. Спорить бесполезно. Надо понять, что беды наши происходят по конкретным историческим причинам. Скажем, как сейчас умильно ни поминают царскую Россию, но рухнула-то она в три дня — значит, прогнила насквозь. И что поделаешь, это наша история.

— *Я знаю, что вас серьезно занимают проблемы национального самосознания и психологии и у вас есть особая точка зрения на сей счет.*

— До недавнего времени обостренного национализма не было, он был загнан так глубоко в подсознание каждого, что человек его почти не ощущал. Болезнь существовала глубоко внутри. Но существовала — иначе бы не обострилась сейчас! Очень многие недавно искренне считали, что наша социальная общность важнее, чем национальная. Теперь же говорят, что важнее всего национальная принадлежность. Меня это мало радует. Я понимаю естественность обострения национализма, но оттого, что он естествен, он не делается симпатичным. Мне столь же

неприятны и имперские привычки русского народа. Ничего более лицемерного, чем русский империализм, по моему, не существует. Я не слышал ни от одного человека честной ругани: «Сволочи эти грузины, литовцы и т.д., хотя от нас отделиться и тем самым нас ограбить». Нет, ведь все жалеют беглецов: «Хотят отделиться, а как же они без нас жить будут?! Пропадут!» В сущности, тот же имперский принцип, выдаваемый за интернационализм, за великодушие, за сострадание. Ради их же блага не опустим их на волю, лучше задушим в своих объятиях.

— *Но ведь многие, действительно, искренне так считают.*

— Настоящий лицемер абсолютно искренен, и свои подлинные мотивы он прячет не столько от других, сколько от себя. Поэтому, хотя многие наши соотечественники искренне недоумевают, как же грузины и литовцы будут без нас, все равно я называю это лицемерием. Ибо они научились обманывать свое сознание.

Не сочувствуя русскому империализму, я не могу сочувствовать обострению национализма местного, хотя понимаю, что оно неизбежно. И в силу неизбежности я его поддерживаю. Все народы, которые хотят получить независимость, должны ее получить, это их дело — станет им хуже или лучше после этого.

В то же время обострение национализма меня не радует. Так же как то, что большинство людей пьет, хотя я бы предпочел, чтобы они были трезвенниками. Просто я понимаю, что это нереально.

В идеале хотелось бы, чтобы все люди были космополитами и не интересовались ни своими, ни чужими национальностями. Но я понимаю, что в ближайшее столетие люди будут пьянствовать и заботиться о своих национальностях.

— *Забота о национальном, с вашей точки зрения, — момент отрицательный?*

— Да, человек рождается на свет голым. Национальное в нем воспитывается. Так что идеальное природное его состояние — космополитическое. Стремление сохранить национальный язык неизбежно оборачивается нелюбовью к тому, кто говорит на другом языке. Существуют, таким образом, «наши» и «не наши»! И так легко рождается клич: «Наших бьют!» Я был бы счастлив, если бы все люди вдруг заговорили на едином языке, уничтожив все остальные.

А самобытность — она должна принадлежать личности, а не группе, ибо групповая — «народная» — самобытность уже угнетает личность, заставляет быть «как все». Посмотрите, как по-разному ведет себя человек среди «своих» — родных, друзей и рядом с «чужими». Среди своих он сам по себе, он похож на себя, рядом с чужими он уже кого-то представляет, он — не личность, он прежде всего «вообще русский», «вообще советский». Он и говорит, и ведет себя «от имени и по поручению». Исключения редки, только самые яркие люди всегда остаются самими собой... Так что угнетает принадлежность к любой группе — к народу, классу, партии. Угнетает — но и защищает. Люди объединяются в народы, чтобы выжить в страшном мире. Сплачивает страх. Если будет когда-нибудь мир без страха — распадутся и народные общности. Боюсь — это произойдет не скоро...

Беседу вел Александр НИКОЛАЕВ

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

НА ТЕРРИТОРИИ БЫКА

Образ из Хемингуэя. Матадор может работать на «территории быка» — там каждое его движение абсолютно честно, смертельно опасно, поразительно красиво. Матадор может работать на «своей» территории — там каждое его движение живо, безопасно, смешно. Но это может понять только знаток — для американского туриста разницы нет, он не понимает, что матадор, стоя, кажется, так близко к быку, ничем на самом-то деле не рискует, только симулирует опасность.

Тот, кто до 85-го года писал про Сталина правду, тот работал на территории быка. В 86—87-м он уже перемещался на территорию матадора — ему аплодировала восхищенная публика, а он не рисковал ничем. А в 88—89-м годах (даже публика это поняла) показывать свою смелость стало невозможно. Кто в 87—88-м писал про Ленина правду, тоже работал на территории быка... почти. А тот, кто пинает ногами мавзолей сегодня, — тот уже вне территории матадора, на скамейке запасных.

Это не значит, что сегодня «смешно» или «нечестно» критиковать Горбачева, говорить правду о Ленине и даже о Сталине, — вовсе нет. Но просто — это уже не то место, где человек может доказать себе, что он не трус. Не то место, где он рискует.

О, мы, жители тоталитарной империи, страх как точно знаем эту грань — между негласно разрешенным и негласно запрещенным. И сколько мы переводили на нашей ярмарке тщеславия липовых матадоров — мастеров показывать фиги в кармане, показывать свою храбрость «применительно к подлости», с мародерским азартом грабить трупы и, изгибаясь на трибунах, «истины царям с улыбкой говорить»!

Нет, речь идет не о «писателях» вроде Чаковского — Маркова — Михалкова. Они, к счастью, и не пытались изображать «свободомыслие», честно отработывали свои ордена и премии. Речь о бесчисленных «честных шестидесятниках», ух как точно и тонко знавших, где она, эта граница. По одну ее сторону — ты модный, кокетливый, «почти честный» и вполне безопасный, а вот по другую... Нет-нет, на другую сторону не перейти никогда.

Вот один из самых талантливых, один из самых честных, один из самых неофициальных — скульптор мирового класса Эрнст Неизвестный. Многие, может быть, читали его эссе «Лик—лицо—личина» в «Знамени» (№ 12, 1990 г.). Сильно написано — и какой же дышит едкой ненавистью к нашим партийным руководителям 60—70-х годов. Иногда аж нехорошо становится, когда читаешь... Хотя — ведь правда, все — правда. Он всегда был независим, он не кланялся, не лизал, он — ненавидел. И он пишет, как в ресторанах с ними сидел, ненавидя их. Ну что ж — не будем смешными пуританами. Можно и пить с тем, кого презираешь, ненавидишь. Только... «Дорогой

Никита Сергеевич, я благодарен Вам за отеческую критику. Она помогла мне. Да, действительно пора кончать с чисто формальными поисками и перейти к работе над содержательными монументальными произведениями, стараясь их делать так, чтобы они были понятны и любимы народом. Сегодня товарищ Лебедев передал мне Ваши добрые слова. Никита Сергеевич, я боюсь показаться нескромным, но я преклоняюсь перед Вашей человечностью, и мне много хочется писать Вам самых теплых и нежных слов. Но что мои слова; дело — в делах.

Никита Сергеевич, клянусь Вам и в Вашем лице партии, что буду трудиться не покладая рук, чтобы внести свой посильный вклад в общее дело на благо народа.

С глубоким уважением

Э. Неизвестный

21 декабря 1962 г.

Эту записку с схиждством напечатал журнал «Известия ЦК КПСС» (№ 11, 1990 г., с. 213). Да, Неизвестный преклонился перед «человечностью» Персека ЦК КПСС после того, как тот на выставке в Манеже, не умея выговорить по адресу художников слово «педерасты», кричал «педерасы»...

Но вот в Москве издана книга человека, всю жизнь простоявшего только на территории быка. Человека, вошедшего на эту территорию абсолютно добровольно и не ушедшего с нее. Книга Владимира Буковского «И возвращается ветер» (и его вторая книга «Письма русского путешественника»). Написана в 1977 году, издана в Москве в 1990-м независимым акционерно-издательским объединением «Демократическая Россия».

Да, это тот самый Буковский, о котором в 1976 году сложили частушку: «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана. Где найти такую б... чтоб на Брежнева сменить». В декабре 1976 года «диссидента № 1» (сам бы он, наверное, не принял такой титул) вывели из камеры Владимирской тюрьмы, сказали: «Сапоги тебе больше не нужны», усадили в машину и помчали неведомо куда. Он думал, уж не хотят ли его «при попытке к бегству»... Но нет: Лефортовская тюрьма — Шереметьево — Цюрих...

«Цюрих? — Цююююрих? Что-то я такой пересылки не слышал...» Вот этим знаменитым (и необъяснимым, все-таки!) хэппи-эндом кончилась одиссея Буковского. Его в наручниках этапировали с территории быка — прямоком в швейцарский рай... Когда Буковского «махнули» на сидевшего в пиночетовской тюрьме лидера чилийских коммунистов, ему было 34 года. Из них 13 лет (с небольшими перерывами) он просидел в тюрьмах, колониях, психушках. Начал он свой путь реидивиста еще в «оттепель», в 1963 году. Тогда другие — молодые, но знаменитые поэты и писатели-«шестидесятники» — писали романтические стихи, повести, пьесы, воевали с партийными консерваторами, валяли свой «социализм с человеческим ли-

цом», ездили за границу, винтили дырочки в пиджаках под будущие ордена и госпремии, ругали начальство на кухнях и громко провозглашали свою беспредельную преданность этому начальству с трибун...

Это было нормальное поведение нормальных людей. Адаптированное поведение. Почему же Буковский избрал — сознательно, добровольно — тюрьму?

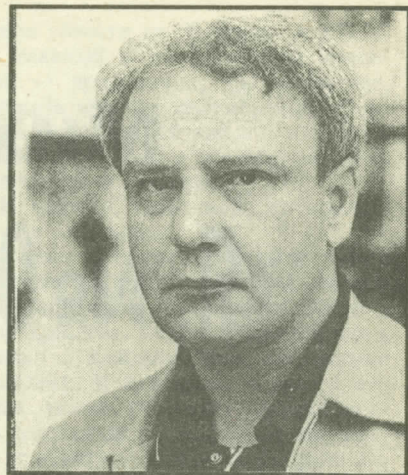
Ему «лепили» диагноз — «вялотекущая шизофрения». Согласно теории одного из «крестных отцов» советской психиатрической мафии, академика Снежневского, «все — шизофреники, в крайнем случае «вялотекущие», то есть такие, что шизофрению у них может обнаружить один Снежневский». Но не в Снежневском деле. Может быть, Буковский и впрямь сумасшедший?

В самом деле. То, что он ясно понял про нашу жизнь, про Советскую власть, — да кто же этого не понимает? Что пропаганда все нагло врет, что вместо «коммунизма» и «социализма» мы имели хамов-начальников, не умеющих даже грамотно произносить эти волшебные слова, что несчастный советский человек не имеет никаких прав, что живет хуже любого пуэрториканца или американского безработного, что нет в этой стране никаких законов, кроме одного «не положено», что... что... что... Ну, ей-богу, не так уж велика заслуга была ясно понять это уже и в 58-м году (хотя до многих не дошло и в 91-м, но это уж их трудности). Но что из того? Понял? Понял. Ну и молчи в тряпочку. Тем глуше молчи, чем лучше ты понял суть этой страшной системы! Вот ведь психология абсолютно нормального человека. О чем речь-то? Плетью обух не перешибешь. Нормальный человек не лезет не только на территорию быка — он и на территорию матадора не суется. Его место — на трибуне, его дело — сторона, его роль — вечно покорный зритель.

Кто же этот Дон Кихот, с поднятым копьём летящий на ветряную мельницу, которая, не заметив, вздернет его на воздух, а затем швырнет оземь? Он не понимает этого? Тогда он непроходимо глуп, со своим «горем от ума». Он понимает это и все равно идет? Ну, тогда он — самоубийца, безумец!

Так говорили обо всех бунтарях от Адама и Евы. «Куда вы лезете, молодой человек? Перед вами же — стена! — Это верно, но стена-то гнилая. Ткни — она и рассыплется!» По преданию, это сказал тот, кто вместо гнилой стены создал нам стену каменную, железобетонную, истинно советскую, — Ленин. Но Владимир Буковский далек от амбиций Владимира Ульянова. Он — не революционер. Он не надеется сломать стену. «Мы не играли в политику, не сочиняли программ «освобождения народа», не создавали союзов «меча и орала». Нашим единственным оружием была гласность. Не пропаганда, а гласность, чтобы никто не мог сказать потом — «я не знал». Остальное — дело совести каждого. И победы мы не ждали — не могло быть ни малейшей надежды на победу. Но каждый хотел иметь право сказать своим потомкам: «Я сделал все, что мог. Я был гражданином, добивался законности и никогда не шел против своей совести». Шла не политическая борьба, а борьба живого против мертвого, естественного с искусственным». Оцените всю горькую иронию этих слов — ведь поглощенный борьбой, кочующий из тюрьмы в тюрьму, Буковский даже семьей-то, потомками не обзавелся. Нет, не ради потомков эта борьба, ради чего-то иного...

Чего же? «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой» (Гете). Может быть, мы настолько оскотинились в нашем «существовании», настолько сами недостойны ни жизни, ни свободы, что просто честный человек, просто человек, который не желает врать и ползать на брюхе перед начальством, — такой человек уже кажется нам сумасшедшим? Мы готовы на расстоянии, так и быть, абстрактно восхититься одним Сахаровым или вот Буковским — но,

Владимир
Буковский

столкнувшись лицом к лицу, не пойдем их, шарахнемся в ужасе, а то и с ненавистью? Может быть, может быть... Такие вопросы каждый для себя решает в одиночку.

Конечно, был у Буковского и спортивный азарт борьбы. Была и спайка, плечо друзей. Был и особый образ жизни, образ жизни настоящего зэка, рецидивиста, который и не надеется долго жить на воле, да не очень-то и может на воле человек, для которого уже тюрьма — дом родной. Была у Буковского и радость риска, та, ради которой люди идут в горы, охотятся на медведей, гонят на сумасшедшей скорости на мотоцикле по мокрому шоссе. То самое, ради чего человек идет на территорию быка, — потому что ему стыдно и скучно простоять всю жизнь на безопасном пятке матадора.

Оказавшись на Западе, Буковский, в конце концов бросил якорь в Оксфорде. Он стал исследователем в области нейрофизиологии. Может быть, он хочет понять движущие силы человеческого — в том числе и своего — поведения? А ведь в России — где ему, к слову сказать, так и не вернули гражданства (впрочем, официально лишили ли его?) — случилось многое, о чем он мечтал, что он готовил. Но Буковский не едет в Россию. Почему? Почему вообще лучшие из лучших, самые твердые, нестигаемые диссиденты так мало участвуют в нашей политической жизни? Глеб Якунин, Ковалев, покойный Револьв Пименов, ну и, понятно, великий Сахаров — по пальцам можно перечислить диссидентов, занимающихся политической профессионально.

Диссиденты любили повторять — мы не политики, мы просто привыкли мыть руки перед едой, мы просто брезговали жить в свинарнике и довольно почавкивать в грязи. Вот и все. А в остальном о нас заботились власти, видимо, помня слова Толстого, что для честного человека в России есть одно место — тюрьма.

Да, территория быка очищает. Там как на войне — нельзя играть, врать. Ведь за каждое слово приходится тут же платить шкурой. Ты сохраняешь (или выкупаешь, вырываешь) свое человеческое достоинство, ты поставил себя в такие условия, где ты вынужден не лгать. И может быть, это самое главное, что привлекает сильных и смелых на территорию быка. Времена изменились, и сегодня иные диссиденты мечтают вновь очиститься, сменить игру на настоящую жизнь — провоцируют для себя опасность, лезут под дубинки ОМОНа. Увы, это получается уже довольно жалко (см. Новодворскую). Что было естественно тогда — то игра сейчас. Дважды на одну и ту же территорию быка не войдешь.

Новому поколению нужна своя закалка, своя территория быка. Книгу Буковского можно было бы назвать «Как закалялась сталь». И я действительно думаю, что при понятной противоположности политических позиций Островский и Буковский могли бы уважать друг друга. Но Буковский показывает нечто иное — как можно обрести нестигаемую твердость, не став стальным фанатиком. И в этом наше спасение сегодня.

Михаил КОТЛЯРОВ:

«Я, № 06163151, заявляю...»

В Пролетарский райком КПСС г.Москвы от члена партии с 1924 года (ЦНИИТМАШ) КОТЛЯРОВА МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА. Год рождения — 1904. Партстаж — 66 лет. Партбилет № 06163151. В партию вступил в 20-летнем возрасте, будучи потомственным шахтером Донбасса. Партвзысканий не имею. К суду не привлекался. Ни в каком партаппарате КПСС не работал. Никакими орденами не награждался — ни в период сталинизма, ни в период брежневщины. Имею только медали. За оборону Москвы. За трудовую доблесть. Ветеран труда. Действующий спортсмен. В марте прошлого года на открытом чемпионате Москвы по легкой атлетике среди ветеранов я, имея паспортный возраст 86 лет, завоевал две золотые медали и титул чемпиона Москвы.

ЗАЯВЛЕНИЕ О ВЫХОДЕ ИЗ КПСС

Ставлю райком в известность, что мною по собственной инициативе принято решение выйти из состава КПСС. Мой партийный стаж обязывает меня дать подробное объяснение.

Три причины побудили меня уйти из КПСС. Несогласие с программной политикой партии и ее диктаторскими методами руководства. Полное разочарование в ее идеалах, в ее бездуховности. Совесть призвала к покаянию. Я уйду из КПСС в знак протеста против бесчеловечной антидуховной идеологии ленинизма, изгнавшей из жизни общества веру, стыд и совесть, создавшей в стране атмосферу страха, лжи, насилия и голода.

Уходом из КПСС я прежде всего выражаю покаяние души перед самим собой. Перед своими детьми, они уже пенсионеры. Перед своими внуками и правнуками. Перед живущими и будущими поколениями своей родной русской нации и всех других народов моей страны за причиненные им страдания губительной политикой моей партии. А также за долгое пребывание мое в состоянии гипноза и ослепления ложными догмами ленинизма-большевизма-социализма-коммунизма, не зная, что они ложные.

В покаянии я вижу духовное освобождение своей совести от идейно-

го рабства и обретение таким путем морального права смотреть в глаза близоруким людям. И всеми доступными мне средствами содействовать спасению народа от вырождения, от тяжких последствий диктатуры КПСС. Она и сегодня продолжает держать в своих слабеющих руках руль старой, монополюющей власти.

Свое покаяние я лично рассматриваю не как самобичевание, а как очищение своей совести, как свой нравственный долг — признать свою долю вины за все содеянное моей партией, извлечь урок для себя и для пользы других, чтобы никогда, нигде и ни у кого не повторилась такая или ей подобная беда.

Это должен сделать каждый, кто не трус. Кто не боится признать свою долю ответственности за те злодеяния, за которые в моей стране всю полноту ответственности, как и в любом цивилизованном государстве, несет монополюющей правящая партия — КПСС. И только она! А значит, и я! А значит, и каждый, кто в ней состоит! Включая Президента.

Конечно, было бы более разумным, если бы такое великое таинство очищения совести перед народом взял бы на себя за всю партию мой Генсек М.С.Горбачев. Ведь он-то должен понимать, что его и моя партия в тяжких грехах.

Но увы! У ленинизма понятие греха, в нравственном его значении, отсутствует. У ленинцев идея затмевает разум. И поэтому они не умеют думать о последствиях, о личной ответственности. А стало быть, не умеют думать и о покаянии. У них понятия греха и нравственности заменены понятиями частной собственности и классовой непримиримости. У них самый большой грех — быть хозяином, быть собственником. А нравственным считается все то, что связано с уничтожением классов и частной собственности. Совесть, как духовно-нравственный регулятор жизни человека, у них, у коммунистов ленинской модели, отсутствует.

В 1917 году, когда мне было 13 лет, Октябрьская революция подарила всем нам прекрасные лозунги: «Власть — Советам! Фабрики — рабочим! Земля — крестьянам!» Эти лозунги как волшебные слова действовали на моего отца, заводского рабочего Михаила Игнатьевича. А через него — на меня. Но потом все это оказалось идеологическим обманом. Вместо власти Советов устанавливалась диктатура ленинской партии большевиков, которая действовала методами насилия и террора. Уже через три года, в 1921 году, матросы Кронштадта, доведенные до отчаяния, выступили

под лозунгом «Советы без коммунистов». В принятой резолюции они уже тогда (какая поразительная дальновидность!) отметили: «На горьком опыте трехлетней власти коммунистов мы убедились, к чему ведет партийная диктатура... Создается класс паразитов, живущих за счет масс». Партия Ленина ответила матросам массовым расстрелом.

Оглушенные трескучими лозунгами и ослепленные мертвыми догмами, которые воспринимались нами как ниспослание Бога, мы не заметили, как оказались в тисках нового класса эксплуататоров — государственных чиновников. Они под диктатом ленинской партии ликвидировали частный капитал и ввели более жестокий режим труда, чем был при царе. При власти царя работал мой отец, сначала на заводе, а потом — в шахте. И я могу об этом говорить.

Крестьянство было лишено земли и вновь оказалось в крепостном рабстве. А самая деятельная часть сельского населения, которая кормила не только свою страну, но и страны Европы, была безжалостно уничтожена, что и создало в стране атмосферу голода и страха.

Вот так мой вчерашний бог — Ленин — волей судьбы предстал перед всем миром в потрясающей роли того кузнеца-неудачника, который ковал железо, а получил пшик. Разница, однако, ужасна. Ленинский пшик оплачен кровью миллионов моих соотечественников. И это явилось главной причиной моего разочарования в нем.

Теперь, когда 73 года беспросветного мрака отрезвили нас, выветрили из головы дурман социалистической идеологии, мы получили возможность судить о «Великой Октябрьской социалистической революции» не по лозунгам, а по конечным результатам! И тем не менее ленинское преступление перед народом продолжают на наших глазах его кремлевские наследники, которые довели уже страну до полного развала.

Что касается самой КПСС как политической организации, то она подлечит самороспуску, поскольку перед лицом всего мира доказала свою несостоятельность и полностью утратила право на существование. А ее лидеры должны добровольно, мирным путем, пользуясь великодушием народа, уйти тихо со сцены. И своим уходом устранить единственное препятствие на пути к дости-

жению консолидации здоровых сил общества. Только после этого возсторжествует истинная демократия, которая создаст коалиционное правительство. И только такое правительство в сложившейся чрезвычайной обстановке сможет объединенными силами вывести страну из пропасти на путь процветания.

За 66 лет пребывания в рядах КПСС я окончательно убедился в том, что КПСС сначала «разрушает все до основания», а затем восстанавливает. Сначала расстреливает, а затем посмертно реабилитирует, и не тысячами, а миллионами!!!

Нет в мире другой такой правящей партии, которая так варварски истребляла сама себя и свой народ всех наций, не давая пощады ни русским, ни литовцам, ни евреям — никому.

В настоящее время во всем мире ни в одной процветающей стране, где господствует, по определению Ленина, «эксплуататорская идеология капитализма», нет такой грабительской эксплуатации человека, какая существует в СССР на протяжении всего периода господства идеологии ленинизма моей монополично правящей партии — КПСС. Это она, КПСС, единственная повинна в том, что в моей стране «на протяжении 70 лет наш советский человек получает за свой труд около 1/7 части его стоимости». А 6/7 забирает в свой бездонный карман коммунистическое государство-грабитель.

Налог у нас двух типов: явный и тайный. Первый мы знаем — подоходный. Второй — монопольная оценка государства на большинство промышленных и часть продуктовых товаров. Сумма этого налога гораздо больше подоходного. Получается, что истинный налог с зарплаты составит такую сумму, что ее вполне можно будет занести в Книгу рекордов Гиннесса!!!

Кто же теперь поверит в социальную справедливость политики КПСС? Воспетый в гимнах Октябрь перемолол в своей кровавой мясорубке миллионы лучших людей русской нации и всех других наций моей страны лишь для того только, чтобы над куполом Московского Кремля реял не трехцветный бело-красно-синий национальный флаг России как символ величия земли Русской, а одноцветное кроваво-красное знамя! Ведь все главное, что Октябрь разрушил и утопил в море крови, теперь народами России восстанавливается! И никто за этот кровавый абсурд своей вины перед

судом совести не признает. А КПСС — главный и единственный виновник — продолжает, как и прежде, держать в своих полумертвых руках руль монопольной власти, да еще и претендует, как и прежде, на роль авангарда в обществе.

И никому, боже мой, не стыдно! А мне — стыдно!

Самым главным мотивом моего разрыва с КПСС является полное разочарование в личности Ленина как идеолога. Образ Ленина в моих глазах с каждым днем все больше тускнеет. И все ниже падает с его лика «нимб святости», искусственно созданный нами. И, как ни горько признаться, при моем усердии тоже. В этом я грешен, как все.

Но истина должна остаться ничем не замутненной. И правда должна быть полной. В партию я вступил не по собственной инициативе. Я попал в партию Ленина по вербовке, когда работал в угольной шахте Донбасса, — 66 лет назад, в июне 1924 года. Буквально через полгода после кончины вождя. Массовая вербовка рабочих с производства в ряды Российской коммунистической партии большевиков вошла в историю под названием «Ленинский призыв». Нас называли тогда коммунистами ленинского призыва. И все мы этим гордились. Тогда, и потом долгое время, все мы были в полном неведении о преступной деятельности партократии, которая во всех своих деяниях, включая массовый террор и насилие, поступала, как совсем недавно стало известно, по личным установкам, директивам и указаниям Ленина.

Сталин и сталинизм — явление вторичное. Сталинизм — продолжение ленинизма. Ленин и ленинизм был и остается явлением первичного значения. И вся ответственность за крах «великого эксперимента» лежит на нем, на совести Ленина, на его личной ответственности.

Ведь еще при жизни Ленина в 1920 году в Советской России было 84 концлагеря, в которых томились 50 тысяч узников.

Когда я вижу на экране телевизора «коммунистов-авангардистов» и слышу их громкие призывы сохранить во что бы то ни стало КПСС как авангард общества, я не только чувствую себя оскорбленным. Я одновременно ощущаю в разбухшей душе вандализм глумления над памятью миллионов моих соотечественников и в их числе моих друзей и родственников, невинно погибших от партократии КПСС.

У меня создается такое впечатление, что коммунисты-авангардисты, сидящие в кабинетах власти, в центре и на местах, смотрят на свой народ либо как на общество слепых, которым непременно нужен поводырь (акт недоверия к народу), либо как на общество дураков, которым безразлично, какая партия ими управляет.

Я прошу бывшего товарища по партии Генерального лидера КПСС М.С.Горбачева обратиться к народу с покаянием за причиненные ему страдания и многомиллионные жертвы невинно загубленных людей в результате реакционной идеологии КПСС и ее антинародной политики как монополярной диктатуры партии.

В связи с тем, что идеи коммунизма никем научно не разработаны и ни в какой модели не представлены, признать неправомерным «великий эксперимент». Миру известно, что само понятие коммунизма застряло в головах теоретиков на уровне туманных идей прошлого века. Эти идеи — не более как «полуфабрикатное сырье», непригодное к употреблению, что доказано горьким опытом не только в СССР, но и во всех странах «соцлагеря». Строить по таким суррогатным идеям новое общество в такой огромной стране, как СССР, с многомиллионным населением — это такое же безобразие, каким является запрещенное законом любое беспроектное строительство.

Для процветания цивилизованного общества и природной среды его обитания никакие идеологические «измы» не нужны — ни марксизм, ни ленинизм, ни большевизм, ни социализм, ни коммунизм. Идейной основой новых партий должен служить Здравый Смысл, заложенный в генах нормально мыслящего человека.

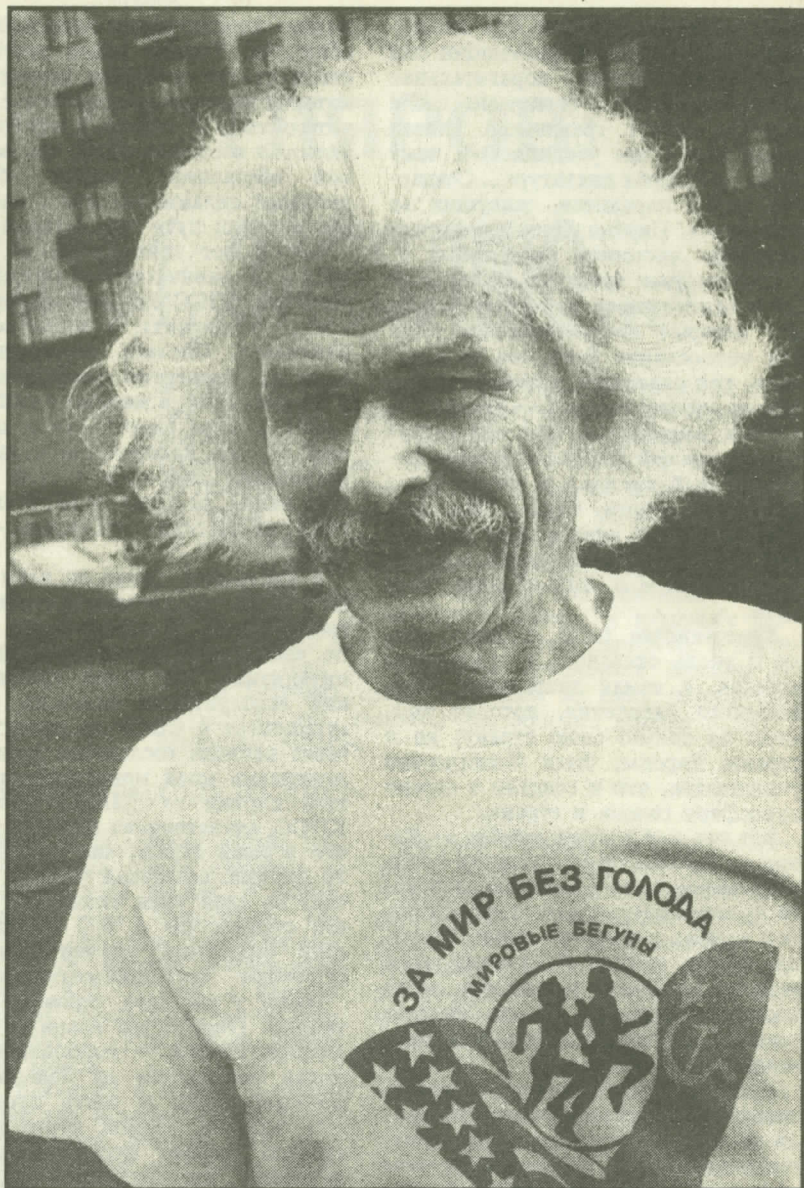

Фото Э.Кудрявницкого

**ВАША
РЕКЛАМА -
на страницах
СТОЛИЦЫ**
телефон 928-83-40

Владимир БЕРЕЗОВСКИЙ:

«Нас объединила борьба с партийно-хозяйственной мафией»

В № 5 журнала «Столица» за 1990 год была опубликована беседа с сопредседателем Народного фронта Узбекистана «Берлик» Беком Ташмухамедовым «Зачем создается среднеазиатский тоталитарный округ?». Сегодня мы продолжаем начатую тему и предоставляем слово одному из руководителей другой общественно-политической организации — члену исполкома Интерсоюза В.А. Березовскому.

— Развитие демократического движения в Узбекистане, — говорит Владимир Александрович, — имеет свои отличительные черты. Если в других союзных республиках обострились разногласия между коренным и русскоязычным населением, Народными фронтами и Интерфронтами, то у нас набирает силу обратный процесс. Происходит координация деятельности «Берлика» и Интерсоюза. Со временем, думаю, мы сможем объединиться в одну демократическую организацию. К сожалению, Узбекистан тоже не избежал межнациональных распрей, трагических событий — вспомним хотя бы Ферганскую долину или Андижан. Но в отношениях между двумя самыми крупными общинами республики — узбеками и русскими (последних здесь проживает свыше полутора миллионов человек, а численность всего русскоязычного населения превышает два миллиона) — дело никогда не доходило до серьезных столкновений. (Хотя отдельные хулиганские выходы по отношению к русским имели место.) Почему? Думаю, потому, что эти две общины как бы поделили между собой сферы хозяйственной деятельности. Одни просто не могут существовать без других. Русские работают, в основном, на заводах, фабриках, в строительстве. Но их почти нет в сельском хозяйстве, бытовом обслуживании, торговле — там представлена коренная нация.

Руководители узбекской национально-демократической организации «Берлик» со временем поняли, что без помощи такого мощного локомотива, как русскоязычное население, которое является более политически развитым — именно в силу своего социального положения, а не национальных черт, — добиться серьезных успехов в борьбе за демократию невозможно.

Наши организации объединила оппозиция по отношению к существующей власти. Подавляя политические свободы, эта власть не делает разницы между «Берликом» и Интерсоюзом. И тех и других шельмуют в печати, и тем и другим отказывают в проведении собраний. Партийная пропаганда изображает «Берлик» отъявленными националистами, которые, мол, требуют, чтобы рус-

ские убрались из Узбекистана, а Интерсоюз — великодержавными шовинистами, едва ли не призывающими к созданию отрядов самообороны. В конце концов «Берлик» обратился к русскоязычному населению и объяснил ему, что все это ложь, что не уезжать надо, а жить вместе, как и жили десятилетиями, и бороться за построение демократического общества. Все партийные газеты отказались напечатать это обращение. Его опубликовала только газета Интерсоюза.

После этого и мы, со своей стороны, тоже сделали встречные шаги. И вот 30 сентября прошлого года на совместном собрании Интерсоюза и «Берлика» было решено действовать единым фронтом. Народные депутаты — члены двух наших организаций — тоже стали сотрудничать друг с другом.

Сближению помогло и то, что к этому времени как в «Берлике», так и в Интерсоюзе деятели, выступающие с экстремистских позиций (у них — с рьяно националистических, у нас — с неосталинистских), сошли с политической сцены, оказались на вторых и третьих ролях, перестали оказывать заметное влияние на деятельность организаций.

Ни для кого не секрет, что наш Интерсоюз создавался с помощью партийного аппарата, как дочернее предприятие местной компартии. Последняя позаботилась о том, чтобы нам выделили помещение, дала «зеленый свет» на выпуск газеты. Но, в отличие от Прибалтики, коммунистам не удалось надолго удержать новую общественную организацию под своим контролем. Ставленники аппарата скоро показали, чего они стоят. Например, произошел такой случай. Активиста Интерсоюза увольняют с работы, рядовые члены предлагают выпустить листовки, организовать пикетирование предприятия. «Кабычегоневышлисты» же говорят: «Этого делать не надо. Зачем будоражить коллектив?»

Поэтому вскоре наши пути разошлись. В Интерсоюзе осталась только демократическая его часть.

— *Вы говорили об оппозиции демократов существующей власти. Какие ее действия конкретно вызывают неприятие Интерсоюза и «Берлика»?*

— Существующую власть у нас олицетворяет республиканская компартия. Пожалуй, ни в одной союзной республике она так не скомпрометировала себя, как в Узбекистане. Ведь фактически все бюро ЦК времен Рашидова было арестовано за организацию «хлопковых дел». В тюрьме оказались бывший первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Усманходжаев (он осужден на 12 лет), бывший глава правительства, многие члены Центрального Комитета. Казалось бы, после случившегося партия должна была бы уйти с политической арены, прекратить свое существование. Но этого не произошло. Компартия даже не раскололась. Она сохранилась. И сейчас, после выборов, прошедших в условиях беспрецедентного подавления демократических сво-

бод, демагогически заявляет, что пользуется поддержкой народа. Чем объяснить эти метаморфозы? Дело в том, что партийная номенклатура тесно сплелась с хозяйственной мафией, общность их интересов цементирует и организационное единство.

Да, в последнее время увеличилось число вышедших из партии. В первую очередь это в Ташкенте, Ташкентской и Бухарской областях, городах, где проживает в основном русскоязычное население. На глазах у него происходило воровство и взяточничество, но само это население — опять-таки в силу своего социального статуса — не участвовало во всем этом. В сельской же местности тысячи представителей коренной национальности, зачастую помимо своей воли, были втянуты в круговерть «хлопковых дел». Это не вина их, а беда. Учтите к тому же, что на местах райкомы и парткомы сохранили прежнюю власть. Простому человеку надо устроиться на работу, построить дом, выдать дочь замуж, устроить сына на учебу, достать стройматериалы. И он ничего этого не сделает, если не пойдет на поклон к партийно-хозяйственной мафии.

Но я был бы не прав, если бы сказал, что среди коренного населения царит полная покорность и апатия. Даже в условиях полной зависимости, круговой поруки люди отваживаются бросить вызов системе. На уже упомянутом собрании человек преклонного возраста, узбек, вышел к трибуне и сказал: «Я 40 лет был в партии. Простите меня, сынки, за это». И положил свой партбилет. Вслед за ним выступила женщина-узбечка, работчая. Рассказала, что ее не один раз избирали в бюро райкома, депутатом, но только теперь она поняла, что ее «использовали как куклу». Женщина эта тоже заявила о своем выходе из партии.

Я думаю, что власти не пытаются никаких иллюзий относительно настроений рядовых членов партии. Они хорошо понимают, что восточному образу жизни, восточному мышлению глубоко чужда привнесенная извне идеология марксизма-ленинизма, что большинство людей состоят в партии из прагматических соображений. Как только изменится экономический уклад, будут рынок, частная собственность, хозяйственная самостоятельность производителей, то начнется массовый выход из партии. Вот эти-то перемены руководство республики решило во что бы то ни стало не допустить. Оно дает понять, что ни о какой приватизации, частной собственности, разгосударствлении, акциях и прочих вещах не может быть и речи. В срочном порядке создаются

государственные концерны по машиностроению, химии. Делаются официальные заявления о том, что совхозы и колхозы останутся основной формой землепользования. При этом ссылаются на нехватку земли: мол, если начнут ее делить, то это вызовет междоусобицы среди сельского населения. На самом деле, крестьянин не всегда обрабатывает даже ту землю, которая имеется. Например, недавно полученные дополнительно на каждую сельскую семью — согласно Указу Президента республики — 20 соток. Почему это происходит? Да потому, что человек не желает работать впустую. Сдавать выращенный урожай потребкооперации по дешевке он не хочет, а сбыть его за пределы республики не может, торгово-закупочные кооперативы запрещены.

Чем вообще характеризуются практические действия властей за последние два года? Мало того, что тормозится все новое — идет возврат к прежним порядкам. Буквально во всем. В свое время Нишанов — при всех его очевидных минусах — хоть что-то сделал, чтоб внести в общество свежую струю. Были, например, упразднены карликовые области, созданные Рашидовым для того, чтобы пристроить на руководящие должности свой клан, проведены реорганизация и сокращение ряда ведомств. Разрывались коррупцированные структуры — а значит, разрывались и мафиозные связи. Параллельно шли судебные процессы над работниками обкомов и прочими взяточниками. Номенклатура пребывала в параличе, она не знала, что ее ожидает.

Но вот республику возглавил Каримов — и номенклатура успокоилась. Восстановлены прежние карликовые области, сокращенные министерства, появились даже новые. Бюрократия плодится, ей становится уже тесно...

Нетрудно заметить, что в органах власти мы видим все те же «знакомые лица», которые занимали руководящие посты еще при Рашидове.

— *Его выдвиженцы?*

— Именно. Более того — родственники. Кто такой, например, Азимов — нынешний министр иностранных дел Узбекистана? Родственник Рашидова, был при нем председателем Союза писателей республики. А нынешний первый заместитель премьер-министра, курирующий сельское хозяйство, некто Джурабеков? При Рашидове он возглавлял министерство водного хозяйства.

И наконец, кем был при Рашидове сам Каримов? Он занимал пост заместителя председателя республиканского Госплана, был министром финансов. При Усманходжаеве стал первым секретарем Кашкадарьинского

Ташкентский филиал
Центрального музея В.И.Ленина

Фотохроника ТАСС

обкома партии. Все время находился «наверху». Так ему ли выступать за наведение порядка в республике? И стоит ли удивляться, что в прошлом году было пересмотрено около 800 «хлопковых дел». Многие из осужденных реабилитированы, некоторым сокращены сроки заключения.

Предпринимаются попытки реабилитировать самого Рашидова. Прошлым летом ряд народных депутатов СССР от Ферганской области выступили в своей областной газете с таким призывом: мол, хватит бросать камни в Рашидова, он сделал много полезного для республики. Такие оценки звучали и на последнем съезде компартии Узбекистана. В Джизаке, на родине Рашидова, на областной партийной конференции была единогласно принята резолюция, где поднимается вопрос о реабилитации Рашидова. И наконец, свежее сообщение из того же Джизака. Республиканские газеты эдак беспристрастно сообщили: в этом городе на месте, где ранее возвышался бюст этого «дважды Героя Соцтруда», удвоившего на бумаге количество собранного хлопка, теперь, видите ли, группа молодых людей выставила его рукотворный портрет.

Партийно-хозяйственная мафия дает всем четко понятие: да, мы понесли потери под ударами Гдяна и Иванова, но раны затянулись, мы возвращаемся.

Под ширмой «национального суверенитета» происходит грубейшее попрание демократических норм и гражданских прав, которые предусмотрены даже союзным законодательством. До сих пор на территории Узбекистана действует указ Президиума Верховного Совета республики, запрещающий все митинги, демонстрации и собрания. В прошлом году Интерсоюз четыре раза обращался в Ташкентский горисполком за разрешением о проведении собрания. Все четыре раза ему отказали. «Берлик» обращался восемь раз, разрешили только в двух случаях. Упомянутое выше собрание демократических сил 30 сентября 1990 года проходило в закрытом помещении, под усиленной охраной милиции. Распускались слухи, что здесь собрались отъявленные экстремисты.

Или вот еще примеры «суверенного» самодурства. В Ташкентский горисполком инициативной группой было направлено заявление на регистрацию Демократической партии. Был получен ответ на официальном бланке, с печатью и подписью председателя горисполкома. Смысл его сводился к следующему: в связи с провозглашением суверенитета Узбекистана иных политических

партий, кроме коммунистической, в республике быть не должно!

Президент Узбекистана недавно своим указом запретил печатание и распространение в республике каких-либо незарегистрированных изданий. Сделано это с той целью, чтобы полностью удушить демократическую печать, ибо регистрация для нее — задача непосильная. В прошлом году в Госкомпечати республики несколько месяцев протянули с регистрацией изданий «Берлика» и Интерсоюза. Сначала говорили, что не знают, сколько с нас брать денег, потом «не оказалось» бланков... Затем, когда до окончания срока регистрации осталось полтора месяца, нам вежливо сказали: вы извините, но мы будем заниматься в первую очередь официальными изданиями. Так вот, из новых изданий был зарегистрирован только детский журнал «Папа Карло».

Разглагольствования о «суверенитете» кроме подавления демократических свобод преследуют еще одну цель. Чтобы укрепить свое положение, бюрократия пытается опереться на национальные чувства узбеков, взвинтить их. Так, президент Каримов 31 октября прошлого года на сессии ВС республики утверждал, что Интерсоюз — это организация, которой, мол, руководят из Москвы. В ряду таких же действий властей — запрещение Ташкентским горисполкомом Русского культурного центра. Иначе чем дискриминацией русскоязычного населения это не назовешь. И наконец, недавно Каримов назвал «разжиганием великодержавных страстей» то, что ныне предпринимают Ельцин и ВС России. Думаю, это более чем странное заявление нетрудно объяснить. Узбекистан ежегодно получает дотацию. В прошлом году она составляла 3 миллиарда рублей, в этом году может увеличиться до 10 миллиардов. Понятно, что нежелание российского парламента отчислять в союзный бюджет львиную долю собственного бюджета вызывает раздражение тех руководителей, кто привык безбедно существовать, не предпринимая структурных изменений в хозяйственном укладе своих республик. Как видим, нелегкие проблемы стоят перед республикой и совсем непросто было двум крупнейшим общественно-политическим организациям договориться действовать сообща, чтобы их решить. Но иного выхода не было. Нас объединила общая цель — демократическое, правовое государство, гражданское общество, которое придет на смену власти партийно-хозяйственной мафии.

Беседу вел Александр МЕШКОВ

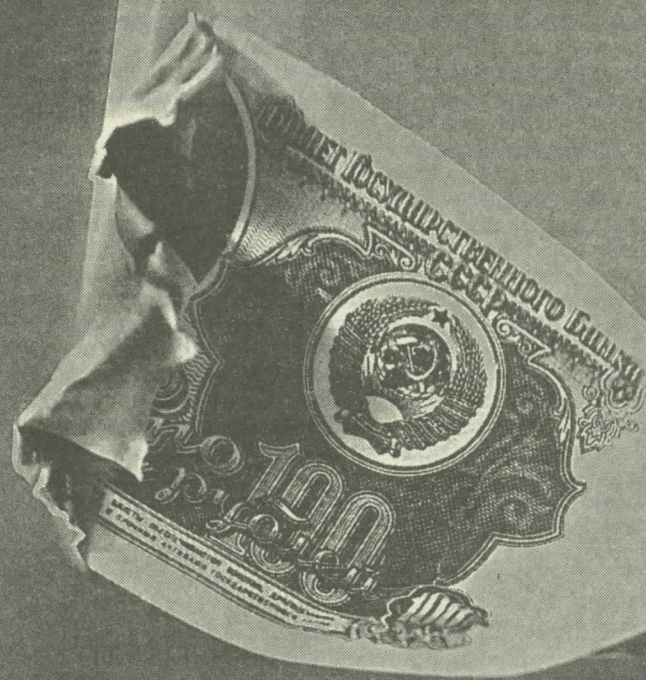
Так живут узбекские
"внучата Ильича"

Фото В.Семяна

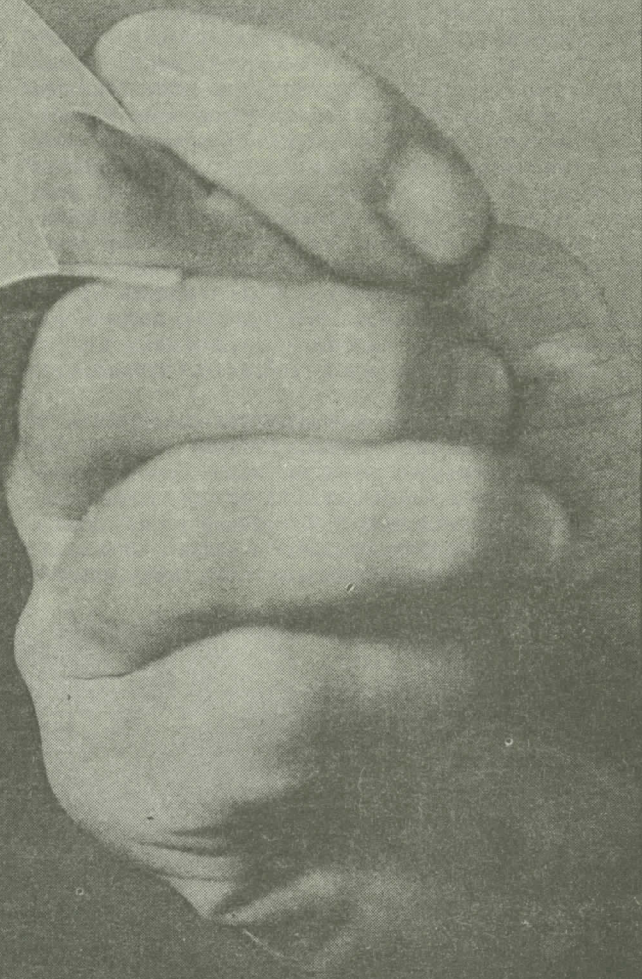

СПАСУТ ЛИ НАС

НОВЫЕ ДЕНЬГИ?

Н акануне Нового года столичные отделения Сбербанка задохнулись. У входа задолго до открытия выстраивались очереди — люди хотели обменять крупные пятидесяти- и сторулевые купюры на мелкие. Спонтанный, самостоятельный обмен начался задолго до официального.

Когда панические настроения достигли пика, некоторые газеты, ссылаясь на компетентные официальные источники, вынуждены были дать разъяснение — дескать, слухи насчет пятидесяти- и сторулевок — всего лишь слухи и не более. Внесло ясность в ситуацию и выступление по телевидению тогда еще министра финансов СССР, а ныне премьер-министра В.Павлова. На вопрос, будет ли в ближайшее время денежная реформа, он ответил однозначно — нет. Тем временем новенькие, пестро разрисованные пятидесяти- и сторулевые купюры уже были отпечатаны. Оставались считанные дни до выпуска их в обращение...

Вряд ли стоит рассуждать сегодня, вправе ли премьер дезинформировать народ. Гораздо важнее другое — секретная информация о грядущем обмене утекла еще в декабре. Как показали дальнейшие события, воспользовались ею отнюдь не честные труженики, ради которых затевалась эта акция. Первый день обмена показал — вопреки ожиданию крупные купюры скопились не в руках отдельных «мафиози», они получили массовое хождение, в том числе и среди пенсионеров. Такой поворот событий обескуражил финансистов. Самые приблизительные расчеты показали — концы с концами не сходятся.

Согласно сводкам, практически все работающие предъявили к обмену сумму в размере среднемесячного оклада. Это означает, что если среднюю зарплату по стране (265 рублей) умножить хотя бы на сто миллионов тружеников (а всего их более 160 миллионов), то минимум 26,5 миллиарда, как говорится, вынь да положь обратно. Аналогичная ситуация возникла и с пенсионерами — практически все они пожелали обменять разрешенные им две сотни. Снова перемножаем: двести рублей пусть на 50 миллионов пенсионеров. Итог — 10 миллиардов. Добавим теперь сюда хотя бы немного денег, которые граждане обменяют сверх зарплаты, допустим, 50—100 рублей на каждого работающего. Еще 5—10 миллиардов старыми надо обменять на новые купюры.

В итоге получается от 41 до 46 миллиардов. По словам В.Павлова, общее количество денег в этих купюрах составляет в стране около 45 миллиардов. Выходит, деньги обменяли полностью — все, что были? Или в обороте оказалось гораздо больше купюр, чем назвал премьер? Но даже начинающему банковскому работнику известно — количество выпущенных денег в государстве можно подсчитать с достаточно высокой точностью. Остается также несным, как в этой ситуации определить суммы, якобы изъятые у теневиков, средства, пропавшие за границей? Но нетрудно предположить — они не будут столь впечатляющими, как предполагалось.

Как сказал известный экономист, пожелавший «остаться неизвестным», у первой решительной акции нового Кабинета Министров СССР одно решительное преимущество — она показала, что никакая денежная реформа не в состоянии отнять деньги у теневиков. Прогнозы на ближайшее будущее тоже малоутешительны. За последние два года прирост денежных вкладов на сберкнижках составил более 40 миллиардов рублей. Теперь же, после объявления о заморажива-

нии вкладов и выдаче на руки не более 500 рублей в месяц, эксперты прогнозируют отток денег в размере 50 миллиардов в самый короткий срок. Совершенно очевидно, что перепуганные вкладчики и оставшиеся внакладе после обмена люди начнут собирать в «чулки» мелкие купюры — рубли, трешки, пятерки. Это грозит параличом финансового обращения в стране.

Мы намеренно обошли вниманием моральную сторону акции. Очереди, трехдневная нервотрепка, унижительные объяснения в комиссиях в комментариях не нуждаются. Хотелось бы понять, почему из множества вариантов денежных реформ выбран тот, который в первые же часы поставил под сомнение свою эффективность. Ведь есть же разные подходы к проведению подобных мероприятий. Правда, все эти проекты имеют и сходство — их результативность нетрудно просчитать заранее.

Акцию по обмену пятидесяти- и сторулевок, строго говоря, денежной реформой считать нельзя, а вот своеобразной ее репетицией, пожалуй, можно. Достаточно сравнить сценарий январских событий с идеями сторонников реформы конфискационного типа, и сходство сразу станет очевидным. Вот, например, вариант, который предлагал профессор А.Сергеев: каждому гражданину беспрепятственно обменивать десять тысяч из расчета — рубль старый на рубль новый. Об обмене делать пометку в паспорте, чтобы люди не могли сделать второй заход. Остальную сумму тоже обменивать в соотношении один к одному, но только после представления декларации о доходах. Считая такую схему обмена социально справедливой, ее автор приводил неопровержимые, на первый взгляд, аргументы. Основная масса людей, честно скопивших деньги, не пострадает, зато по дельцам теневой экономики такая реформа ударит крепко. К тому же она обесценит миллиарды советских денег, уплывших за границу. Капиталы эти, по мнению А.Сергеева, особенно опасны в связи с намечающейся приватизацией — дескать, нетрудно догадаться, кому достанутся ателье, кафе, магазины.

Оппоненты возражали — так нечестные деньги не заберешь. Взять хотя бы отметку в паспорте — уж как-нибудь найдут «мафиози» подставных лиц, которые за определенную мзду в новых деньгах поменяют им хоть миллион старых. Механизм этот отработан — например, для скупки золотых вещей дельцы подражали студентам, которые отставали многочасовые очереди в магазинах. Теневики без хлопот получали золото, а студент — две-три сотни в день «за услуги». Аналогичным способом — через подставных лиц — скупают и валюту. Так же и старые деньги поменяют на новые. Известный публицист В.Селюнин по поводу надежд ущемить «мафиози» заметил — пострадают разве лишь те, кто сидит в тюрьме и не может сообщить на волю, где спрятал деньги. Между прочим, во время январского обмена одна из газет рассказала о курьезном случае — в небольшом дальневосточном городке несколько заключенных умоляли отпустить их хоть на сутки с гарантией, что вернутся на отсидку непременно. Но ради того, чтобы прищучить мелких жуликов или даже маститых воров в законе, проводить дорогостоящую реформу, затрагивающую денежное обращение всей страны? Право, игра не стоит свеч. Тем более, что настоящие воротилы подпольного бизнеса свои капиталы в наличных не держат — обращают в валюту, недвижимость, антиквариат, золото и драгоценности.

Опасения по поводу огромного количества советских

денег, скопившихся за рубежом, по мнению старшего научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений АН СССР Г.Ануловой, тоже сильно преувеличены. А разговоры о том, что вот придут иностранцы с чемоданами советских денег и все скупят, она расценивает как попытку настроить общественное мнение. Все эти миллиарды за границей ничтожны по сравнению с теми средствами, которые нужны для широкой приватизации.

Основная ошибка экономистов, ратующих за денежную реформу, в том, что они не связывают ее с общим оздоровлением экономики, с выходом из кризиса, считает начальник отдела Минфина СССР И.Китайгородский. Ведь денежное обращение у нас разваливается не только оттого, что напечатаны лишние деньги, а потому, что страна в течение нескольких лет постепенно входила в полосу экономического кризиса, который сейчас бушует уже в полную мощь. Его суть — несоответствие уровня производства уровню потребления. Это классическое определение описывает и подобные кризисы в капиталистических странах, и наш нынешний, и ситуацию в странах Восточной Европы. Выход из кризисного положения всегда и в любой стране связан с ухудшением общего благосостояния народа. И надо четко осознать — провести реформу без потерь невозможно. Рассуждения типа: у этих деньги отберем, а тем оставим — беспочвенные иллюзии. Думать нужно прежде всего о росте производства, а уж на этой основе — об оздоровлении денежной системы.

Денежная реформа результативна лишь тогда, когда проходит при подъеме экономики, завершая комплекс мероприятий по оздоровлению финансового обращения. Это подтверждает и исторический опыт. Вспомним реформу 1895—1897 годов — десять лет готовил ее министр финансов России граф С.Витте. А начать счел возможным, лишь когда доходы бюджета стали выше расходов. Мало того, Россия добилась превышения экспорта над импортом — положительный торговый баланс поддерживал бездефицитный бюджет. Но даже тогда реформу откладывали, ожидая хороших урожаев, — провели ее после трех изобильных лет краху. Для России это имело огромное значение — она продавала зерно за валюту. Промышленность росла быстрыми темпами, а золотой запас страны за десятилетний подготовительный период был увеличен втрое. Вот при каких благоприятнейших условиях провели в конце минувшего века денежную реформу. В результате был введен «золотой стандарт» — бумажные деньги стали обменивать на золотые монеты по твердому курсу, рубль встал рядом с валютами развитых стран, уже обладавшими золотой конвертируемостью.

Реформа 1922—1924 годов проводилась, когда страна перешла к нэпу, быстро развивалось сельское хозяйство, темпы роста промышленности достигали 25 процентов, бюджетный дефицит был полностью ликвидирован. А реформу 1947 года начали готовить после Сталинградской битвы, и мало кто знает, что даже в конце войны, начиная с 1944 года, наш бюджет не имел дефицита — даже в тех тяжелейших условиях проводили меры по стабилизации денежного обращения. Вот, кстати, любопытный факт — Сталину принесли на подпись проект обмена денег в соотношении один к пяти. Специалисты посчитали, что этого достаточно. Вождь зачеркнул пятерку и поставил цифру десять, дескать, устойчивее, весомее будут деньги. А в результате наступила дефляция — товаров оказалось примерно в полтора ра-

за больше, чем денег, их просто физически не на что было покупать. Поэтому и пришлось каждый год объявлять о снижении цен — мера вынужденная и продиктованная вовсе не заботой о народе, как сейчас некоторые уверяют.

В 1922 году, как известно, параллельно катастрофически обесценившимся совзнакам ввели твердую валюту — червонец. Некоторые экономисты и сейчас поддерживают идею так называемой «мягкой» реформы с параллельной денежной единицей. И. Китайгородский еще в 1987 году участвовал в подготовке подобного проекта. Заманчиво, конечно, иметь собственную твердую валюту — пока-то из-за неустойчивого денежного обращения доллар въезжает в нашу страну, как танк. Этого не случилось бы, уверяет И. Китайгородский, если бы мы ввели «червонец» (название, конечно, условное). Правда, чтобы его обеспечить, нужны были качественные, остродефицитные товары на сумму 60—70 миллиардов рублей. Вот только где их взять?

Кстати, червонец двадцатых годов обеспечивался не только ходовыми товарами, но и золотом, иностранной валютой. И как умело поддерживал его курс Госбанк! Машина с золотыми монетами царской чеканки приезжала на Старую площадь, где был черный рынок валюты. И эти монеты — надо ли объяснять, как они котировались? — начинали продавать за червонцы. За бумажные! Это была твердая валюта. Сейчас мы, конечно, не можем поддержать «червонец» золотом, да и вводить параллельную валюту, по мнению экспертов, есть смысл лишь в том случае, если основная денежная единица окончательно подорвана. Наш рубль хоть какой-то покупательной способностью все-таки еще обладает.

Есть и еще сомнения — нужен ли «червонец», если у нас в обращение уже вошла твердая валюта — доллар? Тут у сторонников параллельных денег есть сильный контраргумент — когда доллар приходит в СССР, мы всем нашим оборотом покрываем дефицит американского бюджета. А если бы ввели свою твердую валюту, то решали бы трудности собственного бюджета. Увы, писать приходится в сослагательном наклонении — времени упущено, много стоящих товаров в обеспечение «червонца» не найдешь, так что параллельное денежное обращение будет слишком мелкомасштабным.

Итак, условий для проведения денежной реформы у нас пока нет — ни подъема экономики, ни бездефицитного бюджета. А здравый смысл подсказывает — отнять деньги у нечестных, не трогая нажитых тяжким трудом, технически невозможно. Январский обмен крупных купюр лишь подтвердил эту очевидную истину. Без стабилизации экономики денежная реформа бесполезна — это подтверждает и зарубежный опыт. Попытки «просто заменить» деньги в Бразилии, Перу, Аргентине окончились полным провалом. Произошло то, чего и следовало ожидать, — новая денежная единица через некоторое время тоже стала быстро обесцениваться. Вот почему многие экономисты считают, что нам сейчас нужна не денежная реформа, а либерализация цен, приватизация, предоставление реальной самостоятельности предприятиям — словом, целый комплекс мер по оздоровлению экономики.

К. ПЕТРОВА, Г. СТЕПАНОВ

В КАКИХ ПОДСОБОБКАХ ПРЯЧЕТСЯ ИЗОБИЛИЕ?

Видимо, опять эмоции взяли верх над здравым смыслом и жизненными реалиями. Опять крик справедливо недовольных выдается за глас народа. И вот уже — «идя навстречу пожеланиям трудящихся и в целях» чего-то там такого — принимается очередной архиважный документ, который призван «пресечь», «повысить», «поднять», «улучшить». Призван, но остается пустой бумажкой, ибо она, эта бумажка, — всего лишь плод кабинетного сочинительства и страшно далека от действительности. А может быть, все ее предназначение и состоит в том, чтобы послужить простым громоотводом?

**Усиление...
Еще усиление...
И снова усиление...**

Именно по этой схеме сделана новая неуклюжая попытка достичь хоть каких-нибудь ощутимых результатов в насыщении рынка продовольственными и промышленными товарами: Верховный Совет СССР с подачи правительства принял Закон «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребления в торговле». Читаешь его и удивляешься: неужели до сих пор его авторы не поняли общеизвестной, старой как мир истины, что установление новых и новых запретов, а равно — модификация старых, ужесточение репрессий равным счетом ничего не дали и не дают и чаще всего заканчиваются конфузом, если не ущербом — политическим, экономическим, нравственным? Особенно в тех случаях, когда борьба ведется не с причиной порока, а со следствием.

Не только наша отечественная законодательная деятельность, но и зарубежная давно доказали бесплодность усиления карательных санкций за правонарушения, порожденные определенными экономическими условиями. Надо менять условия, а не Уголовный кодекс. Много ли проку было от указов Президиума Верховного Совета СССР (20 февраля 1969 года) «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество» и «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов» (23 мая 1986 года)? Результативными ли оказались указы высших органов власти ряда республик об усилении борьбы со злоупотреблениями в торговле и спекуляцией, принятые в начале этого года?

С момента издания последних минуло всего-то ничего, и, казалось бы, появлению аналогичного союзного Закона должно предшествовать тщательнейшее изучение судебной практики по уже действующим актам. Каковы результаты? Пошла ли на убыль спекуляция? Прибавилось ли товару в магазинах? И лишь только тогда стоит принимать новые документы. В противном случае их действительность будет равна действительности огородных

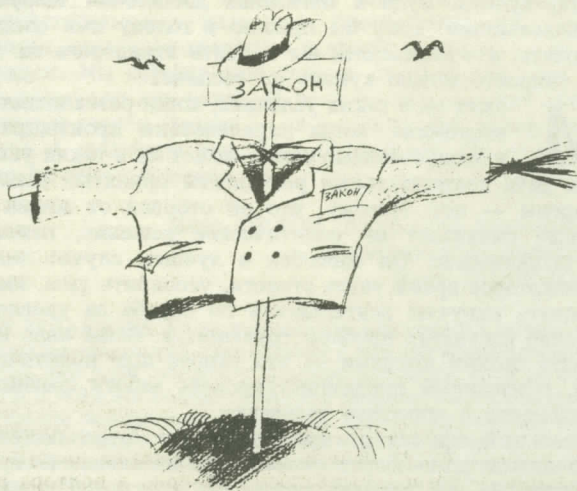
пугал в борьбе против ко всему адаптировавшихся современных птиц.

Похоже, что и в данном случае авторы законопроекта поступили скорее по наитию, по подсказке случайных обстоятельств и не менее случайных советчиков, хотя перед ними была отнюдь не случайно большая экономика страны, в ней-то и заключается корень зла. Однако вместо поиска лекарств принялись запугивать провизоров, которые не производят их, а всего-то продают готовые формы. Да и то, если они вовремя и в достаточном количестве поставлены медицинской промышленностью. Словом, как бы пациенту ни было худо, бесполезно бить по аптекарю.

**Ох, и жили бы мы,
если б не спекулянты!**

Между тем находятся и сторонники именно таких «антиаптекарских» действий, которые прямо-таки лоббируют органы власти, требуя от них не эффективного оздоровления хозяйства, а дубинки. Чего стоит, например, одно из постановлений Президиума ВЦСПС (недавно, впрочем, в бозе почившего) — «О неотложных мерах по усилению рабочего контроля профсоюзов за работой предприятий и организаций торговли, общественного питания и сферы бытового обслуживания»? Творцы этого документа даже обнаружили где-то некоторое увеличение выпуска товаров народного потребления и продуктов питания. Странно только, что потребитель, как ни старается, не может почувствовать столь положительных перемен. Очевидно, его и профсоюзных деятелей обслуживают разные магазины.

Такая аналогичность ситуаций, проскользнувшая в постановлении, отнюдь не случайна. На ней держится

следующий посыл, объявляющий причиной тотального дефицита не административно-командные способы управления производством, а серьезные нарушения правил торгового и бытового обслуживания. Так черным по белому и сказано: трудности вызваны «прежде всего (?) халатностью и злоупотреблениями, фактами укрытия товаров и продуктов, спекуляции ими, хищений, порчи и потерь их в больших размерах при хранении и транспортировке». Дескать, все есть, ну если не в изобилии, то по крайней мере в приемлемых количествах. Вот если бы только не спекулянты, укрыватели и расхитители... А коль так, то надо навести жесткий контроль с помощью рабочих и двинуть их в подсобки и на склады магазинов. Забывается при этом, что торговлю и без того уже проверяют более трех десятков других контрольных инстанций, кроме того, все больше этим занимается и депутатский корпус. Не зря кто-то из избранных грустно пошутил: полстраны работает, а вторая половина контролирует.

Будь это простой риторикой профбюрократов, можно было бы не обращать на нее внимания. Но, к сожалению, именно на нее опирается правительство страны в своей законотворческой деятельности. Свидетельство тому — хотя бы сопроводительное письмо в Верховный Совет СССР, которым оно снабдило законопроект по усилению борьбы со спекуляцией. Правительство информировало заинтересованные стороны, что документ «разработан с учетом многочисленных предложений граждан». Нет сомнений, что тысячи и тысячи потребителей, не шибко разбирающиеся в тонкостях экономики, действительно думают, будто все зло, и единственное, заключено в злоупотребляющих продавцах и распустившихся спекулянтах. Да и как им думать иначе, если «разъяснительную работу» среди них ведут вдруг проснувшиеся аппаратные «защитники интересов трудящихся»?

Слов нет, спекуляция, припрятывание товаров, злоупотребления в сфере торговли и услуг — далеко не миф, и приняли они в последние годы угрожающие размеры. Тут не может быть двух мнений. Это подтверждается самой жизнью и статистикой преступлений. Однако же, на наш взгляд, все скрыть невозможно и не все попадает в руки одних спекулянтов. Бал правит все-таки дефицит. Он у нас теперь повсеместный и повальный. Осмелимся утверждать, что нет такого товара, который можно свободно, без всякой очереди или без блата, купить. Будь в магазинах достаточно товаров, продовольствия, кому бы пришлось в голову ими спекулировать, кто согласился бы платить втридорога за то, что запросто можно купить по госцене?

Может ли в таких условиях, когда разваливается экономика, когда парализованы производство и хозяйственные связи, может ли в таких условиях дать положительные результаты принятый закон? Уверены — нет. Потому, что он оторван от жизни и больше смахивает на политическое решение, нежели на юридическое. Он способен в лучшем случае лишь на некоторое время унять страсти, успокоить умы, имитировать кипучую деятельность по борьбе за удовлетворение насущных проблем трудящихся. Вещи надо называть своими именами — это скорее шаг политический, призванный продемонстрировать заботу союзного парламента о «простом человеке».

Реальный эффект от принятого акта будет получен с точностью до наоборот — товаров в магазинах не прибавится. Во все времена ничто так не способствовало

развитию спекуляции, как борьба с ней административными мерами. Зато есть явная предпосылка для нового витка спекуляции. Ее же при бедственном положении с насыщением рынка никакими страхами перед наказанием не уймешь. Опыт на сей счет у нас богатый. Кончится тем, что люди, занимающиеся ею, уйдут в еще более глубокое подполье и в конечном счете выиграют от нашего правотворчества. На чем? А на надбавках за риск. В итоге потребителю, вынужденному покупать необходимые товары хотя бы таким способом, придется еще больше раскошелиться.

Война союзных законов с союзными законами

Этот Закон «Об усилении...» несовместим с предстоящим переходом к рыночным отношениям, с недавно принятыми «Основными направлениями». Более того, он противопоказан им. Вдумаемся хотя бы в то, что означает само слово «спекуляция». Во все времена и во всех цивилизованных странах это всего-навсего коммерция, сделка по купле-продаже с целью получения разницы в цене. Разумеется, так обстоит дело там, где узаконена рыночная экономика, где нет ни глобальных, ни частичных запретов на торгово-закупочную деятельность, где приобретенная задешево в одном месте продукция спокойно реализуется с выгодой для продавца — в другом.

Наш же мыслящий социалистическими, а не общечеловеческими товарными категориями парламент единодушно ополчился против торгово-закупочных кооперативов, свернув им шею. Подумать только: в некоторых республиках и областях на корню пропадали овощи и фрукты, их готовы были отдать по мизерным ценам, но мы предпочли, чтобы они сгнили на месте, но не были кем-то куплены и проданы по более высокой цене там, где в них была куда большая нужда. Как говорится, ни тебе, ни себе.

Правда (и это еще один из правовых парадоксов Системы), буквально через несколько дней после принятия антиспекулятивного закона был обнародован еще один акт, так сказать, последней свежести — проект Закона СССР «О регламентации торгово-посреднической деятельности». И вот он-то частично благословляет торгово-закупочную деятельность, сиречь... фактически устраняет само понятие «спекуляция». Ясно как божий день, что они ни с какого боку не увязаны между собой. Кому теперь расклеивать эту нестыковочную кашу — неведомо. Не иначе как правоприменительным органам. Вот уже будет наломано дров! Ежели, конечно, не сочтет необходимым вмешаться Комитет конституционно-го надзора...

Полное непонимание, игнорирование самой природы торговли, которая осуществляет общественный обмен веществ. Торговля, рынок как раз и призваны оказать услуги производителям и покупателям. Именно в этом исторический прогресс общественного разделения труда. Но он, как видно, не устраивает борцов «за социальную справедливость», которые хотели бы обойтись без торговли, мол, сами производители могут успешно торговать...

Далеко не безупречен Закон и в чисто юридическом смысле. Начнем с того, что он противоречит Закону о собственности и о ее защите государством. Вроде бы гражданин теперь наделен правом распоряжаться ею по своему усмотрению, в том числе и продавать по взаимно

согласованной с покупателем цене. А его заставляют действовать по принципу «за что купил, за то и продаю». А ежели «не за то», то это уже подпадает под крамольную формулировку о «скупке и перепродаже товаров или иных предметов с целью наживы», за что можно схлопотать солидный срок или не менее солидный штраф.

Между тем, повторяем, согласно новому мышлению и новым экономическим веяниям, частные лица, кажется, получили право выгодно продавать и перепродавать свою собственность. Без выгоды какой ему резон удраться в такие операции? Без выгоды он уподобится персонажу из анекдота, который приобретает сырые яйца по девяносто копеек десятков и сбывает их в вареном виде по той же цене. На вопрос же, что он с этого имеет, отвечает: навар. То есть кипяченую воду в кастрюле.

Кое-что о терминах

Кто может с юридическим толком расшифровать, что означает «продажа товаров со складов, баз, из подсобных помещений» или «сокрытие товаров от покупателей», если все эти формулировки никак не увязаны с технологией торгового процесса? Заглядывал ли кто-нибудь из творцов документа, ну, скажем, в магазины заказов? В них из-за малых площадей торговля как раз-то и идет непосредственно из подсобок, а то и со склада. В этих помещениях комплектуются заказы и оттуда выдаются либо гражданину, либо организации. И хорошо еще, если находится возможность хотя бы для видимости отделиться от них хилой перегородкой с окошечком. Сплошь и рядом люди приходят за товаром прямо к подсобкам и складам. Этого не знает только тот, кому заказы привозят водители служебных или персональных машин.

Теперь о сокрытии. Торговля получает товары дозами и с переборами, ее запасы уменьшаются быстрее шагреновой кожи. Значит, для того, чтобы обслужить, допустим, проходящих по льготным спискам инвалидов и участников Отечественной войны, инвалидов труда и других, волей-неволей приходится не все отдавать в открытую продажу, заниматься накопительством.

Представьте, как во всех этих случаях может разгуляться многочисленный контроль, какой простор для правоохранительных органов и их репрессивной практики! А учитывая нашу любовь к перегибам, компанейщине, рапортомании, нетрудно спрогнозировать, как быстро пополнятся исправительные учреждения новым контингентом заключенных. Естественно, отсюда пойдет и неадекватная реакция и без того обозленного населения, усилится социальная напряженность между ним и работниками торговли, которые окажутся в правом плане полностью незащищенными.

Уже сейчас из разных регионов страны поступают сообщения о чинимых в магазинах во время продажи дефицита погромах, об уничтожении и порче торгового оборудования, избиениях продавцов. Новый Закон, хотели этого его авторы или нет, объективно направил общественный гнев по поводу пустых полок не в ту сторону. Даже самим своим названием.

Между прочим, стоит лишь попытаться несколько расширительно истолковать понятие «сокрытие товаров», как придется, по-видимому, привлечь к уголовной ответственности железнодорожников, на грузовых станциях которых и подъездных путях скопилась тьма-

тьмущая невостребованных товаров, а также тех, кто не позаботился об их своевременной разгрузке и доставке по назначению. По сути это тоже «сокрытие», но выраженное в иной форме. Сюда же следует отнести и тех, кто отдает команду накапливать дефицитное продовольствие, сувениры и книги для разного рода участников конференций, совещаний, симпозиумов, съездов, в том числе партийных. Да мало ли кого еще?

Странно, что Закон, направленный на борьбу с корыстными преступлениями, в большинстве своих статей даже не упоминает в качестве главного основания для привлечения к уголовной или административной ответственности корыстную цель. Что это: забывчивость или спешка? А может — непрофессионализм?

Вроде бы нет оснований сомневаться в статье пятой Закона — «искусственное поднятие и поддержание высоких цен на товары народного потребления перекупщиками или иными лицами путем сговора, насилия или угрозы его применения», да что-то мешает. Например, упоминание об «иных лицах». Можно ли под ними понимать руководителей Госкомцен СССР, правительства страны, то и дело искусственно поднимающих цены на разные товары, что вызывает бунт даже среди обыкновенно согласных парламентариев?

Уголовный кодекс или учебник по экономике?

Есть и другие, так сказать, юридические шероховатости, для разбора которых просто не хватает места. Поэтому заметим лишь, что сам Закон и оставшиеся в нем «недоделки» никак неуместны для страны, собирающейся стать правовой и рыночной. Тем более, что его и незачем было придумывать — вполне подходящи и ныне действующие. Иное дело, что они не выполняются, что правоохранительные органы оказались бессильными перед нарастающим шквалом преступности, в том числе и в торговле.

Тогда в чем смысл принятия этого Закона? Неужели только в ужесточении наказания? Но мы уже говорили, что никакими страшными карами нельзя навек покончить с каким-нибудь преступлением.

В данном случае ничего, кроме этакого указателя в сторону очередного «врага», не получилось. Главный же враг, главный творец подлинного дефицита — наша нищета, вызванная плановым, монополюс-державным хозяйствованием, развалом промышленности, транспорта, сельского хозяйства и самой торговли, — не побежден. Мы сегодня еще дальше от изобилия, чем были несколько лет назад. И вряд ли тут поможет репрессивный заслон. Заслон — он и есть заслон, затор, шлагбаум. А шлагбаум ничего не производит. Он — категория не экономическая.

Яков ОРЛОВ, профессор Московского
коммерческого института
Яков ШЕСТОПАЛ

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда этот материал готовился к печати, появился президентский Указ о борьбе с экономическим саботажем. И так, еще одно «усиление» в сфере экономики. Судя по всему, КГБ и МВД все больше отесняют экономистов с их наукой от реальной экономической политики. Помогут ли несанкционированные обыски и тотальный шмон в организациях, бухгалтериях, квартирах индивидуальных держателей патентов ликвидировать дефицит, насытить рынок, сделал его не «социалистическим», а нормальным? Сомнительно.

Владислав ЯНКУЛИН

ИМЕТЬ И НЕ ИМЕТЬ

(письма о приватизации)

Где «моё» кончается — кончается история. Нельзя ничего понять не «моё».

Василий Розанов

С точки зрения Розанова (и не только его), в 1917 году наша история приостановилась. Ибо кончилось «моё» не только в смысле владения заводами и именьями, но и в том, что считалось всегда интимным, — в вере, желаниях, выборе нравственных устоев. Верить надо было в коммунизм и мировую революцию, желать победы над бесчисленными врагами. Профессию выбирать в соответствии с потребностью Родины — сегодня все идут в сталевары, завтра — в хлеборобы. Ну а насчет нравственности лучше, думаю, помолчать — слишком много уже про это сказано.

И вот вертаемся будто бы на круги своя: верующим возвращаем веру, молодым — желания и надежды, честным — возможность оставаться самим собой. Отобрав у людей все, что можно было отобрать, — землю, дома, скот, фамильные ценности, наконец, жизнь и даже Родину, власть пытается все это вернуть с минимальными для себя потерями. Нет, правда, способа воскресить безвинно убиенных, но можно вернуть гражданство наиболее знаменитым правозащитникам, реабилитировать посмертно тех, кого по неизвестным причинам в чем-то еще подозревали и после XX съезда, когда, казалось, все и всем стало ясным.

Однако в одном вопросе, причём коренном для осуществления того, что принято называть перестройкой, мы все еще находимся на уровне XX съезда (для непосвященных: речь идет о съезде КПСС, когда Хрущев сообщил собравшимся о страшных злодеяниях сталинщины, о которых большинство будто бы и не подозревало. Хотя и догадывалось). Так вот, таким вопросом, где одним все предельно ясно, а других почему-то гложат непреодолимые сомнения, остается вопрос о собственности. На землю, на жилище, на средства производства. Все вслед за классиками иногда называют частной, но это добавление вызывало столько споров, что мы попытаемся его избегать: споры-то, в основном, схоластические.

Вопрос о собственности всегда начинался с собственности на землю. Какие бы сомнения и опасения ни высказывали сегодня Горбачев, Лукьянов и другие противники передачи земли в собственность людей, они повторяют то, что произносилось — страшно подумать — 40 веков назад! Именно тогда «в пользу нового усиления царского и храмового сектора» один из правителей древней Месопотамии, Рим Син I, провел реформу, сильно урезавшую развитие частновладельческого товарного хозяйства. «Земля, — пишет о том времени крупнейший советский историк И. Дьяко-

нов, — была в принципе неотчуждаема: ибо, надо думать, была материальной основой, ядром самой общины и собственностью ее божества».

С той поры человечество поставило множество экспериментов и не самым лучшим методом — проб и ошибок — установило все-таки наиболее эффективную форму хозяйствования. Именно в странах с фермерским хозяйством считанные проценты их населения кормят полмира. Именно в этих странах дотации платят не за готовую продукцию, а за непроизведенную. Все это давно известно и часто повторяется, но все впустую. Вспомним, не так давно приехал Е. Лигачев из Чехо-Словакии и запричитал: посмотрите, какие у них колхозы, каждая корова по 6—8 тысяч литров молока дает! А вы говорите, что в колхозе не может быть эффективного труда.

К счастью, Егор Кузьмич не досидел на своем посту руководителя аграрной политики до восстановления дипломатических отношений с Израилем. А то бы непременно отправился туда, чтобы посмотреть кибуцы: там ведь коровы дают по 11—13 тысяч литров. И прозвучал бы, уверен, еще один веский аргумент: вон, евреи, у нас среди колхозников их разве встретишь, а у себя такие колхозы создали! И закончил бы Егор Кузьмич, как всегда, глубокой мыслью: дело не в колхозе, а в том, как в нем работают.

Сам-то работал отменно: строил социализм, в котором живем мы и, надеюсь, теперь живет он. Наверное, все-таки бессмысленно убеждать людей в том, что для большинства давно очевидно, ну, скажем, в том, что дважды два четыре. Если человек этого не знает, ему можно объяснить, если не видит, показать пальцем. Но если не желает видеть — надо перестать тратить на него время. Даже если этот человек — президент, который без конца твердил, что земля — это святое, что ее нельзя отдавать (кому?), что народ должен высказаться на референдуме и т.д. ЦК КПСС недавно провел пресс-конференцию одного из своих секретарей, Строева (он сменил Лигачева на аграрно-партийном фронте), который продолжал разъяснять все еще непонятную кому-то позицию Генерального и всего ЦК в вопросе на землю.

Впрочем, ЦК еще более недвусмысленно объяснил свое отношение к собственности, введя вскоре после этого десантников в здания бывших партийных издательств и типографий в Вильнюсе и Риге. Как говорила одна путана, прижимая к груди сумочку с гринами: «Это — святое!» Да, на поверку, оказывается, партийная собственность свята и неприкасаема. Святоши от партии прикрываются святостью, потому что им кажется, будто она не требует пояснений: свято и не сместь! Вот заявил Хусейн, что Кувейт исконная часть Ирака и, значит, не о чем говорить: земля — святая собственность. Может быть, оно и так, только Кувейт никогда не был частью Ирака, а оба они входили в состав Османской

империи. Кроме того, как самостоятельное государство Кувейт был провозглашен раньше Ирака. Впрочем, и это уже подробности — зачем в них вникать. Столь же убедительна логика утверждений, что издательское и типографское имущество принадлежит КПСС, куплено за партийные взносы и потому — свято. Но для начала неплохо было бы представить документы — прежде всего финансовые, из которых было бы ясно, сколько и когда заплатил ЦК КПСС за все эти здания. Непонятно также, каким образом на худосочные валютные партийные взносы работающих за рубежом можно было оборудовать импортными машинами практически все партийные типографии в стране.

Получив ответы на эти вопросы, можно было бы посмотреть реальную прибыль, которую получила КПСС от полувековой эксплуатации «своей» собственности. Не имея доступа к партийной бухгалтерии, все эти данные можно представить оценочно, что и сделало, например, новое руководство Латвии. Не претендуя на прошлые доходы, оно посчитало возможным половину прибыли от издательской деятельности получать в доход республики, а оставшуюся — делить между Компартией Латвии и КПСС. Но, оказалось, *торг здесь неуместен*: собственность партии свята и неприкасаема.

Справедливости ради заметим, что реализация старого лозунга «Дворцы — народу!» иногда проходит вполне мирным путем. И не только в Чехо-Словакии или Венгрии, но и у нас кое-где горкомы и райкомы переезжают в более скромные помещения, освобождая «дворцы» и «усадыбы» под больницы, библиотеки, детские учреждения. Видимо, призрак ситуации, когда, по выражению Юрия Полякова, придется делить не пайки, а пайки, для некоторых функционеров уже достаточно впечатляющ и вселяет в них благоразумие.

Пишу все это и чувствую, что несет меня все время куда-то в сторону. Редактор просил про приватизацию квартир, гаражей, магазинов, наконец, а я все про партийную собственность, да бог с ней — пусть владеют. Не все ли равно, кому она принадлежит — лишь бы эффективно работала: печатала бы газеты и журналы или производила бы сельхозпродукты, как совхоз «Барвиха» — многолетний поставщик Кремля и его присных. Однако благие пожелания в экономике не работают. Партийная собственность эффективно работает только в случае исключительности своего положения: монополизации, как в полиграфии, освобождения от налогов и постоянной подпитки от госбюджета, как во всех других сферах партийно-государственных структур, реальное разделение которых пока, увы, не произошло.

Каждый новый указ Президента, каждое новое решение теперь уже Кабинета (!) Министров — это чисто силовые, проще говоря, административные меры, неэффективные, часто просто нелепые. Взять последнюю благоглупость — акцию по изъятию из денежного оборота сто- и пятидесятирублевых купюр.

Как политическую акцию — ее понять можно: отвлек на три дня людей от событий в Прибалтике, от пустых полок. От ругани в адрес Президента. Но как экономическая — она бессмысленна. Допустим, сторублевки в кубышках, в сундуках теневиков, наконец, в сейфах швейцарских банков частично удастся дезавуировать. Ну и что? Деньги — это ведь эквивалент, сами по себе они ничего не значат, значит лишь то, что можно на них приобрести. А так как приобрести на них (имеются в виду миллиарды, ради которых все затеяно) ничего пока нельзя, то и лежали бы себе, есть-то не просят.

Так можете рассуждать вы, не чувствуя, какая идея стоит за этим. А идея эта — надвигающаяся приватизация. Вот уже опубликован и проект закона РСФСР «О приобретении...», уже Советы крупнейших городов страны принимают нормативные акты о продаже магазинов, ресторанов, парикмахерских и всего подобного в частные руки. А ведь на «праведные» денежки такого не купишь. Вот и надо хотя бы превентивно ударить по всем этим куркулям, размечтавшимся, что скоро они станут собственниками: ну-ка, рысцой по знакомым и родственникам раздавать свои «коричневые» и «зеленые».

Да, кстати, даже если у вас и праведные в сбербанке — теперь больше пятихатки, как говорят все те же теневики, в месяц не получите. Если вы умеете считать и примерно представляете себе, сколько может стоить магазин, то легко убедитесь, что в этом тысячелетии вам его не купить. Конечно, есть банки, где в таких случаях берут ссуды, но спрашивается, неужто великий финансист Павлов запретил людям пользоваться своими деньгами, чтобы выдавать государственные?

Наивных остается все меньше. Президент и его кабинет показали, что они действительно стоят на страже социалистического выбора и никому не позволят другого. Это, знаете, общие разговоры о том, что частные магазины и пельменные — нормально, а вот урановые рудники, конечно, исключено. Думаю, что даже в самом простом варианте приватизация обойдется стране недешево. Я бы сам, боясь жертв, призывал от нее отказаться — увы, тогда мы не сможем накормить и одеть людей, дать сносное образование детям, согреть на закате жизни стариков. Мы не сможем продлить нашу историю, так нелепо остановившуюся в 1917-м...

В очереди за «своими»: пенсионеры обменивают деньги

Кому нужен «Нищий и послушный»?

На протяжении 70 лет нас учили, что частная собственность — это жестокая и бесчеловечная эксплуатация. Хорошо бы самим без подсказки выяснить — где же эксплуатация и где выше жизненный уровень: при нашей, так называемой общественной, а по сути государственной собственности или при частной?

На вопрос о жизненном уровне можно и не отвечать — и так ясно, а вот об эксплуатационных поразмышлять стоит.

Факт первый. Интенсивность работы моих коллег из стран капитализма (я — рабочий-огнеупорщик) почти в 2 раза ниже, а зарплата в 4—6 раз выше (с учетом покупательной способности). Это установил я сам, работая с иностранной фирмой, да и другие наши огнеупорщики, работавшие в Союзе с иностранцами и за границей, подтверждают, что их нормы ниже наших в 2 раза. Как получилось, что за более высокую интенсивность труда мы имеем нищенский жизненный уровень?

Вы, конечно, согласитесь, что чем дольше служат машины и механизмы, тем ниже себестоимость выпускаемой на этих механизмах продукции, тем меньше интенсивность труда. Ведь выпускать этих машин нужно меньше, служат они дольше. А теперь конкретный пример.

Зерноуборочный комбайн служит не более 5 лет; в году он работает максимум 20 дней, и выходит, что служит он всего 100 дней. Сравните со сроком службы частных «Жигулей». Но ведь «Жигули» появились сравнительно недавно, а вот бегают еще трофейные машины из Германии 1945 года, бегают первые «Москвичи» и «Победы». В чем причина такого долголетия? Только в одном: у этих машин есть хозяин!

А теперь представьте себе,

что у каждого механизма, у каждой машины появился бы хозяин. Первое, что мы увидели бы, — это снижение спроса на машины, а далее — насыщение рынка. Конечно, на существующих мощностях насытить рынок легковыми автомобилями нельзя, а вот по остальным машинам и механизмам, думаю, можно. Ну, хотя бы часть проблемы решить. Спрос на комбайны в таком случае упал бы, и их производство сократилось бы в 3—5 раз! Нет, люди не остались бы без работы: освободились бы мощности вместе с ресурсами для выпуска других видов машин.

А почему никто не задумывается над тем, что стоим мы на гигантском перекрестке, где в одну сторону идут вагоны с углем и рудой; в другую — с металлом, подшипниками и механизмами; в третью — комбайны, а обратно, догоняя уголь и руду, — те же комбайны с новым названием — металлолом. Железнодорожники не жалуются: везут и везут. Вот только вагонов не хватает. И все это проскакивает мимо нас, обдавая грязью и копотью, и достаются нам с этого гигантского государственного конвейера жалкие крохи. Надо скорее остановить этот бестолковый конвейер.

Меня всегда корбит, когда я слышу: «Нужно импортное оборудование, наше не годится». А сами-то что, безмозглые стали? Долго издевались над технической интеллигенцией: зарплата порой ниже низкоквалифицированного рабочего. Как говорил один мой бывший начальник: «А куда они денутся?» Эх, поставить бы наш инженерный корпус в такие же условия, как на Западе, где за идею и новинку щедро платят! Не кланялись бы мы сейчас заморским купцам!

Как реализовать возможности нашей технической интеллигенции?

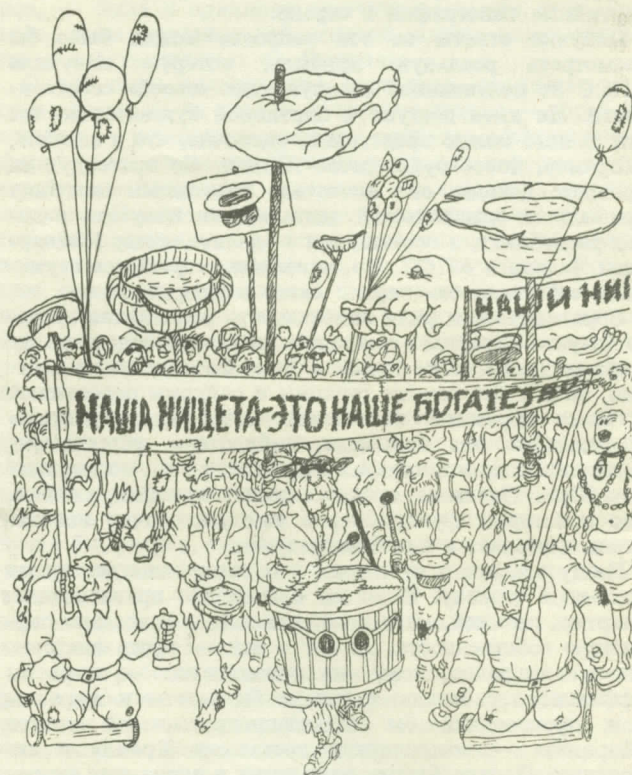

Рис. В. Сисюева

1. Передать заводы в руки работающего там коллектива.

2. Установить разумный и постоянный на много лет вперед процент отчисления от доходов в бюджет.

3. «Выставить» охрану на предприятиях (символическую, конечно) от желающих «дарить» предприятиям новые инструкции и постановления, а по сути — донять их и вмешиваться в работу предприятий.

Вот и все, что нужно нашим конструкторам и ученым для плодотворной работы, т.е. поле деятельности и хорошего хозяина.

Так почему же такие простые экономические рецепты не в ходу у нас? Да потому, что

нашим коммунистическим правителям нужны не богатые и свободные, обладающие своими средствами производства подчиненные, а нищие крепостные, живущие от аванса до получки, просящие по 10—20 лет, как милостыню, квартиру, просящие прибавку к зарплате в 10—15 руб. и т.д. Нищий и просящий — послушный, а независимый и богатый — нет! Вот она разгадка наших черных 73 лет. Поэтому я призываю вас не бояться слов капитализм и частная собственность.

Е. КУДРЯШОВ,
рабочий-огнеупорщик
6-го разряда.
г. Щелково, Московская область

«Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют. Так: не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?»

Козьма Прутков

Афоризм бессмертного Козьмы Пруткова пришел на ум, когда приветливый вахтер на прощанье посоветовал мне еще раз заглянуть на завод: «Завтра шампанское всем будут бесплатно раздавать — так вы обязательно приходите».

Дело было отнюдь не накануне первого апреля, а перед самым Новым годом, так что это была не шутка. Правда, логическое объяснение этому факту, как и некоторым другим, найти было непросто.

Итак, я пришла на одно из первых советских предприятий, выкупленных его коллективом в свою собственность. На пятачке между рекой Яузой, улицей Большой Почтовой и Электrozаводским мостом сто двадцать лет назад немец Майер основал станкостроительный завод. Сейчас он выпускает деревообрабатывающие станки и автоматические линии и имя носит самое простое — аббревиатуру своих изделий — МЗДС и АЛ.

ставку по политическим мотивам, требуя, чтобы Юрию Семеновичу разрешили выступить со своей программой.

Что же содержала его программа? «Привести зарплату в зависимость от прибыли предприятия. Выкупить завод у государства и превратить в Народное Предприятие». Соперники Эйдельмана больше чем о тридцатирублевой прибавке не заикались и потому были неконкурентоспособны. Добавлю, что министерство, конечно, вынуждено было устроить эти выборы: завод находился в тяжелейшем состоянии, каждый день с него увольнялись по семнадцать человек.

За первые полгода директорства Юрий Семенович выполнил свои обещания и сегодня имеет решительное намерение платить рабочим часть зарплаты в валюте. Если, конечно, не последует «Указа Президента» или какого-либо другого запрета...

Внешне, уверяют меня, мало что изменилось: заасфальтировали задний двор, отремонтировали общежитие, более разумной сделали систему оплаты и стимулирования труда, ну, может быть, что-то еще — не столь существенное. По сути же в масштабе завода произошла революция: 16 августа 1990 года, согласно решению общего собрания, завод был объявлен Народным Предприятием, входящим

О ПРАВАХ НА СОБСТВЕННОСТЬ, КОЗЬМЕ ПРУТКОВЕ И ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИХ СТАНКАХ Рассказываем о первом в Москве приватизированном предприятии

Без знания ирокезского языка, очень, видимо, близкого по своей логической структуре нашим идеологическим установкам, непросто догадаться, почему десятилетиями завод отдавал родному министерству почти девяносто процентов прибыли, оставляя своим рабочим крохи на получку и куций соцкультбыт. Замена оборудования, не говоря уже о реконструкции, в расходах даже теоретически не предусматривалась. Как заметил уже упомянутый К.Прутков, «только на государственной службе познаешь истину». А в чем она — это уже не для нас, слишком много хотите знать.

Но, оказывается, в каждом городе, на каждом заводе, да, наверное, и в каждой конторе может найтись свой Борис Ельцин, свой Артем Тарасов или свой Григорий Явлинский. В ноябре 1989 года, когда министерство, явно не подумав, чем ему это грозит, объявило альтернативные выборы директора, на МЗДС и АЛ 86 процентов голосов вдруг набирает мало кому известный тридцатисемилетний Юрий Эйдельман, работавший перед этим заместителем генерального директора Краснодарского станкостроительного объединения им. Седина.

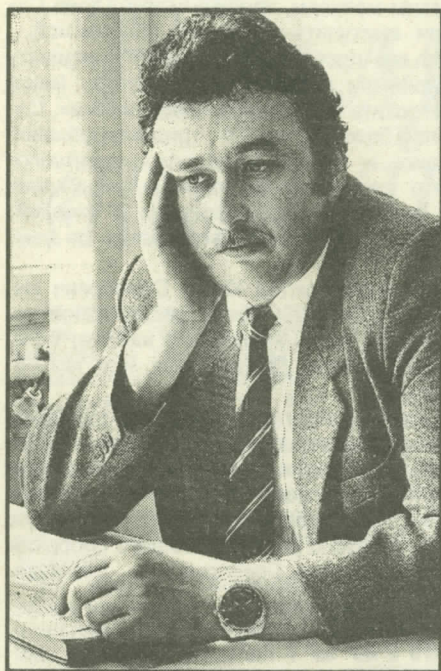
Предвыборная кампания проводилась по всем законам приключенческого жанра — с коварными эмиссарами из министерства, обещавшими рабочим все земные и неземные блага при условии, что они прокатят Эйдельмана, угрозами, что заводу будет прекращена поставка материалов и комплектующих. Но заводчане объявили даже заба-

в состав концерна БУТЭК. С этого момента отчисления в адрес министерства прекращены. Обязательным остался только налог на прибыль, отчисляемый в союзный и районный бюджет, «свой» 1 процент получает БУТЭК. Главное же в том, что завод стал сам распоряжаться своей продукцией — дефицитными станками: хочу — продаю за валюту, хочу — меняю на колбасу. Заметим, что «фонды» в виде госзаказа еще не отменены, и заводу приходится как «выбивать» их для себя, так и обеспечивать для своих потребителей.

Конечно, не будем делать вид, что все произошло как бы само собой: захотели и сделали народное предприятие. Правовая основа для тех, кто решил осваивать механизмы рыночной экономики вне очереди, определяется пока некими постановлениями о прецедентах — таких, как МНТК «Микрохирургия глаза», возглавляемый С.Федоровым, или концерн БУТЭК, которым руководит М.Бочаров. Доброжелательное отношение последнего открыло для МЗДС и АЛ новые возможности.

— Только не надо ставить нас в пример, — предупредил меня главный инженер завода Григорий Мордухович, работавший здесь три с половиной десятка лет. — Мы скорее исключение из правил, не просто, но нам вовремя удалось воспользоваться ситуацией. А сейчас должны быть уже другие, более естественные, пути приватизации.

Директор завода Юрий Эйдельман

В принципе все на словах просто: грамотно оформить пакет документов, согласно некой инструкции Минфина СССР за № 77, присовокупив к нему анализ хозяйственной деятельности предприятия, заручиться согласием М.Бочарова, заключить кредитный договор в банке, выплатить некую сумму в союзный и местный бюджет, провести полную инвентаризацию и после этого можно объявить себя Народным Предприятием. Неужто на всю Москву такое пришло в голову только одному директору? Да нет, наверное, не только ему. Но случилось именно у него. Побывав впервые в его кабинете, где пока нет привычных для офисов компьютера и радиотелефона, я никак не могла поверить, что передо мной — смелый реформатор, автор 47 научных работ по методике управления производством. Юрий Семенович — умелый рассказчик и яростный оптимист, в какой-то момент видишь только его лучезарные проекты. «Сказочник», — подумалось после прощального рукопожатия.

— Да мы ведь его так же поначалу окрестили, — подтвердил бригадир сборщиков Михаил Николаевич Сучков. — Я сам первый против него голосовал на выборах. Приехал тут какой-то из Краснодара и байки нам заливал. У нас и раньше в говорливых недостатка не было. Но теперь я — самый верный его человек. Потому что наш директор дело знает и мы наконец-то по-человечески зажили.

Михаил Николаевич зарабатывает сейчас семьсот рублей в месяц, а получив тринадцатую зарплату, вообще растерялся: никогда таких деньжищ в руках не держал. А уж когда телевизор «Панасоник» ему профком выделил, то расчувствовался кадровый рабочий и вышел из партии. Как, впрочем, и все остальные сборщики.

И еще: удивительная атмосфера на этом заводе. Вроде бы и цеха старые, и шумно, и грязно, а люди не вянут, улыбаются друг другу, мата не слышно, никто не качается ни

с утра, ни в конце смены. И тот же приветливый вахтер, который на прощанье пригласил меня зайти за шампанским, на мой вопрос только руками развел:

— Как же им пить-то? Да ребят от станка не оторвешь.

Это же так элементарно: завод — рабочим, нормальная зарплата, прибыль — в фонд развития предприятия, на социальные программы. На продуктовые заказы, мебель, японскую технику, эстонскую колбасу. И все это — собственникам своего труда. И пусть собственников не больше тысячи. В прошлом году они выпустили 420 станков, в этом, несмотря на рост дефицита комплектующих, планируют — 650. Заявок же — больше 27 тысяч.

Пока мы спорим о государственной да общенародной собственности, большие ведомства, которых так много в Москве, переименовывают себя во всякие концерны и ассоциации и опять облапошивают наших кормильцев, которые вместо должданной экономической свободы получают поводок чуть длиннее. Эйдельман считает, что все «хозрасчеты» и «аренды» пользы народному хозяйству не принесли: нельзя быть немножко беременной и нельзя быть немножко свободным. Сколько ни называй нашу разваливающуюся экономику рыночной, без равноправных субъектов собственности она на ноги не встанет.

Как же управляют собственники своим заводом? За кем остается последнее слово в принятии решений? Трудно поверить (слишком все просто), но высший орган управления — общее собрание коллектива. Решения принимаются простым большинством голосов.

— У всех нас сейчас как бы одна неделимая акция, — объясняет главный экономист завода Нина Итина. — Через некоторое время, естественно, встанет вопрос о ее разделении, но пока это нецелесообразно. Вот когда появятся фондовые биржи, когда у рабочих самих будет возможность продавать и приобретать акции — тогда к этому вопросу вернемся. Пока же наша задача за два года рассчитаться с банком. Думаю, что рассчитаемся гораздо раньше.

В планах директора — создать международный станкостроительный картель, открыть представительства за рубежом (в Чехо-Словакии и Югославии они уже работают). Судя по тому, что возле проходной я часто видела автомашины с иностранными номерами, планы Юрия Семеновича не беспочвенны.

Избранный общим собранием всех работников Совет предприятия — это 24 человека. В их числе руководители, ИТР, служащие. В уставе Народного Предприятия записано, что Совет предприятия заключает с директором контракт (нанимает его) на пять лет. И еще одна важная деталь. Новое по своему статусу предприятие — правопреемник бывшего завода — не уволило ни одного из старых работников. На это я хочу обратить внимание особо, ибо слишком часто пугают нас неизбежной безработицей при рынке. Правда, освобожденным партийным функционерам действительно пришлось искать новое место работы, хотя и сам директор, и многие в его команде продолжают оставаться в КПСС.

Как и на любой заводской проходной, здесь висит список «требуемых». Мне сказали, что по мере того, как цифры в графике «зарплата» увеличиваются, количество строчек в этом списке уменьшается.

ВРЕМЯ ПРОДАВАТЬ КАМНИ

В вестибюле Московского геологоразведочного института висит геологическая карта Союза. Она стоит миллион.

Цифра эта, конечно, приблизительная — плюс-минус сотня тысяч. Ведь ценам свойственно непостоянство, и цены на "камни" — не исключение. А драгоценная карта, о которой идет речь, сделана именно из камней — каждое месторождение выложено минералом, который добывается в этом районе. Здесь и чароит, и нефрит, и родонит — много всего.

Стоят минералы совсем недешево. В этом можно убедиться, побывав на вернисаже в Измайловском парке. Хороший кристалл кварца — от 800 до 1000 рублей, аметистовые щетки — 150—300, пирит — 30—80 рублей. Обрезки лазурита, яшмы, агата можно, конечно, купить за 3—5 рублей, зато цена на бериллы доходит до 8 тысяч.

В свое время (не столь давнее) продажа камней в геологической среде считалась чуть ли не позором. Сегодня на вернисаже каждый десятый стол — "каменный". Продаются минералы обычно студенты-геологи, а также их более "степенные" коллеги — те, кто после окончания институтов не может работать по специальности. На 120 рублей семью не прокормишь...

Сергей К. (в "каменном" бизнесе — пять лет): Для большинства людей, торгующих на вернисаже, это не бизнес, а просто способ выжить. Если есть что продавать, то за выходные можно заработать от ста рублей до полутора тысяч.

Сейчас особенно популярны аммониты — древние моллюски, возраст которых сотни миллионов лет. Если верить легендам, аммонит приносит счастье, и, скажем, на Западе его престижно иметь в каждой достаточно обеспеченной семье... У нас половинка распиленного образца стоит около 2,5 тысячи рублей...

Работа начинается с выяснения конъюнктуры на тот или иной камень. А потом — обычные геологи-

ческие экспедиции, с ранней весны до поздней осени: Якутия, Кольский полуостров, Украина, Северный Кавказ.

Наша бесхозяйственность — хорошее подспорье для "каменщиков": к их услугам множество заброшенных карьеров, которые уже не разрабатываются, но еще богаты красивыми минералами. Многие из занятых в "каменном" бизнесе связаны с геологией очень давно — им известны места, где промышленная разработка невыгодна, но группа из 2—4 человек с успехом может поработать. ("У профессионалов — свой "закопушки", — пояснил Сергей.)

Попасть на "каменные" места можно двумя путями. Обычно "каменщики" или находят спонсора в лице какого-либо СП и едут "дикарями", или же пристраиваются к официальной геологической партии рабочими. В последнем случае это работа на какой-нибудь крупный музей, который обеспечивает доставку "товара". Что касается варианта со спонсором, то здесь все несколько сложнее. Нередки конфликты с государственными "самоцветчиками", которые не нуждаются в конкурентах.

Впрочем, это не единственная преграда для вольных камнедобытчиков. Политика, как ни странно, и к минералам имеет отношение: события в Грузии, Армении, Азербайджане сделали закавказские месторождения недоступными. "Себе дороже", — заметил по этому поводу наш консультант Сергей.

"Парад суверенитетов" — еще одно веяние времени — тоже здорово повредил "каменному" бизнесу.

Сергей К.: Из Якутии теперь толком ничего не вывезешь. В аэропорту — специальные проверки: нет ли минералов. Думаю, что в ближайшем будущем все будет уходить из регионов напрямую за рубеж, минуя Москву. Почему за рубеж? По нашим данным, сегодня фактически проданы два знаменитых месторождения — карьер в Керчи и месторождение на Северном Кавказе. Не знаю, как это

оформлено юридически — видимо, создано что-то типа СП, — только сырье идет в одну сторону, за бугор. А советская сторона получает деньги, причем весьма небольшие. Само собой, на эти карьеры теперь не прорвешься — охрана, все как положено. Мест, куда можно спокойно поехать, остается все меньше и меньше...

Примерно половина добытого в экспедициях идет на покрытие расходов. Лучшие образцы оседают в домашних коллекциях или обмениваются. Остается небольшой запас — на жизнь.

Серьезные деньги зарабатывают на камнях лишь единицы. Это люди, получающие заказы от курьеров западных фирм — на определенный камень, сорт, количество... Заранее оговариваются "масштабы вознаграждения". Объем заказа может доходить до нескольких тонн, а заработать на этом можно десятки тысяч долларов.

Но так работают, повторяю, единицы. Сергей и его знакомые имеют месячный доход в пределах полутора тысяч. По нынешним временам — негусто. Скажем, те же "матрешечники" и "шкатулочники" гребут деньги значительно более вместительной лопатой, а ведь им не приходится лазить по горам и орудовать киркой и лопатой — инструментами первых продюсеров.

Сергей К.: Нас даже рэкетеры не трогают — мелкие мы для них. Понимаете, у нас специфическая работа и специфический контингент. Мало кому захочется уродоваться в экспедиции, спать в палатке, бывает — и голодать. Что за удовольствие — мотаться по стране: сегодня Камчатка, завтра — Якутия? Чтобы все это нравилось, надо быть немного романтиком. Видимо, поэтому в "каменных" рядах до сих пор не бывало конфликтов. Случается, что несколько "команд" привозят одни и те же камни. Казалось бы — конкуренция, война. Но все решается мирно — просто часть камней придерживается и продается позже.

Да и в самих экспедициях камни часто отходят на второй план. Бутылка шампанского на безмянной вершине — это радует не меньше, чем пачка кредиток.

... "Шкатулочники" и "матрешечники" пренебрежительно поглядывают на столы с минералами — ну разве игра со ставкой 1500 в месяц стоит свеч? Может быть, и не стоит — каждому свое. Но не забывайте — аммонит приносит счастье.

Михаил ДУБИК

САМЫЙ ХИТРЫЙ ВОПРОС О ПИВЕ

В текстах нашего рок-андерграунда 70-х годов слово «пиво» традиционно рифмовалось с «красиво». Сегодня больше подойдет «тоскливо». Именно это чувство рождает в нас «душевная» обстановка пивбаров, мыльно-шампуневый запах «баночного» пива и едва ли не постоянное отсутствие «бутылочного».

Я наблюдал недавно, как двое любителей пива унижались перед продавцом из киоска:

— Браток, пятерку сверху, только чтоб не разбавленное...

Куда там... «Браток» изобразил такое искреннее

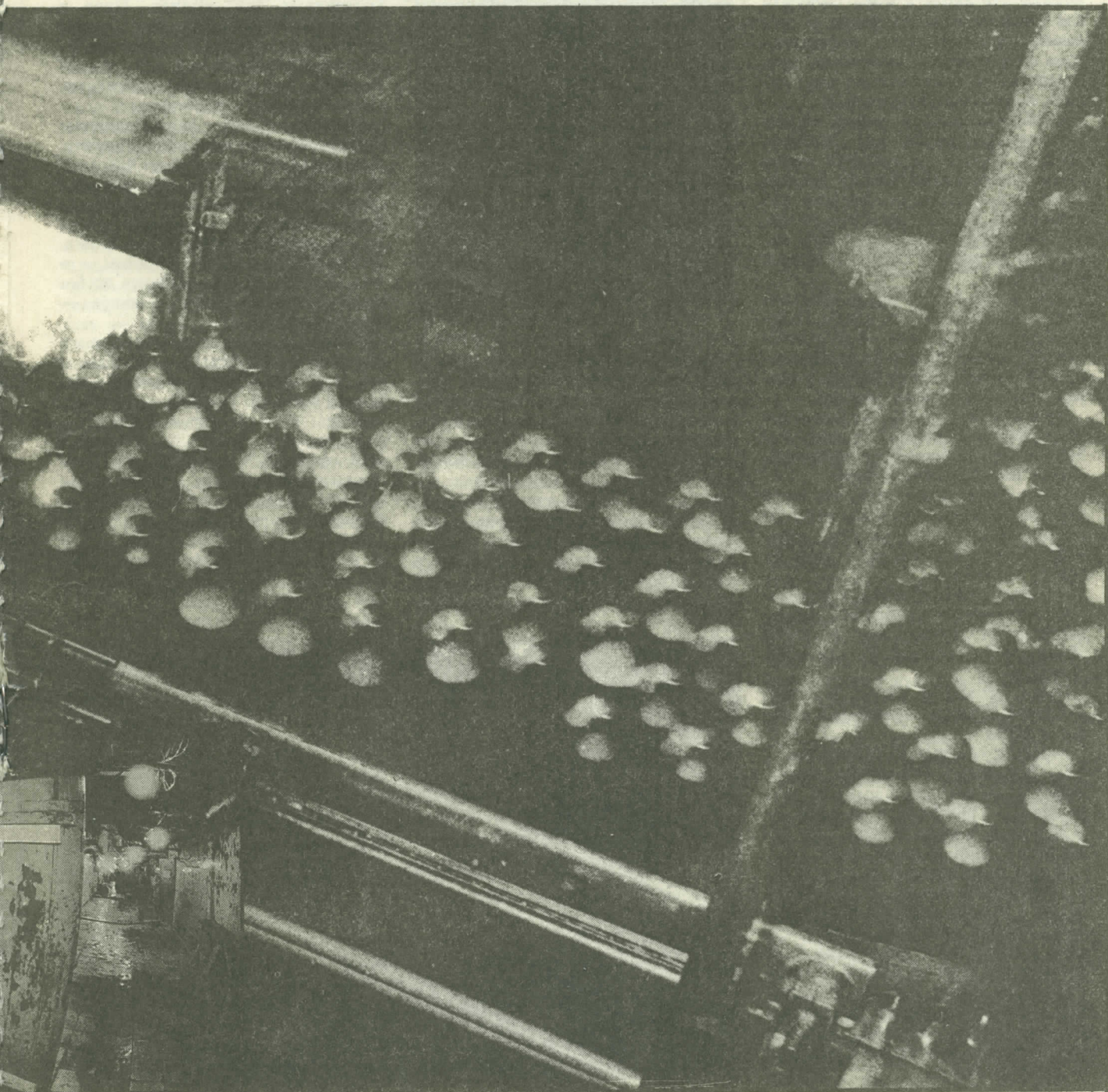
недоумение, что мужики молча взяли свою канистру — и пошли. Не такое выпьем, мы ко всему привычные...

Другое дело — скажем, немцы. Или англичане. Им неразбавленное подавай, да еще любимый сорт. И подадут.

Например, пиво «Тройка», которое выпускается на Московском экспериментальном заводе напитков.

В зарубежье наше пиво «Тройка» котируется — оно вполне конкурентоспособно, имеет средневропейскую цену. В ФРГ 350-граммовая кружка стоит 2,5 марки.

Ну, немцам, думается, и так хорошо, без «Тройки»... А как же отечественные любители пива?

— Пора развеять миф о том, что мы, мол, работаем на экспорт, а москвичи в связи с этим пиво недопивают, — говорит директор пивзавода Галина Сергеевна Плахова. — Во-первых, другие московские заводы во много раз мощнее нашего — мы же экспериментальный. А во-вторых, экспорт составил в 1990 году всего 50 тысяч коробов. Для Москвы это капля в море. Зато для нас продажа пива на Запад — это возможность закупить первоклассное оборудование, расширять производство. В конце концов надо думать и о престиже отрасли...

Вообще-то пиво в нашей стране — нетрадиционный для экспорта продукт. Выйти на внешний рынок экспериментальному заводу удалось впервые в истории российского пивоварения. И пока, несмотря на нашу экономическую «специфику», завод еще ни разу не подвел западных партнеров.

Отправляя нас с фотокорреспондентом на экскурсию по цехам, Галина Сергеевна просила «гида», ведущую лабораторией Веру Ивановну Шишелову, начать осмотр с «парадного» экспортного участка.

Уникальное таро-упаковочное оборудование, чистота, тишина. Работают здесь всего три человека. Дикий Запад, одним словом.

«Гид» рассказывает нам, что всего пару лет назад над каждым рабочим местом были оборудованы деревянные козырьки — дабы вода на голову не лилась.

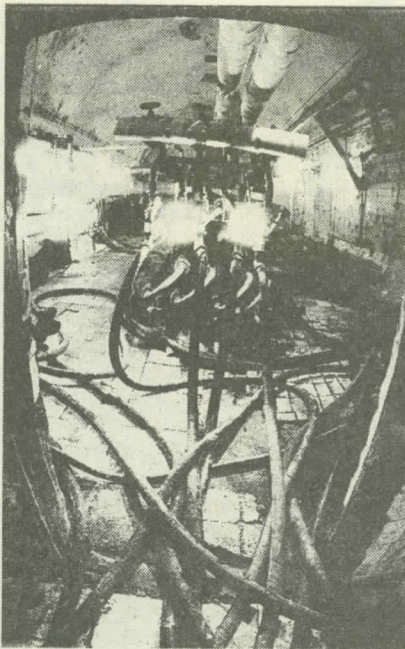
...Минуем плакат «Вход в родильное отделение посторонним лицам воспрещен». Буква «б» в слове «бродильное» тщательно замазана. Фольклор.

Замок железной двери, ведущей в подвал, похоже, взламывался неоднократно.

— Лезут, — вздыхает Шишелова.

— Все время кто-нибудь вокруг шляется, — вторит ей здешний «охранник» — работник отделения. — А сейчас, с новыми ценами, еще хуже будет. Хоть пулемет ставь...

Новые цены введены на пиво в экспортном исполнении, которое продается в магазинчике при заводе. Теперь каждый работник сможет купить в месяц всего один ящик пива по льготной цене 90 копеек. Хочешь больше — плати 2.30 за бутылку, как остальные граждане, знающие о существовании магазина. Однако, что ни говори, а вломиться в подвал — дешевле будет...

Полюбовавшись пивом, доходящим до кондиции («В начале брожения пены много, и она светлая, а потом пиво становится темным, спокойным...»), и изучив систему шлангов, по которым пиво из лагерьных танков поступает на розлив, мы задаем свой самый хитрый вопрос.

Завод, кроме «экспортного варианта», выпускает и обычное «Жигулевское» — которое нам потом в трехлитровые банки наливают. Так на каком же этапе пиво разбавляют? И чем?

— Да что вы, — искренне удивляется нашей неосведомленности Вера Ивановна. — Это уже в «пивных точках» происходит. С завода выходит машина с качественным пивом, а вот дальше... Может быть, поэтому торговля не хотела принимать у нас пиво в «бочатах» — небольших фирменных бочонках. Западная система — со специальными приспособлениями для розлива. Пиво в них невозможно разбавить. Торговля это быстро поняла... А что касается стирального порошка — я сомневаюсь, что его в пиво добавляют. Обычная вода — и все...

Несколько разочарованные отсутствием состава преступления, поднимаемся по лестнице XIX века на свет божий. На десерт — колючая проволока. «Колучкой» снабжен забор, отделяющий территорию завода от территории глазной клиники. Неужели тоже лезут? Впрочем, что тут такого. Можно обойтись и без стопроцентного зрения; главное — чутье иметь...

Сознаюсь — по кружечке пива мы все-таки испробовали. Естественно, для пользы дела — чтобы качество оценить. (Кстати, существует легенда, что в свое время сюда заходил с такой же целью Лев Толстой.) Что сказать? «Баночное» из будки с манящей надписью «Пиво» таким уже не будет никогда. Ибо слишком долгий путь от завода до киоска...

Михаил ДУБИК

Фото Э.КУДРЯВИЦКОГО

ТАК ВОТ ПОЧЕМУ МОЛЧИТ МИНИСТР СВЯЗИ!

При загадочных обстоятельствах пропал министр связи СССР Эрлен Кирикович Первышин. Но никто этого почему-то не заметил. Помнится, был он человеком тихим, скромным. Последний раз его видели, кажется, на сессии Верховного Совета СССР, где ему, тогдашнему министру промышленности средств связи СССР, предложили совместить его ответственный пост с постом министра просто связи, и он, вытеснив живого министра связи В.А.Шамшина, согласился. Согласился — депутаты проголосовали «за» — и его поглотил телезфир... Лишь одна «Столица» провела тщательное расследование его исчезновения, но министра так и не нашла — см. № 3 за 1990 год «Почему молчит министр связи?».

В этой публикации говорилось о том, что устроенная Министерством связи СССР прошлым летом подписная кампания (резкое повышение цен на периодику, снижение тиражей и т.п.) прошла, собственно, под руководством не Министерства связи, а одного лишь заместителя министра Евгения Алексеевича Манякина. Наверное, не было печатного органа, который бы не помянул этого видного руководителя недобрым словом. Новый же начальник товарища Манякина сам о себе почему-то не напоминает, словно бы его и нет среди нас...

Третий номер «Столицы», объявивший розыск министра связи, вышел в свет в сентябре, и — по прежнему меркам — официальный ответ должен был бы поступить в редакцию в течение месяца. Но ответа не было. Тогда в конце декабря редакция сама направила журнал на имя министра с просьбой, если он есть, обнаружить себя, выйти, так сказать, из подполья. Для упрощения задачи министру были заданы наводящие вопросы. Всего четыре. О, это были совсем простые вопросы, относящиеся к примитивной почтовой статистике: велики ли доходы Министерства от издателей за доставку их

газет и журналов подписчикам (каждое издательство оплачивает Минсвязи работу его почтальонов)? Каков теперь общий тираж выписанных газет и журналов? Какова зарплата почтальонов до повышения цен на периодику и после и, наконец, что намерено делать Министерство связи СССР с деньгами подписчиков?

Этот, последний, вопрос был, пожалуй, сложнее других — но повторим, конечно, не для министра, который знает все. Дело в том, что в договоре, который Минсвязи разослало по редакциям, есть пункт 3.3., где говорится о чем-то, что пересказать трудно. На первый взгляд, в пункте 3.3. — неожиданное для юридического документа нагромождение слов. Но и при самом вдумчивом чтении смысл его до людей с высшим юридическим образованием (в редакциях работают опытные юристы) все-таки не доходит. Получается, что деньги подписчиков Министерство связи СССР на этот раз не переводит редакциям, а оставляет у себя. Такого еще никогда не было! Сама идея подписки в том-то и состоит, что, «покупая вперед» газету или журнал, читатель субсидирует редакцию, а редакция на полученные деньги улучшает свой издательский процесс: обзаводится более современным полиграфическим оборудованием, привлекает более авторитетных авторов, труд которых сейчас оплачивается мизерно (одно только название «гононар»!), приглашает знаменитых художников... Так вот, «Столица» хотела знать, зачем это вдруг в 1991 году Министерство связи ни с того ни с сего решило оставить деньги подписчиков у себя? Как намерено их использовать? Вправе ли их использовать, если подписчик адресовал их вовсе не Министерству связи, а своему любимому журналу и газете? И как вообще понять пункт 3.3. в том месте, где говорится, что Минсвязи будет выдавать редакциям деньги подписчи-

МИНИСТЕРСТВО
СВЯЗИ СССР

тов. Манякину Е.А.

1. Прошу рассмотреть и проинформировать т.Баскова В.Я. по поставленным вопросам.
2. *В соответствии с тем, что было сказано в письме, по поводу делового предложения, что было бы лучше, если бы было бы...*
3. *Исследования и анализировать то же самое, где не было бы все отнесено к делу, и в дальнейшем своих замечаний.*

Министр *Первышин* К. ПЕРВЫШИН
"26" декабря 1990г.

ков время от времени — одной редакции, как алименты, раз в месяц, другой — раз в квартал?

Направив журнал № 3 и краткое сопроводительное письмо, «Столица» стала ждать ответа. Но вдруг из Минсвязи раздался телефонный звонок. Строгий мужчина представился помощником министра связи СССР Андреевым. Это была первая со дня выборов в Верховном Совете весточка о том, что министр связи в Советском Союзе все-таки есть, раз у него есть сурово говорящий помощник. Товарищ Андреев заявил, что он хотел бы уточнить некоторые вопросы на тот случай, если, когда он покажет письмо министру, тот чего-нибудь не поймет. Общение с министром с помощью почты да еще через помощника показалось нам что-то уж слишком усложненным. В самом-то деле, вот когда Эрлену Кириковичу Первышину станет что-то непонятно в нашем простеньком письме, вот тогда на вопросы по поводу вопросов и имело бы смысл делать уточнения, ответили мы товарищу Андрееву.

Помощник оказался не только сердито говорящим, но еще и чрезвычайно эмоциональным: он швырнул трубку — и его поглотил эфир...

Однако через несколько дней эфир проснулся: в редакцию позвонил знаменитый заместитель министра связи СССР — сам Евгений Алексеевич Манякин. Забегая вперед, скажем, что после этого разговора тревожные сомнения относительно существования Эрлена Кириковича появились вновь. Потому что Евгений Алексеевич как ни в чем не бывало заверил, будто звонит по поручению министра. Испугала как раз обыкновенность тона: Евгений Алексеевич сказал, что, прочитав письмо, Эрлен Кирикович будто бы попросил ответить на статью «Почему молчит министр связи?», а заодно и на четыре вопроса его, своего заместителя. Где же сам-то министр? Что это все «от него» звонят и звонят? Нет-нет, мы несколько не усомнились в честности очередного посланца, но показала странноватой сама ситуация: заместитель министра министр поручил объяснить, почему молчит министр.

Тем не менее Евгений Алексеевич совершенно серьезно назначил нам время приема. Мы люди не гордые, но, видимо, чего-то не поняли. А возможно, чего-то не понял заместитель министра связи. Словом, время приема назначили ему мы. И Евгений Алексеевич приехал в редакцию.

Прежде всего он представил документальное подтверждение того, что министр связи в стране советской есть: он показал письмо Эрлена Кириковича, адресованное, правда, не редакции, а лично ему, Евгению Алексеевичу. По-видимому, Эрлен Кирикович ведет настолько уединенный образ работы, что не видится ни с кем, даже с собственными заместителями. Они друг с другом переписываются. Воспроизводим этот документ, чтобы ни у кого больше не было сомнений в том, что министр связи СССР жив и здравствует. Часть его письма отпечатана на машинке, зато вторая часть — это его собственная рука, уверяет Евгений Алексеевич...

Заместитель министра приехал не один: нас посетили также начальник Центрального рознично-подписного агентства «Союзпечать» Геннадий Георгиевич Фролов и другие официальные лица. От Геннадия Георгиевича мы узнали, что пункт 3.3. уже не надо понимать так, как его понимали редакционные юристы.

Нет, деньги подписчиков, как и прежде, Минсвязи переведет на счет каждой редакции. И перевело. Министра связи СССР, вероятно, все же убедили доводы на этот счет в статье «Почему молчит министр связи?». Так что его темпераментный помощник товарищ Андреев напрасно волновался насчет несообразительности своего начальника.

Привез Евгений Алексеевич и письменные ответы на письменные вопросы. Над ними он потрудился, естественно, сам. Оказалось, что больше половины подписных денег почта все же оставила при себе, отняла у редакций. Оставила — и все! Хотите, чтобы ваш журнал доставлялся подписчику? Платите почтовому ведомству 50,6 процента стоимости номера — поставило в разгар подписной кампании твердое условие Министерство связи. Простите, возразили растерявшиеся издатели, но почтовое ведомство всего лишь доносит журнал от почты до почтового ящика! Написать газету и журнал гораздо труднее! В создании газет и журналов принимают участие не только журналисты, но и члены правительства, академики, разные ученые люди — каждая редакция старается привлечь как можно больше знающих людей. Они пишут умные статьи, дают опережающие время интервью — не отнимая почта у редакций больше половины выручки, этим уважаемым людям можно было бы повысить гонорар. Они заслужили это не меньше почтальонов, работу которых, безусловно, все ценят, но не до такой же степени, чтобы сравнивать ее с работой академиков и журналистов, докторов наук и деятелей искусства, юристов и министров! Всякая редакция и без того традиционно отчисляет почте деньги за доставку своей газеты и журнала! Платит она и за бумагу, и за аренду помещения, и «Союзпечать» за розницу — останется ли что-нибудь на зарплату сотрудникам?

Но все возражения Министерство связи властно отвергло — оно не любит говорить о чужих деньгах. Редакция, не подписавшая министерского договора, может отныне не рассчитывать на доставку своего издания подписчику. И редакции, конечно, сдались. Сдалась и «Столица»...

Из ответов, доставленных нам собственноручно Евгением Алексеевичем Манякиным, вовсе и не следует, что гигантские отчисления редакций, востребованные Минсвязи, — 50,6 процента, пойдут почтальону. Средняя зарплата почтальона со 165

рублей в месяц увеличится в 1991 году лишь на 30 рублей. И то, прибавил со знанием дела Евгений Алексеевич, очень сомнительно, чтобы такое повышение произошло. Потому что зажим гласности (взлет подписных цен на любимые газеты и журналы) неожиданно только для Министерства связи привел к снижению тиражей. У многих людей попросту не оказалось денег на вздорожавшую подписку — потому и не случилось сильного увеличения доходов Минсвязи. Зачем же тогда, спрашивается, цены загнали вверх?

В 1989 году, когда газеты стоили копейки, доход Министерства связи за распространение печати составил 650200000 рублей, в 1990 году (время расцвета гласности) — 728800000. Повышение цен и, как следствие, снижение тиражей все-таки не делает Министерство связи СССР банкротом: в 1991 году Минсвязи предполагается получить 880800000 рублей.

— А этого все же недостаточно, чтобы повысить зарплату почтальону, — пожаловался товарищ Манякин. — Наши-то ученые из Института связи рассчитывали на 1 миллиард 782 миллиона, понимаете?

Бедный миллионер!..

Но если зарплата почтальонов увеличится всего на 30 рублей, да и то вряд ли, то куда же пойдут остальные сотни миллионов?

Хорошо, почтальоны — у них останется низкая зарплата. Но пусть тогда хотя бы работа почты улучшится! Мы протянули заместителю министра и сопровождающим его лицам стопку писем, которые шли по Москве в «Столицу» месяц и 18 дней, 2 месяца, месяц и двенадцать дней, — гости редакции отстранились, писем в руки не взяли, штемпелей на конвертах даже не рассмотрели.

— У меня таких знаете сколько? — сказал глава делегации. — Ну, медленно идут письма, ну, медленно!

Если у Минсвязи с каждым годом денег становится все больше и больше, а письма ходят все медленнее и медленнее, то какой же смысл в дальнейшем увеличении доходов, получаемых не от хорошей работы, а от грубого и необоснованного повышения цен? Евгений Алексеевич возвел глаза. Тогда мы принялись доказывать ему, что почта функционирует очень плохо. Почтовые отделения фактически работать перестали: расписание их столь запутано, что клиенты просто уже не знают, когда прийти купить подорожавший конверт (от недавнего повышения цен на конвер-

ты всего на одну копейку Министерство получило «всего» 80 миллионов рублей — бедный миллионер!), отправить уменьшившую свой вес посылку, подорожавшую телеграмму, — клиенты не знают, когда почта открыта: один день она стала работать утром, другой день — вечером... А тут еще почтальоны перестали разносить несчастные газеты и журналы по воскресеньям! Это-то новшество к чему? Как можно лишать людей средств связи хотя бы на один день в неделю?

Вот на это Евгений Алексеевич ответил быстро и с поразительной легкостью.

— А это не мы, — парировал он, — не мы!..

И сообщил вдруг, что воскресный день для работников почты в Советском Союзе введен вовсе не Минсвязи СССР. Это велит «Постановление Секретариата ЦК Коммунистической Партии Советского Союза» (так в оригинале — все слова с большой буквы). Его номер СТ-2/3, от 7 августа 1990 года.

Вчитавшись в этот эпохальный документ — согласитесь, не всякая партия, даже стоящая у руля, регламентирует работу почтовых отделений связи, — мы убедились, что товарищ Манякин все-таки немощно служивил. В третьем пункте этого удивительного постановления, изданного даже — вдумайтесь — не Политбюро ЦК КПСС, а всего лишь его секретариатом, говорится, что следует «принять предложение Министерства связи СССР, согласованное с издательством ЦК КПСС «Правда», о введении единого выходного дня (воскресенье) для работников редакций, издательств и предприятий связи, распространяющих периодические издания, и в связи с этим уменьшить периодичность выпуска

ежедневных газет на один номер в неделю». Значит, предложение исходило от Минсвязи, которое за спиной всех издательств договорилось с одним из них — с издательством «Правда»!

Справедливости ради надо сказать, что это постановление, подписанное Генеральным секретарем ЦК КПСС, распространяется исключительно на газеты и журналы «партийных издательств». Но партийных почтовых отделений не бывает — почему же в воскресенье не доставляются беспартийные издания? Этот вопрос снова поставил товарища Манякина в тупик.

Если кто-то думает, что «партийная печать» столь невелика, что от нечтения ее человека не убудет, тот ошибается: в списке отлученных по воскресеньям от читателя газет и журналов сорок два названия — «Советская культура», «За рубежом», «Говорит и показывает Москва» (по-новому «Семь дней»), «Учительская газета», журналы «Здоровье», «Крестьянка», «Крокодил», «Миша», «Наука и жизнь», «Огонек», «Октябрь», «Работница», «Юность»... Когда почта не успевала приносить их на неделю, то приносила в воскресенье. А теперь — на будущей неделе...

Учителя, работницы, крестьянки, юность страны — все подчиняются волеизъявлению секретариата ЦК Коммунистической партии Советского Союза! Это странное неуважение к подписчикам проявлено после отмены памятной статьи Конституции СССР о руководящей роли партии! И — после повышения цен на газеты и журналы! Как же совместить неуважение с удорожанием?

Если на этот вопрос не смог ответить заместитель министра связи, спрятался от ответа в своем кабинете

скромный министр связи (ничего загадочного в его исчезновении нет, его можно понять), то, может быть, ответит тот, чьей рукой подписано постановление? Нет никакого сомнения, что Генеральный секретарь ЦК КПСС, красивым росчерком пера решивший судьбу журналистов, академиков, докторов наук, рабочих и крестьян — наших преданных подписчиков, — знает все и наверняка сумеет, не прибегая к бронетранспортерам, ответить на любой вопрос. Потому еще, что нигде, даже в родной партийной печати не напечатанное постановление № СТ-2/3 начинается такими знаменательными словами: «Согласиться с предложениями Управления делами и Идеологического отдела ЦК КПСС об организации и условиях подписки на партийные периодические издания на 1991 год».

Значит, 50,6 процента денег, отчисляемых почте за доставку, — это идея Управления делами ЦК КПСС? Или его Идеологического отдела? Отнять деньги подписчиков у редакций — их идея? Повысить цены на газеты и журналы — их идея? Если со всем этим «согласился» лично Генеральный секретарь ЦК КПСС, то ведь это еще не значит, что согласимся мы. Мы как раз не согласны! Газеты и журналы пишутся для подписчиков, информация должна быть доступна как можно большему числу людей!

Да, партийные периодические издания — это партийные периодические издания, но ведь они не существуют в стране изолированно. «Организация и условия подписки», предложенные каким-то Управлением делами и анонимным Идеологическим отделом ЦК КПСС, автоматически распространяются на всю печать, которую почтальон разносит по домам в одной сумке...

**ОТДЕЛ СОЦИАЛЬНО-
БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

СТОЛИЦА

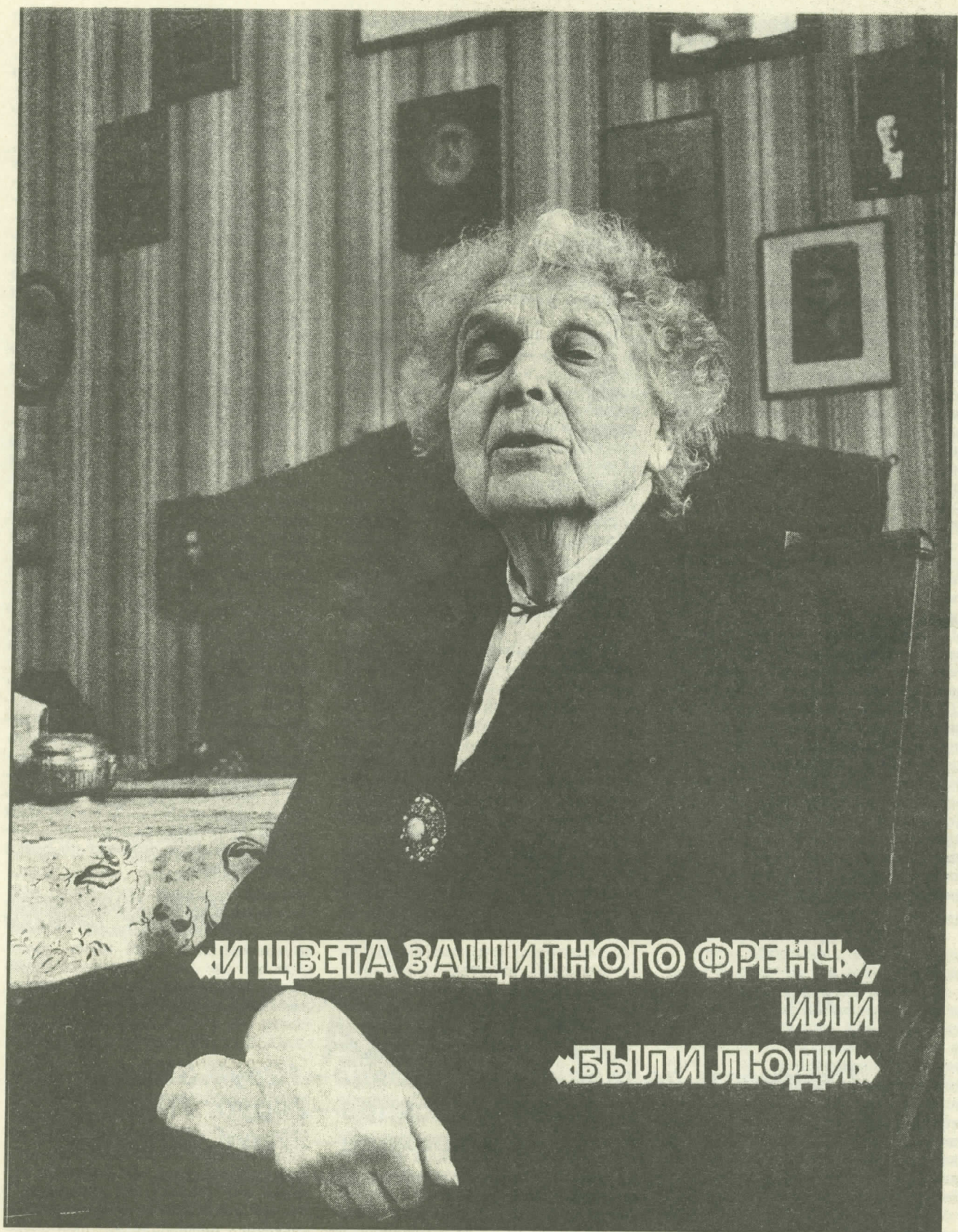
Стоимость подписки на 3 месяца — 12руб. 35коп.

на 6 месяцев — 24руб. 70коп.

на 9 месяцев — 37руб. 05коп.

Подписка принимается во всех отделениях связи страны.

«И ЦВЕТА ЗАЩИТНОГО ФРЕНЧ»,
ИЛИ
«БЫЛИ ЛЮДИ»

Беседы за чашкою кофе с коньяком с Зинаидой Константиновной Манакиной, воспитанницей Смольного института, служащей канцелярии Временного Правительства, впоследствии осужденной по статье 58—10 (полностью реабилитированной), у нее дома, в Москве, в январе лета 1991 от Рождества Христова.

— Как же вы ухитрились все эти годы не «засветиться» — кажется, только в прошлом году вами заинтересовались, вначале телевизионщики, потом журналисты, потом киношники?

— А что тут интересного? Во мне ничего интересного нет. А то, что в 18 лет меня, сироту, устроили в правительственную Канцелярию, где я принимала от начальства указы, считывала их чисто корректорским толком и наклеивала на особого формата картонки, ведя таким образом две картотеки — алфавитную и систематическую... это много, но сказать, что я у Керенского ведала делами, — ха-ха-ха!..

А смех — такой легкий, певучий, воздушный: не «ха-ха», а скорее «ах-ах-ах». Мы-то все крикаем с вами, гогочем, а вот, оказывается, и так еще можно смеяться. И так — сидеть. И так — вдруг на шепот сходить: вы, разумеется, понимаете, что это все между нами? выключите, будьте любезны, на минуточку...

И — взмах руки вместо слова «магнитофон».

Сижу-расшифровываю и думаю: как это все передать?

Слышится-то «Петербург», а пишется — «Ленинград», через брежневское «гэ».

Ехал на Ленинский проспект — ожидал: большая «профессорская» квартира, три поколения потомства... вольтеровское кресло в конце анфилады комнат — и старлица с прямой спиной: «Присаживайтесь...»

«Присаживайтесь» — комната в коммуналке, трое или четверо соседей, кресла нет, но стул не новомодный, прямая спина, топот, телефонные звонки, детский писк за дверью, распахнутое бюро, лупа на странице словаря...

— Очень нужная вещь, кстати говоря, — история указов. Два-три в день выходило... Прошло, может быть, уже дней шесть после захвата Зимнего — мне звонит домой мой начальник непосредственный, Сергей Петрович Черемисин, и говорит: «Зинаида Константиновна, вы ведь девочка совершенная, ничего с вами не станет — пойдите во дворец и спасите нам картотеку, ведь это же историческое наследие, памятник законодательства, одним словом... Ну, чем вы рискуете? В крайнем случае, откажут».

Я иду. Встречает меня комендант Зимнего поручик Левитин, и все очень хорошо, и так любезно: «Пожалуйста, проходите». Всюду — порядок. Всюду — абсолютный порядок! Даже мой столик маленький — чтобы мне было удобнее подбегать к машинисткам, он стоял посередине комнаты нашей большущей, — и то, может быть, сдвинут вот настолько всего. Картотека — вся цела. «Можете забирать, у вас есть транспорт?» Вообразите: «смоляночка» явилась, без транспорта, а два ящика тяжелых. «Когда вам удобно, приезжайте, мои люди вам вынесут эти два ящика». И никаких церемоний, никаких звонков!

Выхожу, и только в галерее Отечественной войны вот какая перемена: стоят три фигуры тряпочные, манекены,

чуть больше естественного роста — трибунал Франции. Один — фригийский колпак, затем — судья, сидит, за ухом перо, и перед ними — обвиняемый. Так довольно красиво исполнено, очевидно, театральным художником делал... Вот их первый памятник Великой Октябрьской революции — ха-ха-ха!..

Когда я пришла домой, моя тетушка сказала, что более тяжкого предательства в своей жизни она не наблюдала: чтобы к ней на квартиру привезли документы этого, свергнувшего царя, правительства! «Да ты что?!»

Ну, я и не пошла. А ведь можно было сохранить — престелная же картотека, — и сколько бы всем нам кормежки было!.. Кофе выпьем? Да? Мы, давайте, выпьем с капелькой коньяка. У меня сегодня трудный день. Мне, вы знаете, девяносто два года... Ах, как вы меня огорчили известием о болезни Юлиана Семенова — у него, право, совсем недурно получилась «Версия» о Керенском — вы не читали?..

Голос за дверью (женский, молодой):

— Алло, здравствуйте! Это вы лечите от табакокурения?..

— Зинаида Константиновна, вы помните первое впечатление от Керенского?

— Конечно! Он, вы знаете, был эсер (хотя вначале состоял во фракции трудовиков, но это не имеет значения); и когда был страшный процесс антисюнский Бейлиса, то Карабчевский, герой и защитник настоящий, вызвал к себе в Киев двух адвокатов — и Александра Федоровича в том числе. Так что Керенский имел большое обаяние в массе, и у меня, как у девочки, воспитанной в известном духе, было к нему уваже-е-ние! Это — да!..

Ну а то, что Маяковский понаписал — я обожаю Владимира Владимировича: словотворец, вдохновец, — это другое дело; но все его карикатуры смешны... «Цвета защитного френча» — ну ведь Александр Федорович не виноват, что никогда не был военным. Рука болела, оттого он ее и закладывал за борт френча. У него было землистое лицо, и я помню, как супруга его, Ольга Львовна, приходила и говорила, что Александр Федорович страшно боль-

ной печени и он даже вынужден прибегать к морфию... Она стояла со слезами на глазах: «Вы все не понимаете, что он тяжело больной!»...

Значит, теперь вот что. Было, как вы знаете, четыре состава правительства, третье Александр Федорович возглавил, а входил он туда с самого первого состава. Я жила тогда на Шпалерной — это как раз против Таврического дворца — и видела, как день и ночь шли на присягу этому правительству. День и ночь. Армия шла. Экипаж шел. И вообще все, кто только мог принести присягу, — шли. Керенский взял на себя тогда очень красивую роль (он был нравственный человек, если уж говорить о мотивах и о синдромах) — в те дни накинулись на полицию и на всю эту клику. Конвой их тащил в Таврический для подписания гарантий. Александр Федорович несколько дней домой не уходил, выбегал из своего кабинета навстречу: «Не смей прикасаться к этому человеку, он под защитой Закона!!!» — так кричал, что конвой сразу выпускал задержанного. Он в тот момент совершенно искренне верил, что обойдется без крови. Натаскал сановников полный зал, где они до ночи тряслись, и всех их потом проводил. Вот так он в первые дни уже взмыл как личность — была слава...

Я той весной как раз окончила Смольный институт — и в августе, когда Керенский поехал на Московское совещание, меня устроили на работу в канцелярию. За меня просили — я не просилась. Вообще «смолянка» и сирота подлежала приличному устройству. Мне сказали однажды: «Приходите, пожалуйста, в Мариинский дворец, ничего не объясняя. И я пришла во дворец... с дыней! Думала — заодно. «Дыню вы оставьте, пожалуйста, и пройдемте». Эмиль Эмильевич Шольц, очевидно, завкадрами, говоря по-нынешнему, — весь разговор пять минут. Я выхожу, иду за дыней, Сергей Петрович, протезировавший мне, догоняет: «Вы приняты». — «То есть как?!» — «Когда вы вошли, он встал: вы — барышня. А отпустил вас с и д я : вы — служащая у него!» Пять минут! Ха-ха-ха... Пять минут...

Керенский вернулся из Москвы. У всех в те дни страха были: что дальше еще будет — ведь уже третьего состава правительство. И вдруг — такое: «Говорят, уж так разошелся Керенский в Москве!» А он, правда, говорил, когда на него накатывало! Романтик! Красиво, цветисто!

И вот его встречают с таким недоброежелательным юмором. Это я почувствовала. И когда услышала, что они так острят насчет Александра Федоровича, я поняла, что есть противостояние...

Были люди. Часто — Крымов Александр Михайлович, командир конного корпуса. Еще — Михаил Васильевич Алексеев, генерал, — ну, его я знала близко, он был другом моего дяди. Приняли меня 15 августа — и тут, через неделю, мятеж Корнилова. «Дикая дивизия идет на Петроград, дикая дивизия идет на Петроград!» — и вообще, конечно, однажды вечером входит делегация: все в черкесах, и впереди — генерал Багратион, их предводитель. Его я и раньше знала опять-таки, он бывал в обществе дяди; и, как девочка военной среды, подумала: «Делегация дивизии — это что-то важное...» Но тут — еще один знакомый, более близкий, — Готовский Владимир Николаевич, который, между прочим, некогда был разжалован в рядовые, а теперь он уже, наверное, ротмистр был, и у него — два солдатских «Георгия», а, как вы знаете, солдатский «Георгий» считался огромной честью! Я вскакиваю, беру маленькую розочку: «Владимир Николаевич! Позвольте вас поздравить!» — и прикалываю к его солдатской шинели. А он мне: «Зиночка, если дитя подносит вам цветок —

можно ли чего-нибудь бояться!» — и вот тут только я заметила, что они все трясутся.

Керенский принял их немедленно. Я помню, прощаясь, он им сказал: «Я сам склонен думать, что это недоразумение».

Наутро после визита «туземной дивизии» один из мальчиков-адъютантов Александра Федоровича рассказывает: «Был поздно вечером сам Крымов. Они с А.Ф. долго разговаривали, и я обратил внимание, прощаясь, А.Ф. сказал Крымову: «Я вас всегда, генерал, считал чрезвычайно честным человеком», но руки не подал. И через час Крымов застрелился...»

*Голос за дверью
(мужской):*

*— Одну минуточку, я
сейчас дам трубку тому,
которому это нужно!*

— Что он там говорит? Ну, не важно, это, кажется, не к нам...

— *Зинаида Константиновна, вы одна живете, у вас кто-то в Москве есть?*

— Я вообще одинока. Но у меня масса друзей. Роскошных! Еще из «смолянок» человек пять в Петербурге живы, а здесь — всего одна. Очень интересная, но уже родные просят оставить ее в покое. Очень интересная! Дочь полковника Шевича — это так называемый 4-й Его Величества и Его Императорской Фамилии полк (а что такое «Императорской Фамилии»? это три роты полка имели шефами великих князей — вот и пожалуйста)... Полковник Шевич. У него четыре дочери, из них две были в Смольном в мое время. Так вот, эта Таточка Шевич — она прекрасно помнит, как их семья жила в Царском в одном доме с государственной великой княгиней Ольгой Александровной, которая была за шефом полка принцем Ольденбургским, — это такие милые, интимные воспоминания... я ей тут звонила, и мне близкие ее говорят: «Она вас помнит и рада была бы встрече, но ей уж тяжело...»

Да вот... Императорская Фамилия...

Когда государь отрекся, мы рыдали все! Мы обожали государя, у нас у всех его портреты были. Однажды он приехал на юбилей Смольного института: мы все повлюблились, отняли каким-то образом у него перчаточку, потом ее разорвали на такие крошечные штучки и сделали все себе значки с кусочком перчатки государя... Редкое обаяние! Знаете, он, не могу сказать, что он был не мужчина — ха-ха-ха! — но он скорее был офицер, и, когда девушки стали его целовать в руку и в плечико — и, кажется, вот тогда и вырвали у него перчатку, — он сконфу-у-зился: «Вы же барышни!»

Он тогда учредил для Смольного новый вензель — его матушки Марии Федоровны, а не Екатерины II, — и в на-

шей столовой, где одни только девочки и были, выпил рюмку — и с улыбкой: «Все для девчонок!» — об каблук! Обая-я-ятельный...

Вы ведь поймите, Распутин всех совершенно возмутил — все хотели видеть подле государя кого-то другого. Вот, собственно, что случилось: не-при-ли-чно... И когда государь сам отрекся, да еще так красиво, и когда еще отрекся государь Михаил Александрович — стало быть, Богу угодно! — все и обратились с последней надеждою на Думу...

К вашему сведению, они так отличались от современных, что даже страшно. Они интриговали, спорили, принимали попытки, чтобы друг друга подсадить, но во всяком случае это были серьезные люди.

Могу вам тут рассказать смешную вещь, если угодно. Кирилл Владимирович, великий князь, Владимира Александровича сын, приехал в столицу и попросил двух офицеров, верхами, препроводить его от Царскосельского вокзала — ну и, стало быть, господин офицер 1-го Его Величества Стрелкового полка и его коллега конвоировали Его Величество великого князя. Литейный проехали — в это время по мосту шел гвардейский экипаж. Кирилл Владимирович вышел, принял парад — и пошел с поднятой рукой присягать новому правительству...

Скажите, а какое на вас впечатление произвела отставка Шеварднадзе? Я признаться, еще не совсем уверена, что это произошло не оттого, что он грузин. Я еще целиком в этом не уверена. Он — человек с достоинством. Ведь они его публично оскорбили! Какая-то, извините, баба орет, что политика ни на что не годится! Ну, поми-луйте... Да что вы... Что это вообще за учреждение?

А знаете, как мы всю жизнь играли с шахом? У нас были странные дружбы — именно что странные! В Термезе всегда стояла казачья бригада, у меня там были знакомые; и будущий шах Реза Пехлеви в 16-м году там служил есаулом... А теперь... Теперь мы им больше ничего не должны. И все. И хватит.

*Голос за дверью:
— К бабушке нельзя!
Ты слышишь?
Ай-яй-яй, такая
большая девочка — и не
слушается!*

— А слово «большевики», Зинаида Константиновна, вы когда впервые услышали?

— А вот как раз тогда. Все как-то мало-помалу. Гоц, Либер и Дан зачастили, стали ходить каждый день. Господин Молотов, редактор «Правды». Потом запомнилось: «Обратите внимание, у вашего столика сидит Савинков» — а он как раз привез свою отставку: он был товарищем военного министра и ушел, потому что в эти дни было сближение с большевиками...

А раньше-то мы этим не интересовались и не подозревали ни о чем подобном.

Вы знаете, когда приехал великий вождь Интернационала, меня повезли к балкону Кшесинской. Никакого триумфального возвращения, разумеется, не было. Все ездили поглядеть именно из любопытства. А уж в среде интеллигентной — весь разговор: явился какой-то эмигрант, всю жизнь слонявшийся в прекрасной элите, а что к чему и что за программа?.. А правда: что за программа?! Они тогда, извините, как в воду глядели...

И меня что раздражило, просто как девочку, — все время: «ПГидем на помощь геГманскому пГолетаГиату!!!» А у меня решительно все мужчины в семье военные, и все кто есть в те дни на фронте! Почему надо в такой ситуации помогать какому-то пролетариату? Однако ж этот его лозунг был настойчивый и ежедневно повторялся, так что кому-то ум свихнул... но никому из порядочных людей это не нравилось — да и не могло.

Последние дни — какие-то смутные разговоры, стало часто гаснуть электричество, и наконец, дня за три: «Дамы и барышни, просим не являться на службу до особого приглашения, мы вас вызовем». Сидим, перезваниваемся. Во дворец никто не ходил. И знаете, страшно интересно: как будет? Во-первых, что с нашим жалованьем станет — мы все же получали порядочные деньги. А во-вторых — как это все быстро!..

И звонит ко мне мальчик, фельдъегерская связь, который больше всего был озабочен, как мне из Зимнего уехать: «Зинкстинна! Я сегодня начальник караула, так, представляете, никого из моих на месте нет!» — «Ванваннич, что вы такое говорите?!» — «Ой, вы знаете, бегут к нам сюда из Зимней канавки какие-то люди! И даже из двора!»

Бросает трубку — и еще через какое-то время:

— Зинкстинна! Они уже режут про-во-да!..

И стало тихо. День проходит, два, три. Я сижу дома, но мне все-таки очень жалко: куда все-таки делся мой Иван Иванович, мальчик, — он же мне совсем сродни. Все арестованы. Думаю: надо пойти. Представилась невестой. — «Пожалуйста». И — в Петропавловку.

Мальчик мой не ожидал никого, он был из провинции, чужак, и чуть не заплакал. Я ему говорю: «Ну, расскажите, как это было?»

И вот как было. Срезали телефон. Они все сидели в кабинете государя императора, что называется «аппарат-4», одетые, в пальто. И никто не уходил: «Кому сдать власть? Мы хотим ин корпоро сдать власть...» Наконец пришел кто-то — слово «Антонов-Овсенко» тогда не звучало, — и их всех вывели через Иорданский подъезд...

Хотите посмотреть? Вон он у меня, за шкафом, на календаре, дверцу только закройте — вот так, ну да...

Вот по этой лестнице они и ушли. Там внизу сложены были дрова, и, когда вдруг застрекотал где-то рядом пулемет, мальчик мой лег и заполз за поленницу — не знаю уж, как министры, но никого не убили. Потом Иван Иванович слышит: топот. Выглянул. «И знаете, — говорит, — Зинкстинна, я бы мог отлично не выглядывать, но побежал и их догнал. И теперь здесь сижу...»

Вот и все наше свидание, очень коротенькое. В этой камере общей, где происходило свидание, посередине стоял Щегловитов — ну, вы знаете, Иван Григорьевич, министр юстиции при государе, — с дамой в трауре, незнакомой мне... Как бы не в этой камере родился знаменитый анекдот — что когда Михаил Иванович Терещенко, во Временном правительстве министр иностранных дел, а перед тем министр финансов, переступил порог, его встретил ста-

рик Щегловитов словами: «Михаил Ива-а-аныч, вы, кажется, на революцию дали полтора миллиона? Ну, до чего же стала щепетильна наша молодежь! Сказали б мне в свое время — я бы вас сюда даром упрятал...»

Да... Щегловитов, кстати, вскоре был расстрелян. А Михаил Иванович умер в эмиграции...

Налейте себе еще коньяку. Кофе хотите? Кофе у меня множество! У меня родная племянница — т а м, уцелела, я только недавно отголосок получила, и она мне теперь присылает кофе...

Зима была страшная. Зиму сидели не вылезая. Смольный был объявлен фортом. Туда стекалось оружие, и орудия даже везли. Перестали топить. Дворники исчезли. За неплатеж квартиры, однако, описывали имущество. Каждое воскресенье все выходили на Мальцев рынок — садились на одеяла и отдавали все, чтобы прокормиться. Мне к выпуску в Смольном сделали выхухOLEвую шубку, я ее отдала за два пуда ржаной муки.

Мой родной брат был в штабе Духонина — при нем, кстати, Духонина буквально разорвали в клочки. И вот той зимой я вдруг получила с нарочным письмо от брата, где сообщалось, что в день гибели Духонина они, офицеры штабные, переодевшись, ушли пешком, хоронясь от матросских дозоров. Где могли — врассыпную садились на транспорт, а потом смыкались в назначенном месте... и так шли на Новочеркасск... Вы пейте, пейте кофе.

Так вот, брат пишет: «Я был в группе Генерала Романовского, два месяца сражался и все, что наблюдал, ни в какой мере не соответствовало понятиям чести и присяги. Прощай, маленькая моя сестра, я ухожу из России навсегда» — вот такое последнее от него письмо. Они ушли в Болгарию — или куда там близко? Ну да, наверное, ближе всего Болгария...

— А вы?

— Я оставалась в Петербурге.

— Почему?

— А куда мне идти, интересно? Зачем? Куда?

— Да как же вас не захватил этот исход?!

— Товарищи, как вы все легко говорите! Да если вообще десяти копеек у тебя нету — идти, иди, пожалуйста, но ехать-то куда?.. Я, признаюсь, в 18-м году вышла замуж за служащего нашей канцелярии — и то потому только, что он сам предложил: «Зинаида Константиновна, я уезжаю с отцом, а вы в таком неверном положении... Я ни в коем случае ни на что не претендую — но наши документы сданы, и вы, если вам угодно, можете воспользоваться...» Я за него вышла — и... не уехала...

Потом как-то все успокоилось. Открылось много антикварных магазинов, и мы все ходили — не покупать, а посмотреть, так было интересно. Потом пошли выставки, концерты, блестящие зрелища. Марджанов ставил классиков Италии, лучшее место на свете был клуб милиции, и вообще оказалось, что можно еще жить... А что такое молодежь? Да, мы все были голодны — но из приличия об этом никто не говорил...

Мы все читали «Двенадцать». Но не так, как сейчас: читать это на густом контраляте глупо — это все ритмы улицы, звуки толпы. Блок, кстати, бывал в Зимнем, в ЧК — только еще той ЧК, что при Керенском... Он редактировал допросы арестованных сановников... Он был человек с большой музыкальной памятью и воспроизвел в «Двенадцати» все звуки города в те дни... Это и я до сих пор так все слышу: идешь со Шпалерной на Фурштатскую, так пока дойдешь, несколько раз тебя едва не убьют... А философии в «Двенадцати» никакой нет. Чуть какая-то вообще, откровенно говоря...

И что интересно: когда он умер, нас это как-то не задело. А вот в те дни казнили Гумилева — мы все очень горевали! У него ведь тоже, кажется, был солдатский «Георгий» — у Гумилева?

— А что мальчик?

— Какой мальчик?

— Да вот Иван Иванович?

— Он мне прислал записку: «Зинаида Константиновна, я уверен, что вам так влетело от тетушки вашей, что прошу: не вздумайте меня больше в крепости навещать. Мы ничего не знаем про свою судьбу. Если окажусь на свободе, я дам вам знать...»

Потом ко мне зашел безымянный человек и без слов передал мне ликерный флакончик. Такие флакончики давались связистам из государева погреба. Очень миленький для барышни презент! И я подумала: это знак, что Иван Иванович на свободе.

Но Ивана Ивановича я так больше и не увидела...

Ну, ваше здоровье. За приятное знакомство!

— И вы будьте здоровы! Счастливого Рождества!..

Голос за дверью (по радио):

— Сейчас утренник, мороз в три градуса, а вишня вся в цвету. Не могу одобрить нашего климата. Не могу. Наш климат не может способствовать в самый раз...

А по Ленинскому проспекту, мимо дома с вывескою «Русские пряники» — будто пряники бывают нерусские! — а, впрочем, в магазине, кроме турецкого чая, ничего нет... — снег метет, и мчит голубчик «членовоз» посередь проспекта, и на весь белый свет призыв уступить дорогу, убраться с проезжей части, прижаться к краю, к самой обочине... И мы — как гуси — врассыпную!..

Мы ничего не знаем про свою судьбу...

Но ведь можно и так — смеяться, и — чтоб такая спина прямая и — в девяносто два, простите, года в памяти — сотни людей, и все — по имени-отчеству-фамилии: и чей сын, и на ком женат, и как и отчего умер, и зачем жил...

Что было с нами — в наши восемнадцать лет? И потом? Если уж не угадать, что будет, — суметь бы вспомнить, что было.

Беседовал М. ПОЗДНЯЕВ
Фото И. ФЛИСА

Дайджест зарубежной прессы

УМЕЙТЕ СКАЗАТЬ
«НЕТ»

...И ДЛЯ МУЖЧИН

Более половины американских девушек в возрасте от 15 до 19 лет имеют добрые половые связи. В результате опроса, проведенного эпидемиологической станцией в Атланте, выяснилось, что число сексуально активных девушек почти удвоилось по сравнению с 1970 годом.

«Такое положение дел вызывает крайнюю тревогу, особенно в тот момент, когда ширится распространение СПИДа», — заявила социолог Севджи Арал, добавив: «Я хотела бы дать молоденьким девушкам совет: говорите «нет», оттягивайте начало половой жизни и будьте моногамны».

«Джорно», Италия

НОВОЕ ПРОТИВОЗАЧАТОЧНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ЖЕНЩИН...

В начале 1991 года, после 30 лет испытаний, в США поступит в продажу женское противозачаточное средство «Норплант», действующее в течение пяти лет. Оно состоит из шести пластиковых ампул размером со спичку, которые при местной анестезии вводятся через небольшой надрез неглубоко под кожу в предплечье женщины. Ампулы постоянно и равномерно выделяют женский гормон, задерживающий овуляцию.

Преимущества этого метода, как считают специалисты, очевидны: экономичность; эффективность в течение многих лет; большее удобство и безопасность (многие женщины забывают принимать таблетки или же пользуются ими «со слезами»); возможность изъять ампулу в любой момент, не дожидаясь истечения пятилетнего срока. «Это великий день, наконец-то женщины получают противозачаточное средство 2000-го года», — утверждают создатели.

«Оджи», Италия

Доказана эффективность недавно изобретенной противозачаточной пилюли для мужчин — средства, искусственно делающего мужчину бесплодным.

Опыт проводился над 271 мужчиной, представителями 7 стран. Им ежедневно делалась инъекция тестостерона. Через полгода после начала испытания 157 из них перестали вырабатывать сперматозоиды. Среди пар, которые составили эти 157 мужчин, был зарегистрирован лишь единственный случай беременности.

Следует отметить, что, как известно, сперматозоиды — лишь одна составная часть эякулята, выделяемого мужчиной при семяизвержении. Зато самая важная.

«Жен Африк», Франция

ХОРОШИЕ НОВОСТИ О СПИДЕ

В ближайшие месяцы на добровольцах будет опробована вакцина против СПИДа, которая уже прошла успешные испытания на обезьянах. Эта вакцина должна способствовать выработке антител, которые, в свою очередь, будут бороться с самим вирусом.

Насколько велик риск, которому будут подвергаться люди, добровольно вызвавшиеся участвовать в этом эксперименте? Как полагают ученые, такого риска нет вообще, так как, по словам доктора Дж. Скиарда из Совета по исследованию СПИДа, вакцины будет введено такое количество, что участники эксперимента не станут носителями ВИЧ-вируса, однако их организмы начнут вырабатывать нужные антитела.

Как показывает прошлый опыт, главная трудность состоит в том, что ВИЧ-вирус (как и другие подобные вирусы) может менять свою форму. Причем доста-

точно даже небольших изменений, чтобы вакцина перестала оказывать свое действие.

Так или иначе, но доктор Скиард заявляет, что ученые настроены оптимистично и полагают, что к концу этого десятилетия уже можно будет внедрить систему иммунизации населения против этого заболевания.

«Ми», Англия

ХВОСТАТЫЕ ВИРУСНОСИТЕЛИ

По последним медицинским данным, более 25 процентов кошек Парижа больны одной из форм СПИДа. Ученые спешат успокоить обеспокоенных любителей животных: эта форма болезни, к счастью, не передается человеку.

Зато, может быть, именно эти кошки помогут медикам найти лекарство от «чумы XX века»?

«Донна Модерна», Италия

ДАВАЙТЕ ЖИТЬ ВЕЖЛИВО!

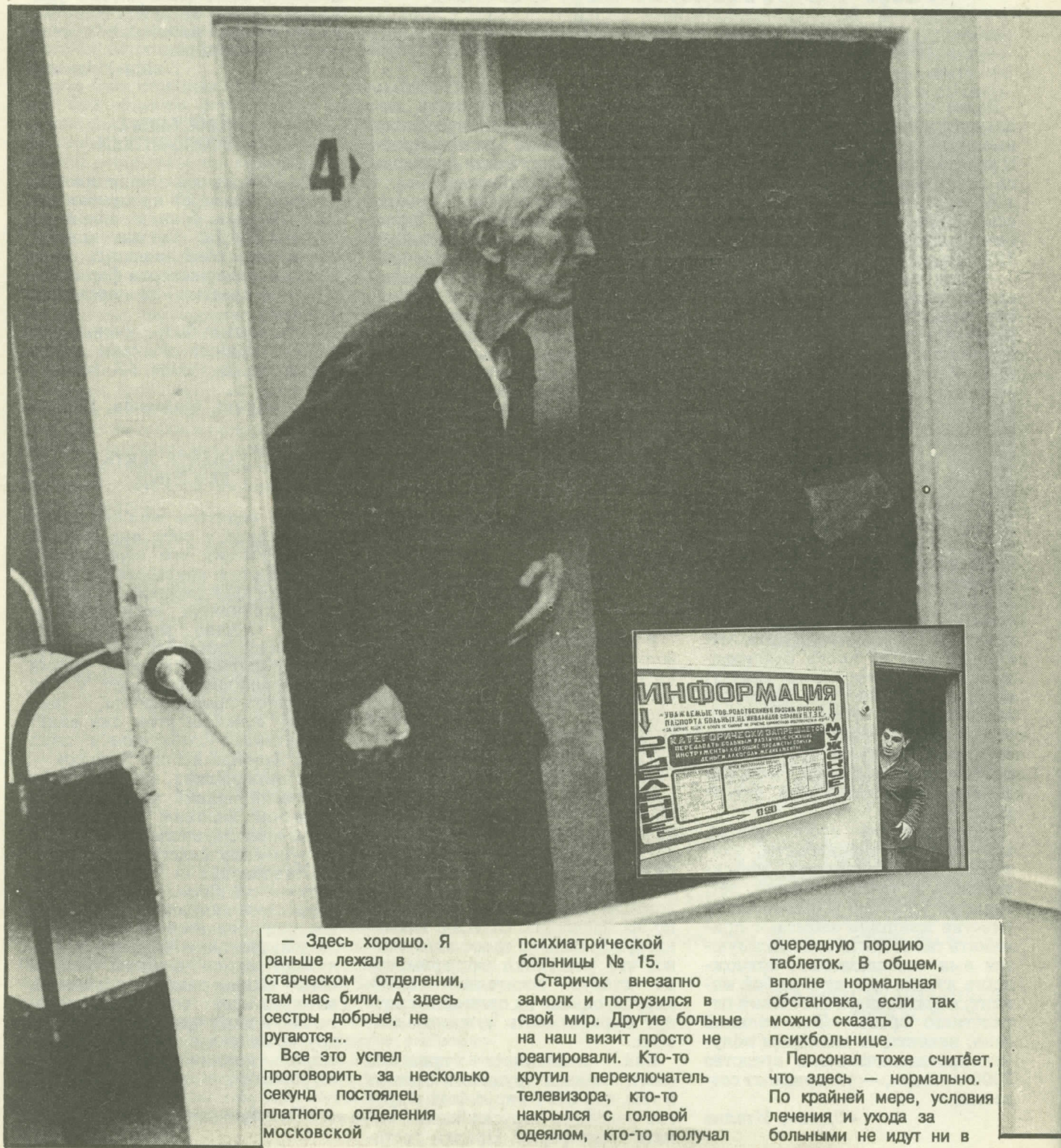
Когда водитель машины видит в зеркальце у себя над головой преследующий его полицейский автомобиль с крутящимися огнями, с ревущей сиреной, на душе у него становится беспокойно и гадко. Однако водители Лос-Анджелеса позволяют себе с этим не согласиться. Ритуал с огнями и сиреной не вызывает у них обычного дискомфорта, поскольку вслед за этим они видят приветливо улыбающиеся лица Чака Ловолда и Рика Харпера — двух полицейских, которые после обильных похвал за корректное вождение машины протягивают несколько смущенному человеку за рулем два билета в кино.

«Инициатива за благоразумную езду» — так назвала полиция Лос-Анджелеса кампанию на дорогах, которая продлится до конца года. За день Ловолд и Харпер останавливают около дюжины машин. «Мы высматриваем водителей, которые ведут себя предупредительно и даже пропускают вперед другие машины. Нам хочется поощрить вежливых и спокойных сограждан», — говорят они.

«Саарбрюккер Цайтунг», ФРГ

«Сумасшедшие» деньги

— Здесь хорошо. Я раньше лежал в старческом отделении, там нас били. А здесь сестры добрые, не ругаются...

Все это успел проговорить за несколько секунд постоялец платного отделения московской

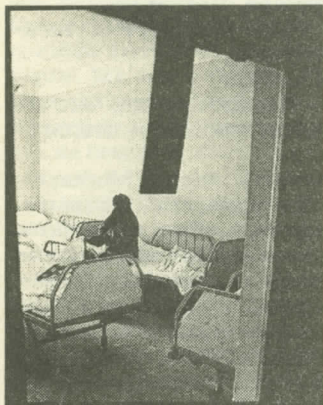
психиатрической больницы № 15.

Старичок внезапно замолк и погрузился в свой мир. Другие больные на наш визит просто не реагировали. Кто-то крутил переключатель телевизора, кто-то накрылся с головой одеялом, кто-то получал

очередную порцию таблеток. В общем, вполне нормальная обстановка, если так можно сказать о психбольнице.

Персонал тоже считает, что здесь — нормально. По крайней мере, условия лечения и ухода за больными не идут ни в

какое сравнение с обычным бесплатным старческим отделением. Врачи, сестры, санитары в свое время насмотрелись «будней» психиатрии — один запах из палат, где лежат старики, запоминается надолго. Ведь раньше такие места у работников домов скорби считались каторжными, туда, как в ссылку, сплавлялся неугодный и низкопрофессиональный персонал. Коктейль получался замечательный! С одной стороны, ожесточенные до предела медики, с другой — те, на которых можно было ежеминутно вымещать свою злость, — беспомощные неизлечимые люди, зачастую прикованные к койке.

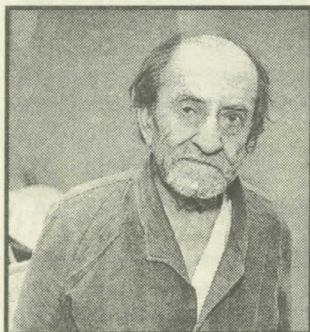
Чудесное

перерождение за деньги? И да и нет. О перерождении говорить рано. Милосердие и культуру не приобретешь вместе с надбавками к окладу, но взносы больных можно пустить на вполне ощутимые цели. Например, увеличить штат дефицитного ныне младшего и среднего персонала, приобрести не лишние для отдыха кресла и, пожалуй, самое главное — содержать стариков в чистоте. Постельное и прочее белье тоже требует дополнительных финансов. Весь вопрос, где их взять.

Здесь, в платном отделении, пациенты сами стали «спонсорами» психиатрии. В месяц из их пенсии или родственниками переводится на счет больницы чуть более 60 рублей — в наше время это скорее символическая сумма.

Больницу в последние дни буквально «обложили»

телефонными звонками — желающих устроить сюда на лечение своих престарелых родственников оказалось очень много. В психоневрологический интернат сдать несчастных людей решаются далеко не все, зная, что за порядки и нравы там царят. Государство к тому же позаботилось о том, чтобы лишить больного всего — прописки, пенсии, льгот. При переезде в

интернат человек как бы перестает существовать, для общества его уже нет.

А для того, чтобы попасть в платный стационар, требуется лишь одно условие: аккуратно вносить деньги за лечение.

Рассказывает заведующий отделом Олег Долтмурзиев:

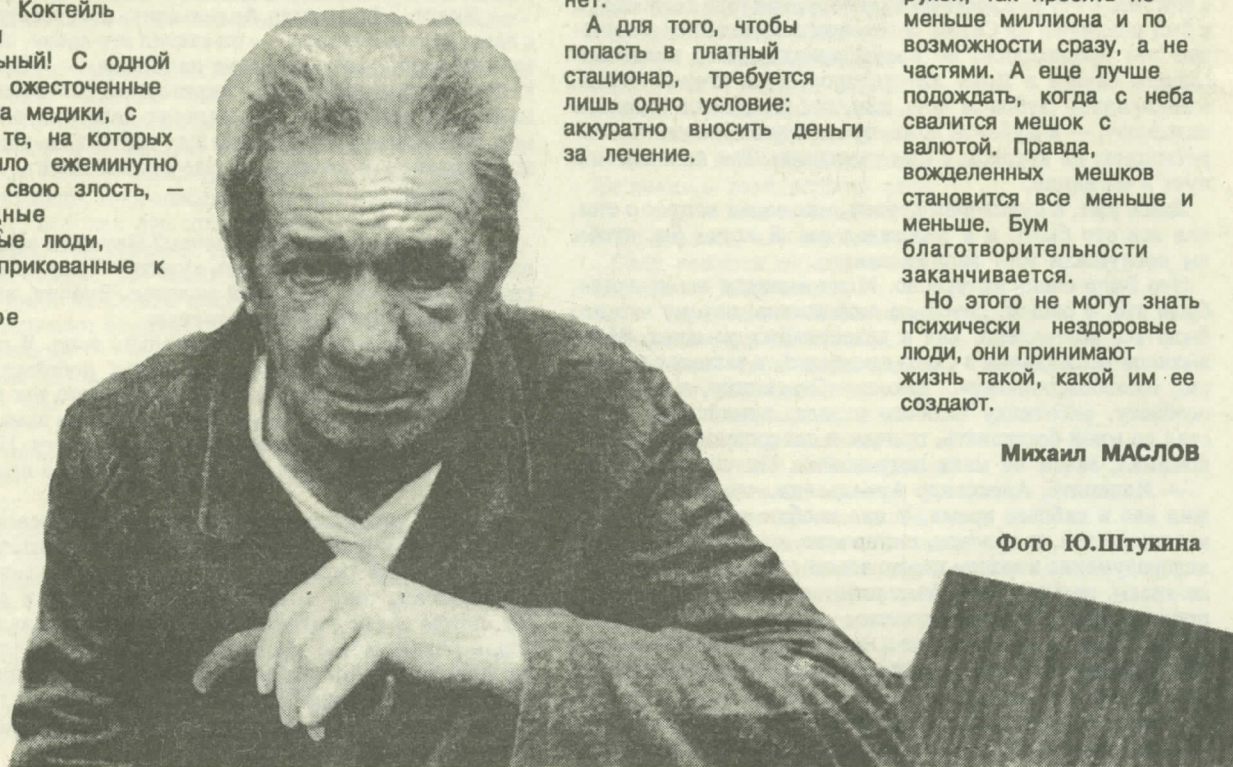
— Мы понимаем, с кем имеем дело. Большие суммы брать с малоимущих стариков просто грешно. Сутки нахождения у нас стоят два рубля с лишним. Даже этих мизерных взносов нам хватает, чтобы хоть как-то улучшить лечение наших пациентов. Голые стены, поломанные стулья и вонючие туалеты в психиатрических лечебницах — это просто преступление. Убогая обстановка может и здорового человека запросто повергнуть в депрессию. Мы же расходует до 40 процентов наших прибылей на предметы интерьера, на дополнительные полотенца, пижамы. Для стариков, поверьте, это не такие мелочи, как может показаться.

Действительно, наша родимая черта — гигантомания: если уж побираться с протянутой рукой, так просить не меньше миллиона и по возможности сразу, а не частями. А еще лучше подождать, когда с неба свалится мешок с валютой. Правда, вожделенных мешков становится все меньше и меньше. Бум благотворительности заканчивается.

Но этого не могут знать психически нездоровые люди, они принимают жизнь такой, какой им ее создают.

Михаил МАСЛОВ

Фото Ю.Штукина

У МИКРОФОНА АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

«За три с небольшим года работы на радио «Свобода» Александр Галич выступил у микрофона более ста пятидесяти раз. Радиоархив поэта составляет более 1000 страниц машинописного текста. Следует отметить, что Александр Галич тексты своих выступлений не писал. Он обладал даром импровизатора, и тексты, предлагаемые вам в этом сборнике, — это плод устного творчества поэта, запись с магнитофонных лент».

Из сборника «У микрофона Александр Галич...»
Радио «Свободная Европа»/Радио «Свобода»
Эрмитаж, 1990.

СПЕЦИАЛЬНАЯ НОВОГОДНЯЯ ПРОГРАММА

Здравствуйте, дорогие друзья! Поздравляю вас с наступающим Новым годом!

Скоро, очень скоро, тридцать первого числа, в десять часов, в двадцать два часа по средневропейскому времени, я подниму бокал за ваше здоровье, за ваше счастье, за то, чтоб вы тоже помнили меня так, как помню вас я, не забывая ни на один день, ни на один час!

В эти дни у меня свой особенный, личный юбилей. Дело в том, что в эту рождественскую пору, три года тому назад, я был исключен из Союза советских писателей. Исключение это происходило во время праздничного предновогоднего базара в Доме литераторов, а на втором этаже, в знаменитом Дубовом зале, или, как его еще по старинке называют, — в Дубовой ложе, происходило заседание секретариата, на котором я был исключен. Так начался мой путь в изгнание.

Здесь уже, в аудитории друзей, мне задан вопрос о том, как все это было, и я рассказал им. Я хотел бы, чтобы вы послушали этот мой рассказ.

Это было очень интересно. Меня вызвали неожиданно, было это, в общем, довольно любопытно, потому что это было все обставлено, как в детективных романах. Меня вызвали неожиданно в Союз писателей, к такому секретарю, «освобожденному»... некоему Стрехнину, в прошлом особисту, работнику Особого отдела, армейского. И он стал со мной беседовать, причем я совершенно ничего не понимал, зачем он меня потревожил. Он так и говорил:

— Извините, Александр Аркадьевич, что вот потревожил вас в рабочее время. У нас вообще это не принято, мы писателей не трогаем, понимаете, но тут вот какое-то недоразумение в вашем персональном деле. Вы знаете, мы не знаем, над чем вы сейчас работаете. Нам бы хотелось просто узнать, что вы делаете.

Ну, я ему сказал, что вот я, мне было предложено, и я пишу сейчас сценарий о войне. Вернее, о самом последнем дне войны. Он сказал:

— Это очень интересно, вы знаете, это очень... Я ведь, знаете, болею за военную тему, так что — вы не возражае-

те? — я приглашу еще одного секретаря, Медникова. Он тоже очень интересуется военной темой.

Я говорю:

— Нет, почему же, чего же я должен возражать, пожалуйста.

Значит, вошел Медников. Но Медников, это... вы знаете, вероятно, это знаменитое выражение Шолома Алейхема

по поводу зимних и летних дураков — зимний дурак должен войти и снять шубу, галоши, шапку и размотать шарф, и только тогда видно, что он дурак; а летний, он так входит, что сразу видно, так нечего ему снимать, все натурально. Так вот, Медников — он вот такой летний дурак. Он как вошел в дверь, так и сказал:

— Ну как, установили, его это книжка или нет?

Стрехнин так поморщился, сказал:

— Ну, Анатолий Михайлович, мы еще к этому вопросу перейдем. Мы сейчас выясняем с Александром Аркадьевичем, над чем он работает.

Я, уже понявши, в чем дело, говорю:

— Ну, что вас интересует, что это моя книжка? Да, моя книжка.

— Да, — он говорит, — да, вот, понимаете, книжка. Как же это так получилось?

Я говорю:

— Так вы же меня не издаете.

Он говорит:

— Да-да. Тогда, вы знаете, я вынужден попросить еще одного секретаря зайти сюда. Такого Виктора Николаевича Ильина.

...Пришел Виктор Николаевич Ильин — это генерал КГБ, генерал-лейтенант Комитета государственной безопасности, который ведает писателями... Он сказал:

— Знаете, Александр Аркадьевич, я чувствую, что мы с вами не договоримся, — он сказал это сразу, входя, хотя мы еще с ним разговора и не начинали, — и давайте, вот у нас послезавтра будет секретариат расширенный, мы на нем обсудим ваше персональное дело, так что давайте, вот, приходите. Только зачем вы курите, ведь у вас же плохое здоровье, я слышал, у вас сердце болит.

Я говорю:

— Да.

— Ну не надо же курить, зачем? Неужели вы не можете взять себя в руки, перестать курить? Прямо как маленький вы какой-то, странный человек. Значит, вот, послезавтра приходите на секретариат.

Ну, так все уже было относительно ясно. Я пришел на секретариат, где происходило такое побоище, которое длилось часа три, где все выступали — это так положено, это воровской закон, — все должны быть в замаске, и все должны выступить обязательно, все по кругу. Но там были... там тоже происходили всякие смешные неожиданности.

Скажем, такой знаменитый стукач Люсечевский, которого в пятьдесят шестом году собирались выгнать из Союза, когда была раскрыта его плодотворная деятельность в сталинские годы в качестве провокатора и доносчика. Ну, потом его не выгнали, сохранили, он сделался директором издательства «Советский писатель» и членом секретариата. Так вот этот Люсечевский, он пришел тоже, с середины, примерно, уже всего этого самого аутодафе, а в первой части, как раз когда Стрехнин докладывал мое дело, он сказал такие фразы:

— Вот в шестьдесят восьмом году Галичу было не рекомендовано (это чтоб не говорить, что запрещено) выступать публично. И он как бы издевательски это наше предложение выполнил, но он же выступал по домам, по квартирам. Все равно там стояли магнитофоны, люди записывали его песни, они расходились, так что пропаганда, антисоветская пропаганда продолжалась. И он все равно, это же неважно, выступал он в большом зале или маленьком, он же все это делал.

Люсечевский на эту часть доклада опоздал, он пришел значительно позже, и он начал свое выступление, а рядом с ним сидел Грибачев. Вообще компания была удивительно прекрасная. Вот, Люсечевский опоздал, и он начал свою речь с пафосной ноты, он сказал:

— Вы знаете, до чего же измельчали идейные противники. Ну, я бы уважал Галича, если бы он вышел открыто, на публику, спел бы свои песни...

Его толкают в бок — Грибачев. Он говорит:

— Коля, чего ты меня толкаешь, в чем дело?

...В общем, была небольшая заминка, потом как-то ее залакировали, и потом было четыре человека, которые проголосовали против моего исключения. Это были: Валентин Петрович Катаев, Агния Барто — поэтесса, такой писатель-прозаик Рекемчук Александр и драматург Алексей Арбузов — они проголосовали против моего исключения, за строгий выговор. Хотя Арбузов вел себя необыкновенно подло (а нас с ним связывают долгие годы совместной работы), он говорил о том, что меня, конечно, надо исключить, но вот эти долгие годы, они не дают ему права и возможности поднять руку на мое исключение. Вот. Они проголосовали против. Тогда им сказали, что нет, подождите, останьтесь. Мы будем переголосовывать. Мы вам сейчас кое-что расскажем, чего вы не знаете. Ну, они насторожились, они ясно уже решили — сейчас им расскажут детективный рассказ, как я, где-нибудь туда, в какое-нибудь дупло прятал какие-нибудь секретные документы, получал за это валюту и меха, но... но им сказали одно-единственное, так сказать, им открыли. Им сказали:

— Видите, вы, очевидно, не в курсе, — сказали им, — там просили, чтоб решение было единогласным.

Вот все, что им открыли, дополнительные сведения, которые они получили. Ну, раз там просили, то, как говорят в Советском Союзе, просьбу начальства надо уважить. Просьбу уважили, проголосовали, и уже все были за мое исключение. Вот как это происходило.

После тоже, так сказать, уже почти фарсово шло... Я был болен, лежал. Это было через несколько месяцев... Мне позвонили из Союза кинематографистов и сказали, что меня вызывают на секретариат. Я сказал, что я не могу прийти. Говорят:

— Ну, как же ты не можешь? Такой важный вопрос обсуждается. Мы не можем без тебя.

Я говорю:

— Нет, ничего не могу сделать.

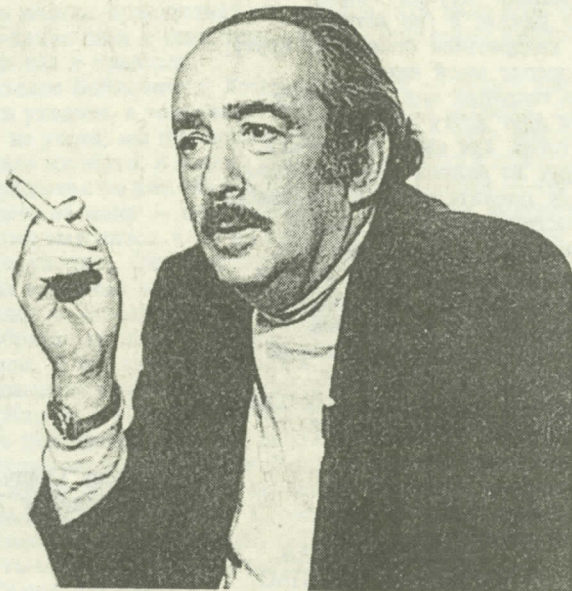
— Значит, тогда нам придется отложить.

Я говорю:

— Откладывайте, если можете откладывать.

Но через два дня они позвонили и сказали, что не могли ждать больше, к сожалению, и вот просят передать, что я исключен из Союза кинематографистов тоже.

Вот, дорогие мои друзья, так все это и происходило. С тех пор прошло три года. И мне очень странно, оглядываясь назад, вспоминать эти дни. Я написал о них песню, стихотворение, которое, кстати, ужасно возмущает Виктора Николаевича Ильина. Он уже, как я знаю, показывал его

некоторым заходившим к нему в кабинет — доставал эти стихи из сейфа и, потрясая ими в воздухе, говорил:

— Вот видите, Галич так ничего и не захотел понять.

*От беды моей пустяковой
(Хоть не прошен и не в чести),
Мальчик с дудочкой тростниковой,
Постарайся меня спасти!
Сатанея от мелких каверз,
Пересудов и глупых ссор,
О тебе я не помнил, каюсь,
И не звал тебя до сих пор.
И как все горожане, грешен,
Не искал я твой детский след,
Не умел замечать скворешен
И не помнил, как пахнет свет.
...Свет ложился на подоконник,
Затевал на полу возню,
Он — охальник и беззаконник —
Забирался под простыню.
Разливался, пропахший светом,
Голос дудочки в тишине...
Только я позабыл об этом
Навсегда, как казалось мне.
В жизни глупой и бестолковой,
Постоянно сбиваясь с ног,
Пень дудочки тростниковой
Я сквозь шум различить не смог.
Но однажды, в дубовой ложе,
Я, поставленный на правож,
Вдруг увидел такие рожи —
Пострашней балаганьих рож!
И не волки, не львы, не лисы,
Не кикимора и сова, —
Были лица — почти как лица,
И почти как слова — слова.*

Все обличье чиновной дряни
Новомодного образца
Изрыгало потоки брани
Без начала и без конца.
За квадратным столом по круту,
В ореоле моей вины,
Все твердили они друг другу,
Как друг другу они верны.
И тогда, как свеча в потемки,
Вдруг из давних приплыл годов
Звук пленительный и негромкий
Тростниковых твоих ладов.
И отвесив, я думал, дерзкий,
А на деле — смешной поклон,
Я под наигрыш этот детский
Улыбнулся и вышел вон.
В жизни прошлой и в жизни новой,
Навсегда, до конца пути,
Мальчик с дудочкой тростниковой,
Постарайся меня спасти!

У микрофона Галич...
28 декабря 74

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПЕРЕДАЧА «ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ»

(Встреча у микрофона Александра Галича
и Виктора Некрасова)

Галич: Здравствуйте, дорогие радиослушатели!

Сегодня у нас в студии впервые находится замечательный писатель, замечательный человек, один из лучших людей, которые встречались мне на моем жизненном пути, — Виктор...

Некрасов: А ты уверен в этом?

Галич: Я почти что уверен в этом. Хотя, может быть, ты меня еще и разочаруешь. Но пока еще нет. Пока нет, хотя дружим мы, знакомы вот с этим человеком, с Виктором Платоновичем Некрасовым, ни много ни мало, страшно сказать, почти сорок лет. То есть не почти сорок лет, а сорок лет.

Некрасов: Сорок.

Галич: Сорок! И виделись мы с ним за эти сорок лет немало раз. Встречались — пили водку, разговаривали. Обсуждали всякие жизненные проблемы и литературные проблемы. Но было у нас с ним пять особенно примечательных встреч. Вот первая встреча была тогда, когда мы познакомились, а было это в тридцать пятом году, когда открылась в Москве студия Константина Сергеевича Станиславского, последняя студия великого мастера, основателя Художественного театра, великого актера, режиссера, педагога, — и вот в эту студию мы с Виктором Платоновичем, который приехал в Москву из Киева, сдавали экзамены, хотели поступать на актерское отделение, — вот тогда-то мы с ним и познакомились.

Некрасов: Познакомились, только получилось так, что Сашу Галича приняли, а Вику Некрасова не приняли. Почему — это вопрос другой, но во всяком случае — встретились.

Галич: ...Но должен сказать, что... Вике Некрасову тогда очень повезло, потому что мы, например, проходили через огромное количество туров, и хоть нас тренировали, дрессировали и принимали у нас экзамены разные люди, а Вику Некрасова принимал и экзаменовал лично Константин Сергеевич Станиславский.

Некрасов: Это было чуть-чуть позже... Первый раз я не

попал, второй раз приезжал, и, как я уверен, после этого экзамена Константин Сергеевич понял, что жить дальше не имеет смысла, и через месяц, так сказать, ушел в лучший из миров.

Но вспомним с тобой наши первые встречи.

Первая наша встреча была, я еще помню, ты тогда уже гитару в руках держал.

Галич: Да, было!

Некрасов: И тогда ты уже пел «Хочу, хочу в Бразилию, далекую страну...» Была такая песня... мы были молоды...

Галич: А это было на слова Маршака. Была такая песня:

*Из Ливерпульской гавани
Всегда по вечерам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.
Плывут они в Бразилию,
Бразилию, Бразилию,
И я хочу в Бразилию,
К далеким берегам...*

Некрасов: Ты еще в Бразилии не был?

Галич: А ты?

Некрасов: Нет! Поедем вместе!

Галич: Поедем!

Некрасов: Так, это первая юношеская прекрасная, веселая встреча.

Галич: Да, это была такая наша первая встреча, удивительная встреча нашей юности, когда мы начинали, мечтали о светлом и прекрасном будущем... А потом мы действительно надолго расстались и встретились после войны. После войны я написал свою первую пьесу, которую принял у меня к постановке Камерный театр, руководителем которого был тогда Александр Яковлевич Таиров, а литературным руководителем — Всеволод Витальевич Вишневский. И вот Всеволод Витальевич Вишневский вызвал меня в Союз писателей поговорить со мною о моей пьесе «Походный марш». Я пришел в Союз писателей, на улицу Воровского, поднялся в приемную секретариата, где сидели секретари Союза писателей, и, к своему полному удивлению, увидел в этой приемной Вику Некрасова, Виктора Платоновича Некрасова. Мы с ним обнялись, расцеловались, это было после войны, первый год после войны. Я спросил его: «Что ты тут делаешь?» Вот что он мне ответил.

Некрасов: Жду, когда меня примут.

Галич: Я сказал: «Зачем тебе это нужно? Кто тебя должен принимать?» — Он сказал: «Меня должен принимать Фадеев». — Я говорю: «А зачем? Для чего тебе Фадеев понадобился?»

Некрасов: Почему-то нам всем писателям нужно иногда встречаться с руководителями Союза писателей. Для чего это — не совсем ясно! Но почему-то надо перед тем, как ты с ними встречаешься, довольно долго сидеть в приемной. И вот мы сидели с Сашей... Кто из нас первый прошел? Я уже не помню.

Галич: По-моему, ты.

Некрасов: Я прошел?

Галич: Да! Но Виктор Платонович просто забыл, что я его спросил — «а для чего тебе Фадеев». Он сказал: «Да понимаешь, я тут написал повесть, сам не знаю, что из этого получилось. <...>Фадеев ее прочел и вот хочет со мной побеседовать. Наверное, будут меня ругать.» А повесть эта была ни больше ни меньше как роман Виктора Платоновича Некрасова «В окопах Сталинграда».

Михаил ГЕРНЕТ

В ТЮРЬМЕ

ОЧЕРКИ ТЮРЕМНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Мы продолжаем публикацию глав из книги известного русского юриста М.Н. Гернета (1874—1953) «В тюрьме. Очерки тюремной психологии».

ПОЛОВАЯ ЖИЗНЬ В ТЮРЬМЕ

Изучение тех условий, среди которых протекает в одиночных и общих камерах половая жизнь арестантов, раскрывает перед нами отвратительнейшие картины разврата в тюрьме в одиночку, парами и безобразнейшие сцены общих оргий. В значительном большинстве случаев тюремные обитатели принадлежали до их заключения к таким группам населения, где требования половой морали или совсем отсутствовали, или были сведены к самым простым, можно сказать, почти первобытным. Постоянное пьянство еще более способствовало развитию их разврата, и на рынке продажной любви к услугам такого потребителя всегда являлось предложение на всякие цены и всякого рода. Попав внутрь тюремных стен, представители мира преступлений и разврата отнюдь не склонны отказываться от своих «удовольствий». Условия же жизни в тюрьме, как в одиночной, так и в общей камере, не только не удерживают, но, наоборот, способствуют разврату, тюремное бездействие, отсутствие всяких развлечений и скука направляют внимание арестанта в сторону полового чувства, на поиски хотя бы грязных способов удовлетворения этого чувства. «Половой вопрос» становится одной из любимых тем разговоров арестантов в общей тюрьме, но он же не выходит из головы и у одиночного заключенного.

В настоящее время мужские и женские тюрьмы строятся не только совершенно обособленно одни от других, но и на разных концах города. Там же, где они находятся на одном дворе или на близком между собою расстоянии, тюремная администрация оказывается совершенно бессильною помешать любовному общению заключенных арестантов и арестанток: знакомства завязываются с поразительно быстротою посредством мимики, перекидыванием, посредством переписки и даже личными встречами, которые удаются не так редко, несмотря на все тюремные засовы и запреты. Завязываются романы. В поисках за успехом у намеченного предмета «любви» прибегают к обычным в таких случаях средствам: комплиментам, маленьким подаркам, в виде табаку, чаю, сахара и проч. Уверения в верности до гроба сменяются сценами ревности и острожною бранью.

В записках арестанта Александра Малахова есть небольшой очерк, под заглавием «Женщины». Автор удивительно ярко вскрывает психологию изголодавшихся самцов-арестантов, когда, по случаю ремонта женской тюрьмы, в камеры рядом с ними, в одном и

том же коридоре, поместили несколько десятков арестанток. Мужчины прямо взбесились. Они рвались к женским камерам, «ржали, хрюкали, дрожали, как индюки». Восточный люд, населяющий корпус, окончательно сходил с ума: двадцать два горца готовы были выбить двери в камеры женщин и ринуться туда скопом; косой, высокий армянин, Саркис Барбанянц, окончательно закатил под лоб глаза и, не видя уже ни женщин, ни надзирателей, бросал записки в женские камеры, которые он находил по инстинкту; за эти подвиги он получал затрещины и, наконец, попал в карцер. Грек Онуфрий Попандопуло высказывал склонность к тихому эротическому помешательству, а завоеватель Константинополя, турок Сулейман-Оглы, свирепо поводил на всех черными вытарашенными глазами, в которых сверкало явное бешеное помешательство и «дикая страсть». А когда женщин увели, арестанты гурьбою бросались в освобожденные камеры, нюхая воздух, к еще теплым нарам, где сидели и лежали женщины.

Но главное зло тюрьмы — противоестественный разврат во всех его видах. В одиночных камерах разврат до невероятных размеров онанизм, который мало и скрывается.

В общих же камерах развита педерастия в форме парного сожителства, наподобие брачного, и в форме проституции, когда пассивные педерасты предоставляют себя всем желающим за сходную цену.

Часть арестантов приходит в тюрьму уже зараженная этим пороком, но наибольшая часть их развращается здесь, в самой тюрьме. Выработалась целая система приемов развращения молодых арестантов более пожилыми рецидивистами. Все пускается в ход: и подкуп, и соблазн предоставлением своих порций, обещание своего покровительства и защиты, застрашивание и прямое насилие...

У пассивных педерастов вырабатывается своя особая психология, напоминающая женскую. Они следят за своею наружностью, не прочь помадиться и краситься. Торгующие собою ведут себя, как проститутки, вплоть до традиционного начала знакомства просьбою дать покурить. Пассивных педерастов зовут в тюрьме всегда женскими именами. Пока «падение» не совершилось, за ними «ухаживают», исполняют их желания и капризы, кормят их лакомствами, а затем глубоко их презирают, в прямом смысле плюют на них. В то же время активные педерасты не только не вызывают к себе презрения, но, наоборот, пользуются даже особым влиянием в тюрьме.

В глазах большинства заключенных, даже не знавших этого порока на воле, педерастия перестает быть пороком. Может быть, этим и особым развитием в местах заключения половой страсти можно объяснить те факты, когда на глазах всей тюремной камеры насилуется молодой арестант и четырнадцать арестантов последовательно один за другим, в течение ночи, совершают над ним акты этого насилия.

Окончание. Начало в № 5.

«Общество активных педерастов при тюрьме» обрисовывает перед нами своеобразную психологическую черту половой морали в тюрьме и вообще тюремной психологии. Такое общество — плод тюремной скуки и усиленного внимания заключенных к половому чувству. Образовавшееся в 1895 году, это тайное общество имело, кроме председателя, своего особого секретаря и казначея. Цель его «служить наиболее успешному удовлетворению полового чувства его членов, для чего обществу сообщались имена пассивных педерастов и заболевших из них заразными болезнями, оказывалась помощь заболевшим и дисциплинарно наказанным товарищам и умерялась жадность тюремных дам». При вступлении в общество каждый новый член вносит особый взнос табаком, какими-нибудь продуктами и пр. Среди членов общества не было ревности: они занимались этим, по их словам, «за неимением лучшего».

Погоня за новыми переживаниями, половая пресыщенность, глубокая развращенность вызывают, вслед за педерастией, и другие, еще более тяжелые формы разврата. Директор парижской тюрьмы Ля-Санте, в бытность его директором земледельческой пенитенциарной колонии, приказал удалить оттуда всех собак, так как арестанты совершали над ними акты скотоложства, наделяя их при этом всевозможными болезнями половых органов.

Также проходит половая жизнь и в женских тюрьмах. Есть все основания утверждать это, несмотря на очень слабую осведомленность об этом в литературе.

Среди собранных мною материалов по этому вопросу имеется два документа. Один из них представляет довольно пространное описание уголовного арестантку московской женской тюрьмы ее наблюдений за половой жизнью заключенных в этой тюрьме женщин, а другой — письмо к ней арестантки по выходе на свободу. В первом документе, который, по соображениям морального характера, не может быть полностью воспроизведен здесь, автор описывает «приставание» к ней другой заключенной из числа «ковырялок»: так зовутся на жаргоне тюрьмы женщины-трибады, исполняющие, при противоестественных отношениях с товарками по заключению, роль мужчин. По словам нашей корреспондентки, эти женщины «имеют все выходки мужчин и ходят, и причесываются, как мужчины, и курят, и носят рубашки-косоворотки, подпоясанные шнурком». Ухаживание начиналось с записок, с уверений в безумной любви и просьб никому не принадлежать. В записках она писала, что целует ее маленький ротик и глазки и хочет всю расцеловать.

Но в наши цели не входит выяснение в подробностях характера этих ненормальных половых сношений в тюрьме. Нашей задачей было лишь показать, что они неизбежно развиваются в обстановке тюремного заключения, что омерзительные, во всей их противоестественности, они находятся в полном соответствии с противоестественностью самого тюремного режима.

ПСИХОЛОГИЯ ПЕРЕПИСКИ И СВИДАНИЙ В ТЮРЬМЕ

С то с лишним лет развивается так называемое «тюремное дело», и прогресс его заключается в установлении таких правил общения заключенных с внешним миром, при наличии которых общению ставятся всякие препятствия. Не обращая никакого внима-

ния на характер общения, невзирая на всю его естественную необходимость, тюремные регламенты, новые и старые положения о местах заключения повторяют избитые предписания, ограничивающие круг лиц, с которыми заключенный может видаться и переписываться, сводя до минимума число допускаемых свиданий, получаемых и отправляемых писем. И в то время, когда на свободе прогресс техники выдвигает уже задачу изобретения аппаратов, позволяющих не только слышать далеко говорящего, но и видеть его, здесь, в усовершенствованных тюрьмах, «прогресс» тюремного дела изобретает для свидания особые проволочные клетки и, сажая в одну из них заключенного, а в другую на полтора аршина от него пришедшего к нему на свидание, стирает этими двойными проволочными сетками черты дорогого лица и в общем гаме перекликающихся заглушает голоса разговаривающих.

Тюремные уставы по общему правилу, принятому ими сыздавна и свято ими соблюдаемому, никогда не считаются с психологией заключенного, кроме только тех случаев, когда надо ущемить его, заставить его почувствовать еще сильнее, чем он чувствует всегда, тяжесть карательного режима. Тогда они умеют ударить еще сильнее, выбрать для удара самое болезненное место. Они прекрасно знают эти болезненные места и бьют по ним с каким-то садическим наслаждением. К числу таких ударов надо отнести и запрещение переписки или свиданий. Нанося эти удары, тюремщики не видят, что палка, которою они бьют, о двух концах: одним концом она бьет по арестанту, а другим по самому общественному укладу, порывая связь с ним заключенного и нередко заполняя сердце заточенного злобою и местью.

Выслушаем самих заключенных:

«Сейчас сижу, — пишет один из заключенных, — и заливаюсь горькими слезами. Невыносимо тяжело. Чувствую, что не видать тебя для меня равносильно смерти, и я так долго не выдержу».

Полуграмотный, заключенный в одиночную камеру, умоляет брата прийти к нему на свидание в тюрьму или по крайней мере прислать ему отрицательный ответ и пишет: «а то на рубашке удавлюсь, что от вас нет писем».

Сын просит мать написать ему, «а то болит грудь и страдает душа, потому что от тебя писем нет».

Заключенный пишет своей жене: «Я чувствую себя, как мальчик, не получивший подарка на Рождество, если не получаю писем от тебя». Другой жалуется: «День кажется за год, да ты еще не ходишь».

Подследственный пишет брату: «В тюрьме мне сидеть без всяких весточек — лучше быть убитым».

Сын пишет отцу: «Жду тебя, как светлого Христа воскресения». Крестьянин умоляет прийти к нему: «Жду тебя, как бога. Войди ты в мое положение и вспомни обо мне. Как я страдаю и скучаю по вас, мои родные! Не бросайте меня. Пришлите мне письмо и пропишите мне, что у вас в деревне новенького».

Таковы письма заключенных с их сетованиями, жалобами, просьбами, мольбами, убеждениями, стонами, воплями, отчаянием к тем, кто им не пишет, кто к ним не ходит. Эти письма — не пустые слова. Они — не ложь и кривляние. В них отнюдь нет преувеличения испытываемых лишений и страданий. Наоборот, у малограмотных уголовных преступников не хватает умения найти достаточно яркие и сильные слова, чтобы изобразить всю силу испытываемых ими страда-

ний в ожидании писем и свиданий. «Лучше смерть», «лучше быть убитым», «это пытка», «я удавлюсь» — эти слова вполне искренни. Если бы жизнь внутри тюремных стен не скрывалась от общества, мы знали бы, вероятно, случаи, когда указанные нами угрозы самоубийством приводились в исполнение.

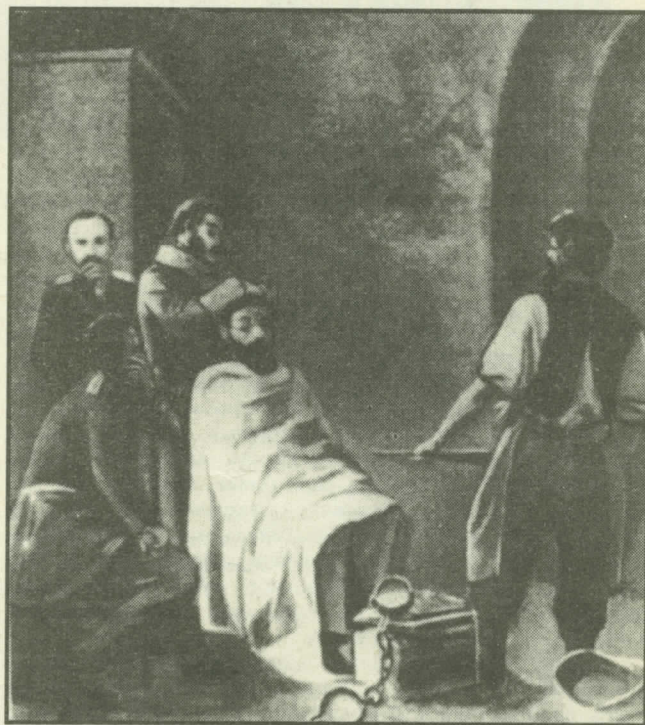
Вместе с тревогой ожидания писем у заключенных пробуждается злоба против тюремной администрации. Они обвиняют ее, и очень часто с полным основанием, в канцелярской волоките, в неаккуратной передаче уже полученных писем, в накоплении их, чтобы накопилось их побольше, процenzуровывать их все сразу.

Тюрьма на каждое письмо в нее и из нее накладывает свою особую печать в буквальном и переносном смысле слова. Без разрешительного штампа тюремной цензуры ни один заключенный — принадлежит ли он к категории подсудимых или осужденных — не может ни получать, ни отправлять писем. Но если такая цензура может быть оправдана по отношению к категории тех подсудимых, которые дают основание подозревать, что они своею перепискою создают затруднения для раскрытия истины, то по отношению к осужденным такая цензура теряет всякие разумные основания. Так называемое «тюрьмоведение», конечно, сочтет еретической самую постановку вопроса о вреде тюремной цензуры для переписки осужденных. В тюрьму «сажают» для того, чтобы преступник был отрезан от общества. Переписка же с кем угодно и о чем угодно, как на свободе, была бы отрицанием тюрьмы: заключенный узнавал бы не только о жизни родной семьи, но и общества. Путем свободной переписки он мог бы подготовить свое бегство из тюрьмы. Что касается возможности облегчения побегов, то для борьбы с ними надо искать средства в бдительности внутренней и наружной стражи и прежде всего в уничтожении тех характерных черт тюремного заключения, которые специально рассчитаны на причинение арестанту всяких лишений, страданий, унижения его личности. Наивно думать, что цензура тюремной переписки — могущественное средство в борьбе с тюремными побегими.

Тяжело, неприятно, иногда, может быть, даже как-то стыдно посвящать в эту интимную жизнь тюремного стражника, присутствующего при свидании, или тюремного цензора, перечитывающего строки, предназначенные для тех, кто дорог, перед которыми нет тайн.

Но, несмотря на тягость сознания, что чужой человек становится свидетелем семейных отношений и посвящается даже в тайны внутренних переживаний интимного характера, свидания и письма несут с собою радость. Говоря словами одного из заключенных, отвечавших на нашу анкету, радостно получить не только приятное, но и тяжелое письмо, узнать скорбную весть. Конечно, этими словами наш корреспондент хотел сказать, что неизвестность, порождаемая долгим молчанием и отсутствием, слишком тягостна и письмо, хотя бы и с худыми вестями, разряжает напряженность ожидания.

Но, говоря о свиданиях в тюрьме, надо помнить, что так называемые личные свидания отдельно от других заключенных — редкие исключения. В громадном большинстве случаев даются общие свидания целым группам заключенных с пришедшими к ним родственниками. Тогда по одну сторону сетки стоят заключенные, а по другую — их родные. Через каждые 15–25 минут происходит смена одних заключенных и их род-

ных другими. Эти приливающие волны с одной стороны — серой арестантской массы, а с другой — пестрой толпы людей всех, возрастов, обоюго пола, всех знаний, всякого социального положения рвутся одна к другой, но барьеры, решетки, сетки и тюремная стража не дают им слиться. Комната свиданий наполняется шумом нескольких десятков голосов радующихся и плачущих людей, утешающих и утешаемых, как будто объединенных между собою общим несчастьем заточения, но на самом деле живущих в эти короткие минуты свидания совсем отдельно друг от друга, забывая о всех кроме близких, мешая один другому старанием перекричать «разговаривающих» соседям.

Каждая минута, каждая секунда на учете. Они бегут страшно быстро (кажется, единственный случай, когда время в тюрьме идет быстро). С обеих сторон барьеров торопятся сказать или, вернее, хотят сказать как можно больше. Точь-в-точь, как при проводах близкого человека на вокзале в дальний путь: через две, три минуты поезд уйдет, и надо, пока не поздно, сказать так много... Вот тут-то и происходит то, что один из заключенных называет «трагедией свиданий». «Вся трагедия свиданий, — говорит он, — была в том, что самое главное ускользало, несмотря на то, что задолго до свидания, которого заключенные ждали так жадно, с таким надрывом, думали сказать именно это — самое главное. Большинство дорожило каждой секундой свидания, а почему-то говорили при встречах с длинными паузами, с перерывами, почему-то подолгу задумывались, а потом в камере слезами обливали белый хлеб, который приносили жены или сестры».

Рассмотрев психологию тюремных свиданий и переписки, мы становимся в этом вопросе, как и во многих других, на сторону заключенных против «тюрьмоведов».

Андрей ГАВРИЛОВ

РОК пролетарского государства

Помните классический анекдот: «Я не антисемит. Я знаю, что и среди евреев попадаются хорошие люди». Этот пример городского фольклора чрезвычайно точно отражает ситуацию в нашей многонациональной стране. Говоря языком учебника по марксистско-ленинской этике, советское государство воспитало в людях «сложный комплекс чувств и переживаний», который я бы назвал «синдромом ручного еврея». Если еврей ведет себя тихо, послушно — он «свой». Но если начинает «качать права»... Я помню, как году в 78-м одна дама, на глазах которой только что силами милиции, ГБ и общественности была разогнана демонстрация отказников у здания ТАСС, с возмущением говорила своей собеседнице: «Надо же, чего выдумали! Человеческие права — евреям!..»

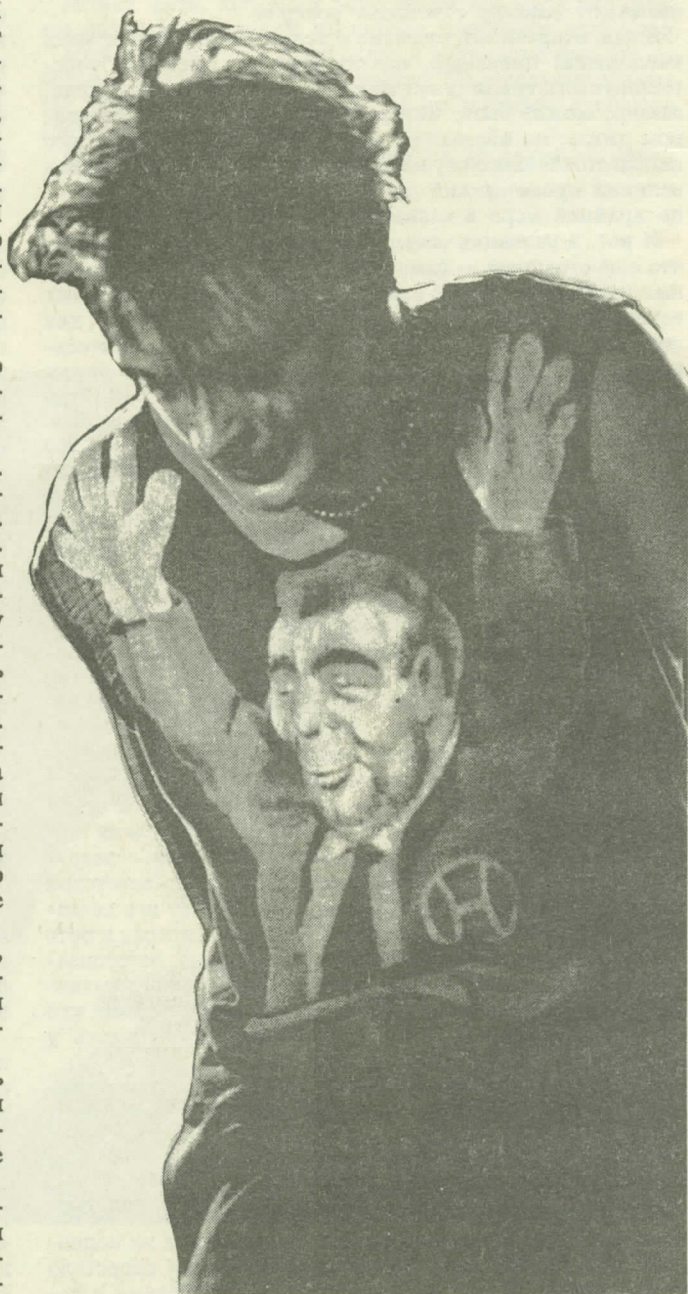
Эту историю я вспоминаю всегда, когда речь заходит о положении рок-музыки в первом в мире пролетарском государстве. Разумеется, никаких прямых аналогий — просто общее ощущение. Попытаюсь объяснить почему.

У рок-музыки в нашей стране необыкновенная судьба. Один из главных промахов ГБ, на мой взгляд, — недооценка в свое время этого нового явления в молодежной среде. Самое забавное, что это мнение не только мое, но и ГБ. Лет двадцать пять назад мне довелось беседовать с одним из сотрудников Лубянки, кавалером значка «Заслуженный (или Почетный — уже не помню) чекист» на тему «Битлз». Мне было лет 14-15, и моя наивность была простибельна. «Вот у нас все время ругали «Битлз», а теперь начинают хвалить. Как же так?» Опытный чекист ответил: «Я считаю это грубой политической ошибкой. Хвалить их нельзя». Духовный внук Феликса Эдмундовича оказался глубоко прав. Проморгав появление рока (как поколением позже — видеореволюцию), наши бойцы в шинелях-невидимках пустили к нам не просто идеологически чуждые ритмы. Они, не подозревая того, позволили целому поколению отравиться свободой, причем именно тогда, когда делать это было никак нельзя — сразу после хрущевской оттепели.

Ленинградский писатель А. Житинский как-то заметил, что многие его молодые собеседники называли рок «учителем жизни». Мне уже доводилось писать о том, что для определенной возрастной группы это действительно было так.

Шестидесятники не смогли сделать главного — вовлечь в свою борьбу (увы, очень быстро угасшую) тех, кто шел за ними. Дети, родившиеся в шестидесятые, росли в атмосфере духовной изоляции от всего мира, в полном отрыве от предшествовавшего десятилетия.

Если в шестидесятые годы, особенно в первой половине, редко в какой школе старшеклассники не передавали из рук в руки машинописные листки с какой-нибудь очередной «антисоветчиной», то в семидесятые годы при-

вычной фразой в либеральных семьях стало: «И не вздумай в школе говорить, что читал это!»

Официальная пресса... Ну, об этом говорить просто неприлично.

Самое честное, что могла предложить литература, все более превращавшаяся в «Краткий курс возрождения Малой земли», было молчание, в лучшем случае — инсказание. Эзоп, наверное, позеленел бы от зависти, увидев, как развит его язык в СССР, но это совсем не то, что нужно, когда тебе 15 лет.

Барды — этот песенный голос шестидесятников, — увя, замолчали. Кого-то выслали, кто-то избрал историческую прозу, кто-то предпочел безопасность квартирных концертов или уют престижных залов закрытых НИИ. Лишь Высоцкий гремел на всю страну — недаром его часто называют первым советским рокером.

Джаз, оторванный от радио и телевидения, нормальных концертных площадок, практически не имеющий собственных пластинок (а тут еще, как назло, взлет авангарда, самого, может быть, интересного явления в отечественном джазе, но абсолютно не рассчитанного на молодого неподготовленного слушателя), стал, как и предупреждал великий пролетарский писатель, «музыкой толстых» — по крайней мере в сознании большей части молодежи.

И вот, в условиях тотального морального террора и — что еще страшнее — самотеррора появляются малопонятные музыканты, почти еще дети, играющие на школьных вечерах, в домах культуры, иногда — в кафе. Играют, как правило, громко и плохо. Одно слово — самодеятельность. (Помните, был такой, кажется, болгарский фильм «Волчица», где очень хороший воспитатель говорил трудной, но в душе тоже очень хорошей девушке, дерзко спросившей его, что он думает о «Битлз»: «Ну, они же любители!») О, этот спасительный ярлык — «самодеятельность»! В профессионалах были «Поющие гитары», квартет «Аккорд» и вечно жизнерадостный лесоруб Эдуард Хиль. В самодеятельности — Саша Градский, «Орфей», чуть позже «Машина времени», «Воскресение», «Високосное лето», «Россияне», «Аквариум». Мало того, что они играли и пели, что хотели. Они еще выпускали свои записи с указанием состава группы — не хватало только адреса и телефона. Нет, они не дразнили Советскую власть. Они ее (по крайней мере, в этой области своей жизни) просто не замечали. Причем поначалу совершенно искренне. Протест, горечь, эпатаж пришли позже — как реакция на реакцию власти, разобравшейся, наконец-то, что к чему.

Надо ли удивляться, что именно рок-музыканты стали властителями дум и героями? К тому же они сделали еще одну важную вещь. Они — для своего поколения — разрушили китайско-берлинскую стену, которая по советской традиции отделяет потребителей искусства от его создателей. Конечно, не все научились играть на гитарах и петь — но все могли попробовать! Десакрализация, дегероизация творца — неперемное условие нормального развития культуры. Рокеры в нашей стране были первыми, кто смог этого добиться. (Это чуть было не получилось у бардов. Увы, «чуть-чуть» не считается.)

Рок во всем мире был формой протеста и сопротивления поколения. Только у нас он стал формой выживания поколения. (Хотя нет, думаю, что сходную роль он играл и в других странах Народного Тоталитаризма — от Монголии до Восточной Германии.)

За последние пять лет ситуация с роком во многом изменилась. Уже появилось клише — «он вышел из подполья». Это не так, само подполье практически перестало существовать. Можно иронизировать над победами и до-

стижениями, которыми гордятся любители рока, но, когда я итожу то, что прожил, и роюсь в днях и так далее, я всегда вспоминаю первый концерт «Аквариума» в ленинградском Дворце спорта «Юбилейный», когда тысячи человек стоя слушали «Серебро Господа моего» или плясали под «Вавилон» в атмосфере праздничной нереальности происходящего. Я помню чудовищные интриги вокруг худсовета на «Мелодии», на котором обсуждался выпуск первой пластинки того же «Аквариума», — и ощущение победоносной опустошенности, когда худсовет пропустил-таки этот диск. Выход этой записи, на мой взгляд, был не менее политически важен для страны, чем публикация, например, Набокова. Если, конечно, не считать всю страну сплошными шестидесятниками.

Можно много говорить о положении рока сегодня. Об опасности коммерциализации, о продолжающейся блокаде его со стороны телевидения и наплевательском отношении фирмы «Мелодия». О все той же оторванности от мирового музыкального процесса, что была и раньше. Но намного интереснее, по-моему, посмотреть, как изменилось отношение общества к этому странному явлению. Общество не смогло его победить — теперь оно пытается его переварить.

Очень показателен в этом плане документальный фильм «Рок», несколько лет назад вызвавший восторги советских либералов. Именно после просмотра этого фильма у меня и родилось сравнение проблем рока с еврейским вопросом у нас в стране. Как-то один пожилой, прожженный, очень многое повидавший кинодеятель рассказывал мне о горкомовских пьянках, на которых ему иногда по должности приходилось бывать. Когда подвыпившие партийцы начинали ругать евреев, кто-нибудь из них (самый культурный, наверное) обычно спохватывался и говорил: «Ну, это, конечно, не про тебя, Яша. Ты ведь наш». И это было унижительнее любого оскорбления. Сделать рок «нашим» попытались — сознательно или бессознательно — и авторы «Рока». Слезы умиления от валдайских просторов, по которым прогуливается Гребенщиков, или от того, как он играет с сыном, должны были доказать нам, что, несмотря на прически, громкую музыку, некоторую «бомжеватость», все-таки это наши парни, наши, р-р-русские (и — с пьяной слезой — рубаха рвется до пупа). Никто из музыкантов, правда, не торопился подтвердить этот тезис.

Изведение явления искусства до уровня кухарки — даже если она при этом управляет государством — не есть делание его демократичным. Это издевка над искусством. Причем не важно, сделано это по политическим соображениям или просто по недомыслию. А ежели насчет слабодумия, так это от малодушества, как писал классик.

Интересно, что на той же Ленинградской студии документальных фильмов примерно в то же время была сделана другая лента — «Диалоги» Николая Обуховича, остро и безжалостно высветившая противостояние культур, показавшая, что диалог в форме сюсюканья невозможен.

Заповсванность советского рока сегодня тем и вызвана, что общество пытается поглотить его, усреднить до своего уровня — чтоб было понятно и красиво. Относится это, кстати, не только к року. В таком же положении и новое кино, и литература, и живопись. Можно не кричать больше: «К ноге!» Можно ласково позвать: «Ну, иди домой, глупенький». Но пусть попробует не прийти!

Механизмы борьбы с теми, кто, несмотря ни на что, «домой не приходит», остались практически прежними, хотя кошмар любого рокера — «лит» вроде бы уже исчез. Но рок у нас по-прежнему лишен нормального музыкаль-

ного издания. Низкий поклон издателям «Ур-лайта», «Рокси», «РИО», «Ауди Холли», «Тусовки» и прочего рок-самиздата — они делают важное и нужное дело. Но этого недостаточно.

По-прежнему телевидение предпочитает — за исключением редчайших программ типа «Чертова колеса», «Программы «А» (иногда) и некоторых других — социально близкую поп-музыку, а не свободный и мятежный рок.

Организаторы массовых концертов — опять-таки за редким исключением — поняли, что ажиотажный интерес публики вызывают считанные рок-группы, а вот на Роме Жукове, скажем, или «Любэ» не ошибешься, и передали залы и площадки все той же попсе. Страшного в этом ничего бы не было (во всем мире стадионы собирают лишь суперзвезды), если бы в распоряжении рокеров была сеть маленьких залов. Увы — они не рентабельны.

В последние годы, правда, вышло немало пластинок рок-музыкантов. Но существующая система гонораров, качество звучания и оформления отбивают у исполнителей всякую охоту продолжать роман с «Мелодией». Да, в общем, «Мелодия» и не настаивает. С «Ласковым маем» или Розенбаумом куда меньше проблем, а искусство должно принадлежать народу!

Искусство не должно принадлежать народу. Народ должен быть достоин своего искусства. Подлинное искусство всегда борется против вкусов масс, против торжества энтропии, как сказали бы братья Стругацкие. Рок — уже больше двух десятилетий — на самом острие этой борьбы. Даже если он сам этого не замечает. Но от этого ситуация не становится менее ненормальной. Рок, как любое искусство, не был рожден как искусство борьбы. Рок — светлое, радостное творчество. По крайней мере таким он должен был бы быть.

Общество не может существовать, если в нем царит одна, унифицированная культура. Параллельность, альтернативность культур в рамках одного общества — ситуация, необходимая для выживания культуры этого общества.

Может быть, когда мы перестанем все мять под себя, мы наконец-то увидим настоящее, свободное искусство.

Может быть, тогда у нас будет и настоящий рок. Не отдельные удачи — а их у нас немало. Не отдельные звезды. Не отдельные прорывы. А по-настоящему свободное творчество свободных людей.

Впрочем, наверное, это относится не только к року.

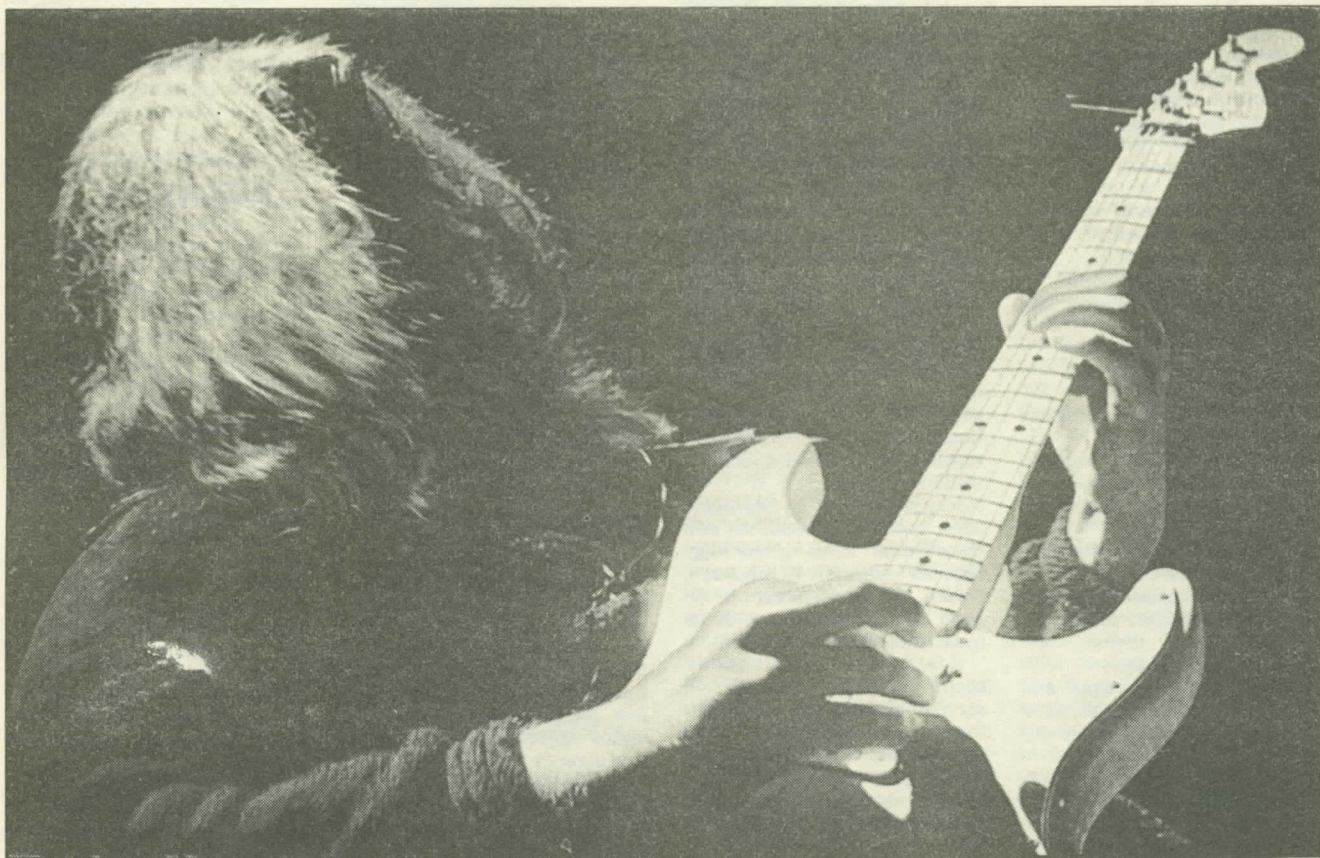

Фото Ю. Штукина

ПАМЯТИ АРКАДИЯ РАЙКИНА

«СОВСЕМ НЕДАВНО», театр «САТИРИКОН», реж. Т. Кушелевская

Принято считать, что «король играет свита». С некоронованным, но всенародно признанным королем нашей эстрады Аркадием Райкиным все было наоборот: в нем «умирали» писатели (вполне королевских кровей), партнеры, режиссеры, художники. Уверен, на эту «полную гибель всерьез» они шли осознанно.

Тамара Кушелевская десять лет выходила на подмостки вместе с Райкиным и сегодня по праву приглашает в родной «Сатирикон» тех, кто хотел бы вместе с ней на один вечер вернуться в недавнее прошлое.

Актерские воспоминания всегда специфичны. В них прихотливо перемешиваются сцена и закулисье, байки о бесконечных гастролях-скитаниях (неуловимо схожих, будь они из Керчи в Вологду или из Варшавы в Лондон), были и небыли о театральных накладках и блистательных импровизациях.

У входа в небольшой зал-гостиную висят черный плащ и шляпа героя (кстати, кто их придумал?), легендарные, почти как

чаплинские, тросточка и котелок, на стене портрет с седой прядью и неизменной бабочкой, в комнате мебель и реквизит — лампа под желтым абажуром, голубая чашка — из его последнего спектакля. И когда в финале хозяйка вечера предлагает своим гостям-зрителям поднять тонкие бокалы с вином и ты встречаешься взглядом с его глазами — бездонно-грустными, мудрыми глазами великого комика, — то название последнего спектакля Аркадия Райкина звучит, как самое нужное сегодня пожелание: «Мир дому твоему».

Александр МЕНАКЕР

БАЛЬЗАМ НА «ПЕРЕСТРОЕЧНЫЕ» РАНЫ

«Гол в Спасские ворота», «Мосфильм», реж. П. Любимов

Смотрел два фильма. Один — про лагеря и прочие ужасы сталинизма, снятый в жанре «правдухи» (по аналогии с «чернухой»). Ушел, не досмотрев до конца. Очевидно, уже не держу удар, как говорят боксеры. Вернулся на второй, который «Гол в Спасские ворота», и с первых кадров сразу напрягся. Во-первых, про футбол, а я спортфильмы не люблю с детства. Во-вторых, действие происходит сразу после войны, в годы разгула сталинизма, и наши должны во что бы то ни стало выиграть матч у югославов — бывших братьев по оружию, а ныне — «титовских наймитов». Но проигрывают. После чего с содержанием ждешь, что в финале вся команда дружно замарширует с футбольного поля прямо в Сибирь. Ан нет! Нетипичный ныне хэппи-энд: героиня целуется с героем, никого не арестовывают и даже не расстреливают. И на душе становится теплее.

P.S. И чего это я в свое время так ругал Москву, которая слезам не верит?! Очень даже верит, как выяснилось. И я в том числе. Только для этого нужно пожить несколько лет под перестройкой. И тогда уж точно, если не о колбасе, то о «Кубанских казаках» возмечтаешь.

Петр СМЕРНОВ

ЧЕРНЫЙ АЛЬБОМ ГРУППЫ «КИНО»

Все музыкальные достоинства или недостатки «Черного альбома», как окрестили слушатели последний диск «Кино», меркнут перед полумистическими обстоятельствами его появления: кассета с черновым материалом чудом уцелела в автомобильной катастрофе, в которой погиб Виктор Цой. Поэтому, не говоря о том, что сделано Цоем, поговорим о том, что было сделано после него. Прежде всего — поправим Е. Додолева, заявившего в ходе пресс-конференции на презентации альбома, что это — первая пластинка, нарушающая монополию «Мелодии» (газета «Куранты» пошла еще дальше, написав, что диск выпущен во Франции). Это орунда. Не вдаваясь в подробности: фирма «Метадиджитал» — это та же «Мелодия». Отсюда — неизбежны треск, скрип и прочие прелести стандартной «мелодиевской» продукции. Но хуже то, что звучание диска — довольно плоское, в нем нет глубины, объемности.

Никаких претензий к музыкантам — все они, как всегда, играют блестяще. Но создается впечатление, что без Цоя музыка стала несколько размазанной, не такой собранной и строгой. Это было бы незаметно у любой другой группы — но не у «Кино».

Нельзя не сказать и о возмутительной цене альбома — 25 руб. Цой был, пожалуй, самым демократичным героем рок-музыки. Я думаю, никто не посмел бы предложить

ему назначить такую цену на пластинку.

...Я не могу представить себе пожилого, умудренного опытом Цоя. Гребенщикова — могу. Макаревича — могу. Бутусова, Кинчева, Сукачева, Мамонова — могу. А Башлачева — нет. И Цоя — нет. Может быть, потому, что каждую свою песню они пели как последнюю, как бы зная, что судьба поставит точку очень неожиданно.

Виктор Цой оставил нам максимум того, что мог, — свои песни. Что еще мог сделать поэт и музыкант?

Андрей ГАВРИЛОВ

УНИЧТОЖИТЬ ХУДОЖНИКА

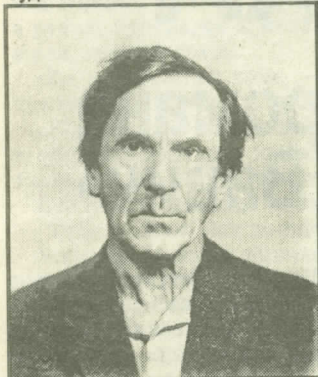
«ВАРЛАМ ШАЛАМОВ. НЕСКОЛЬКО МОИХ ЖИЗНЕЙ», «Союзтелефильм», реж. А. Ерастов при участии А. Свиридовой

Ведомство веселого Кравченко дало сбой. Стройные шеренги распевующих, пляшущих типовых персонажей нынешнего телеэкрана вдруг отлетели, и полчаса в наших домах скорбно присутствовало наше прошлое, настоящее и возможное будущее. По недосмотру был показан фильм о Варламе Шаламове. Его судьба мало отличается от миллионов судеб уничтоженных режимом сограждан, она типична. С одной оговоркой: сознание и совесть нации, такие, как Шаламов, были первой и главной опасностью для режима. Они истреблялись в первую очередь.

Кино это предельно спокойное. Без надрыва, обвинений, выводов.

Видеоряд — немногие фото, стильные пейзажи колымских лагерей. Текст, бесстрастно читаемый Петром Щербаковым, — шаламовские дневники, проза. Пунктир этой жизни. Потрясают именно простота и будничность немислимого.

Мир и жизнь состоят из унижений целиком. От того момента, когда комиссары не пустили поповского сына учиться, до нищей комнаты, где под солнцем Советской власти умирает забытый старик — большой русский писатель. Между этим — только аресты, только лагеря, только бесправие — то, что жизнью назвать невозможно. Где-то за пределами фильма гремит «Марш энтузиастов», славит страна своих вождей, а здесь идет другая история державы, мы слышим голос «лагерной пыли» и понимаем, что это голос лучших из нас.

Ведомство веселого Кравченко дало непоправимый сбой. Одухотворенные лица генералов, полковников, славных омонцев. Обоймы красоток, «Летучая мышь», снова полковники. А в ушах — спокойный голос с той стороны вечности... Как значилось в телепрограмме: «Это было, было...»

Валерий КИЧИН

ПИНТЕР МОСКОВСКИХ КОММУНАЛОК

«НЕМОЙ ОФИЦИАНТ», «Творческие мастерские» СТД РСФСР, реж. Ю. Мельницкий

Зритель, который придет на малую сцену Ленкома в надежде увидеть Э. Абдулова или О. Янковского, будет разочарован. В спектакле «Немой официант» актеры Ленкома не заняты. Этот же зритель станет

требовать от актеров говорить громче. Актеры послушно заговяют громче, и тогда-то «чужой» зритель покинет зал, потому что первые реплики прозвучат по-английски.

Интеллектуальная драма Пинтера «на двоих» в мастерской М.Мокеева поставлена вслед за спектаклем «О преступлении» по Достоевскому. Но если у Достоевского на одно убийство — «три тома страданий», то у Пинтера главные герои — наемные убийцы. Роль третьего — гостиничного официанта — без слов.

То, что гостиница, в которой происходит действие, трехъярусными железными кроватями напоминает казарму, подчеркивает жесткость и жестокость происходящего. В финале кто-то из двоих должен убить другого, и оба об этом знают. Но в роли палача вдруг оказывается внешний мир, для которого эти двое — жертвы.

...Отчего же кажутся знакомыми эти диспуты о смысле слов, эти беспорядочные поиски предлога начать разговор? Откуда у «них» романс «Ты жива еще, моя старушка...» и куски фонограмм мхатовских «Трех сестер» 40-го года?.. Получается какой-то «наш» Пинтер, Пинтер московской коммуналки, на кухне которой могли идти эти философские диалоги.

Я был среди 13 зрителей спектакля, в котором рассуждения Вершинина о свойствах русского человека, как кривое зеркало, отражали страдания героев, вступающих в диалог, чтобы увидеть напоследок свое отражение в чужих глазах.

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ

РЕАБИЛИТАЦИЯ ГОЛОЙ КОРОЛЕВЫ

«БЕРНАР БЮФФЕ. РЕТРОСПЕКТИВА. 1947–1989», Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина

Бернар Бюффе приехал, похоже, на свою духовную родину — в страну победившего реализма.

«Искусство побеждать», которым хорошо владел соцреализм, было незнакомо французскому демобилизованному искусству, все еще прозябавшему в 40-е годы (когда начинал Б.Б.) на авангардистских позициях. Но вдруг появилось течение мизерабилизма, одним из волонтеров которого стал Бюффе. Мизерабилизм — это, по сути, тот же реализм, только в таком состоянии, в котором называть его реализмом уже как-то неловко. Это состояние вернувшегося из опалы владыки, еще так недавно гонимого и всеми осмеянного. Живучий стиль выдохнул, снес пренебрежение, однако характер у него по возвращении испортился, он превратился в желчный мизерабилизм. Реальность внутри этого стиля кажется страшно сердитой на себя самою за свою мягкотелость, податливость, терпимость по отношению к авангардистам — мальчишкам, ее достоинства бессовестно оставившим.

Бюффе начал с того, что картинно и с укоризной отхлестал царственную реальность ее колючими прутиками своей графики. А затем сплел из этих прутиков некий прочный каркас, на котором, как на корсете и обручах, держалась его реабилитация Голый Королевы — реальности, некогда раз-облаченной enfants terribles'ями авангардистского поведения. Бюффе облачил реальность в фиксмы. И даже заставил ее сделать книксен — пусть с несколько зверским выражением на лице.

Глеб СМЕРНОВ

P.S.: ВИДЕО

ведет Андрей Гаврилов

ДЕБИЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

«ЛЮДИ НА РАБОТЕ», США, реж. Э. Эстеvez

Эмилио Эстеvez — по-моему, очень хороший актер. Куда лучше, чем его брат Чарли Шин (второй исполнитель главной роли). Но лучше бы он оставался только актером. Дебильная история о том, как очень плохие люди сбрасывают в очень красивый залив очень ядовитые отходы, не останавливаясь при этом перед очень вероломными убийствами, а очень хорошие сумасшедшего, совершенно сумасшедшего, но тоже очень хорошего ветерана вьетнамской войны, несмотря на вмешательство очень глупых полицейских, очень храбро их побеждают, к сожалению, не только поставлена, но и написана Эстеvezом.

Не смотрите ни в коем случае!

АНДЕРСЕН ПО-ДИСНЕВСКИ

«РУСАЛОЧКА», США, реж. Дж. Маскер и Р. Клементс

У режиссеро-мультипликаторов, работающих в компании «Уолт Дисней», — незавидная судьба: они обречены на то, что никто не будет помнить их фамилий — фильм сразу становится в сознании зрителей «диснеевским». Так же будет, очевидно, и с режиссерами, перенесшими на экран трогательную историю андерсеновской Русалочки. Можно ностальгически вздыхать, что, мол, «Бэмби» и «Белоснежка» были лучше, но ведь раньше и арбузы были слаще, и времена — застойнее, и генералы КГБ не ходили в героях интеллигенции. Вкусы меняются. Не пожалейте денег, покажите детям «Русалочку» — это хороший, веселый, красивый, добрый фильм.

Дневник У.

Борис ЖИТКОВ

ШАШКА

Фрагмент романа
«Виктор Вавич»

Помню, как впервые прочитал вот это:
«Посыльный нес письмо, держа его двумя пальцами, и девушке показалось, что он поймал бабочку...»

И это:

«Городовой снял шапку, и на морозе она дымилась у него на ладони, как горшок с кашей...»

И это:

«Снег стучал по козырьку фуражки, как стучат кончиками пальцев по оконному стеклу...»

Борис Пастернак считал эту книгу лучшей книгой о русской революции. А что такое лучшая книга? Ведь не только самая правдивая — но и лучше всех прочих написанная.

В начале войны, когда тираж романа Бориса Житкова «Виктор Вавич» был уже отпечатан, сигнальный экземпляр передали на отзыв Фадееву. Этот отзыв можно сегодня прочитать в собрании сочинений Фадеева. Того, что он написал, было вполне достаточно, по военному времени, для расстрела автора. Счастье Житкова, что он тремя годами раньше мирно скончался в своей посте-

ли. Под нож пошел тираж «Вавича». Лидии Корнеевне Чуковской удалось спасти несколько экземпляров. Рукопись и черновики, судя по всему, исчезли бесследно...

Вот еще одна непрочитанная книга. Еще один забытый Мастер.

Житков у нас привычно числится в «детских классиках» — что, впрочем, не мешает переиздавать его «Почемучку» преступно редко. А главной его книге, над которой он трудился полтора десятилетия, до последних дней своих, — и вовсе не везет. Попытки издать «Вавича» в пору гласности оказались безуспешными. Издателей не привлекает книга, напрочь лишенная намеков на скандал. Меж тем сегодня как нельзя кстати это повествование о том, как просто стать подлецом из самых высоких побуждений. Эта увлекательная и грустная книга — не столько напоминание, сколько предупреждение: Истина — выше политических соображений и патриотических чувств...

Михаил ПОЗДНЯЕВ

Совсем уж стемнело на дворе, а Всеволод Иваныч не зажигал огня — все стоял и смотрел в окно. Ветер шел вдоль улицы, дождь, осенний, провальный дождь, полосами поск стекло. И над черным, мокрым забором отмахивалась от ветра голыми ветками черемуха: горестно, безнадежно.

«Неужто поедет?» — мутились мысли у старика.

— Так-таки возьмет и поедет? — прошептал Всеволод Иваныч.

И он представил себе Виктора в полицейской фуражке, с шашкой на боку, взгляд хмурый, тычет в грудь каких-то чуек: «Осади, осади».

«Не может быть», — мотал головой старик, а сам знал, что может, может. И будет. Ему сперва казалось, что это так же нелепо, как если б Виктор стал вдруг лошадкой или Тая солдатом с усами.

«Откуда они выводятся, квартальные? Где-то зарождаются и потом выползают. Попы из поповичей, из семинари; доктора из студентов, а квартальные?.. Но не от Вавичей же. Как будто бы вдруг кошка родила петуха... Пойти к нему, еще сказать?» Всеволод Иваныч отклонился от окна, чтоб пойти, но сейчас же опять нагнулся ближе к стеклу. Все слова, кажется, сказал. Где же оно, такое слово, главное слово, чтоб оно перевесило эту уверенность, что будет, будет он околоточным?

«Обещать проклясть! — вдруг схватился Всеволод

Иваныч. И сейчас же весь опустился. — Это уж как мальчик, это из книжек, из театра». И он вспомнил, как актер поднимал руки и тряс ими, точно обжегся. Хрипел, выпуча глаза: «Прррокли-и-нна-аю!» И настоящего слова не находилось. Он чувствовал Виктора, как он там, у себя в комнате, лежит на койке и читает, нахмуясь. Он видел сына, как будто не было этих двух степок: между ними, а были они оба в одной комнате.

Всеволод Иваныч смотрел сквозь рябые стекла на размокшую в грязь, в слякоть улицу, уже черную от ночи.

«Что сказать? Это я от гордости, что ли, ищу слов, — подумал Всеволод Иваныч, и вдруг защекоотало в переносице, заходила грудь. — Ничего, никакого слова не надо искать, пойду прямо, заплачу, скажу: Витя, Витя! Неужели не поймет он?» И он не стал удерживать рыдания и поспешными шагами понес скорей рыдания к Вите. Он толкнул дверь, зашлепал туфлями, жалкими ему казались свои шаги, и он хотел этого... Рывком распахнул дверь к Виктору. Темно.

— Витя! Витя! — рвануло из груди у старика. Он хотел броситься к сыну. — Витя! — И он сделал в темноте шаг вперед, где была койка.

Все было тихо. Он был в пустой комнате. Он хотел повернуть назад и вдруг упал на постель Виктора. Он не умел плакать, и его душило, он задыхался и давился слезами. Ему так вдруг стало жалко себя, что он вдавил голову в подушку, поджал колени и заплакал, во всю волю, как плакал мальчиком из-за обиды.

«И Тайка не приходит», — подумал Всеволод Иваныч про дочь, как про старшую сестру, и стало еще обиднее.

Грудь все дергалась, но слезы пошли ровнее, и Всеволод Иваныч крепче прижимался к мокрой подушке.

— А! А! — застонала в своей спальне старуха. Всеволод Иваныч вскочил, прислушался. Он тихо, с туфлями в руках, прокрался в жениной двери. Старуха ровно дышала, закрыв глаза.

«Во сне это, во сне», — подумал Всеволод Иваныч. Постоял, не шевелясь, минуту и прошел в свою комнату.

«Хорошо, что никто не слышал», — думал он у себя в кресле. Грудь еще вздрагивала, и он осторожно сморкался, чтобы не разбудить больную.

Пес вопросительно твякнул басом, и через минуту — Тайны шага. Вот топчется в кухне.

Всеволод Иваныч заперся на ключ и зажег свет.

Он сидел и курил, тупо глядя в темноту под стол.

Было три часа ночи. Лампа мигала и потрескивала в дымной комнате.

Всеволод Иваныч подвинул вдруг кресло к самому столу, и на большом листе, одном, какой нашел, стал писать, поминутно тыкая в высохшие чернила.

«Витя милый, — писал Всеволод Иваныч круглым, разбросанным почерком, — Витя милый, опомнись и приди в ум. Ты хочешь стать презренным человеком на всю жизнь. Ты будешь оплеван, дорогой ты мой, и никакой слезой этого не смоешь. Пойми, родной, на что ты идешь. Не мучай ты совести своей, не перекричишь ты ее никакими твоими Помпеями. Очнись ты. Если хочется быть честным, так не в квартальных это пробовать. Ты кричишь: «Надо, надо». Кому-нибудь да надо. От воров. Так нам-то это с тобой не надо. Мы не крадем, не убиваем. А мерзавцев — пусть другие мерзавцы за шиворот тягают, а не мы. Пусть их. Не для тебя это, Витя мой. Не трудно мне, с радостью моею буду тебя холить, живи с нами. Выучись еще чему-нибудь. Да я сам тебя научу. Служи где-нибудь потихоньку. Смотри, и Тайныка плачет. Опомнись, Витенька. Не мари ты себя навеки. Я помру скоро, мне не долго терпеть, а я об тебе. Не езжай, Витя, милый ты мой, оставайся с нами. А не хочешь, разводи что-нибудь. Вот травы, говорят, лекарственные, или вот кроликов, может быть. Вы бы с Тайныкой. Не могу, Витя! Не могу я так. А то хочешь, я дом продам, и ты что-нибудь устроишь. Мы с Тайныкой на все согласны. Не уходи, милый мой. Твой отец Вс.Вавич», — расчеркнулся по привычке и набрызгал пером.

Всеволод Иваныч заклеил конверт, вздохнул и при тухнувшей лампе, еле разбирая буквы, написал:

«Виктору».

Положил перо. Но снова клюнул в чернильницу и написал: «Всеволодовичу Вавичу».

Хотелось еще украсить и укрепить конверт. Он уже почти вслепую приписал внизу:

«От В.Вавича».

Осторожно повернул ключ в дверях, прокрался в носках по скрипучим ночным половицам к сыну в комнату и положил на середину стола,

х х х

Виктор катил в вагоне. Колеса под полом урчали, и весь вагон наполнился шумом движенья. Колеса стучали на стыках рельсов и отбивали Виктора все дальше, дальше от отца. Было чуть жутко, но все же Виктор тайком от себя радовался, что стелется сзади пути. Он охотно хватал у дам багаж, совал чемоданы на полки и после этого говорил дамам «мерси» и кланялся.

— Вас дым не беспокоит? — говорил Виктор, доставая портсигар, — отделение было для курящих. Но Виктор вышел на площадку и стал глядеть в стекло.

...Сырая земля, мокрая, дремляя, пологими горбушками уходила от рельсов в слезливую даль туманную.

На полустанке Виктор высочил, хотел купить яблок и угостить дам в вагоне. Всем дамам поднесли, как в салоне. Грязное месиво стояло за платформой, и в этом месиве бродили — полголенища в грязи — пьяные мужики около телег, все в мокрых сермягах. Урядник торчал поверх базара на кляче, и лениво чмокала кляча ногами в липкой грязи.

Никогда не видал Виктор осенней деревни, знал только летние маневры. Рота бьет ногой по пыльной деревенской улице, с песнями, с гиком, и бабы выскакивают из ворот на лихие мужские голоса.

Поезд свистнул, тряхнулись лошаденки на базаре.

В вагоне было тепло, пахло махоркой, казармой, и от этого особенно приветливыми показались Виктору дамы. Он роздал два десятка яблок, что купил на платформе. Виктор знал уж, что родитель теперь, наверно, прочел письмо и что все кончено и решено накрепко, наглухо, что окончательно началось новое.

Виктор болтал с соседками, и сам не видел, как все в одну, в самую острую точку вел весь разговор.

— Вот базарчик и вот урядник, извольте видеть. Дон Кихот форменный, и все пьяно. Разве так можно? Это разве полиция?

— Да... что уж там полиция. Ему бы взятки только нахапать, о том только, небось, и думает, — и дама махнула рукой.

— А потому, что порядочные люди не хотят идти в полицию! Брезгают. Трудно-с.

— Да уж какой порядочный человек пойдет туда... Костя, — обратилась дама к мальчику, — дай я тебе очисти. — Дама вырвала у мальчика надкусанное яблоко. Виктор перехватил у дамы яблоко и сам стал чистить перочинным ножичком — новенький, купил перед отъездом.

— А вот ошибка, ошибка, — говорил Виктор громко. — Именно всем хорошим людям надо идти в полицию. Мы все жалуемся, а сами ни с места. Поэтому и полиция плохая.

— Почему, говорите, полиция плохая? — ударил сверху хриплый голос; простолоудин из мастеровых прислонился у стойки в проходе и насмешливо глядел на Вавича.

Кто-то уж подсел на лавочку у окна, и сверху, через спинку, глядела с поднятой полки кудлатая голова с черными глазами.

— Разве у порядочного человека хватит совести людей в рыло бить? — говорил мастеровой.

— Зачем, зачем же? — кипятился Виктор. Он встал.

— В таком деле без этого нельзя, — отрезал человек от окна.

— А охранять имущество? — говорил Виктор.

— Одна шайка с ворами, — забасил кудлатый с полки.

Дамы недовольно оборачивались на новые голоса. Народ толпился около их отделения. Кто-то крикнул издали:

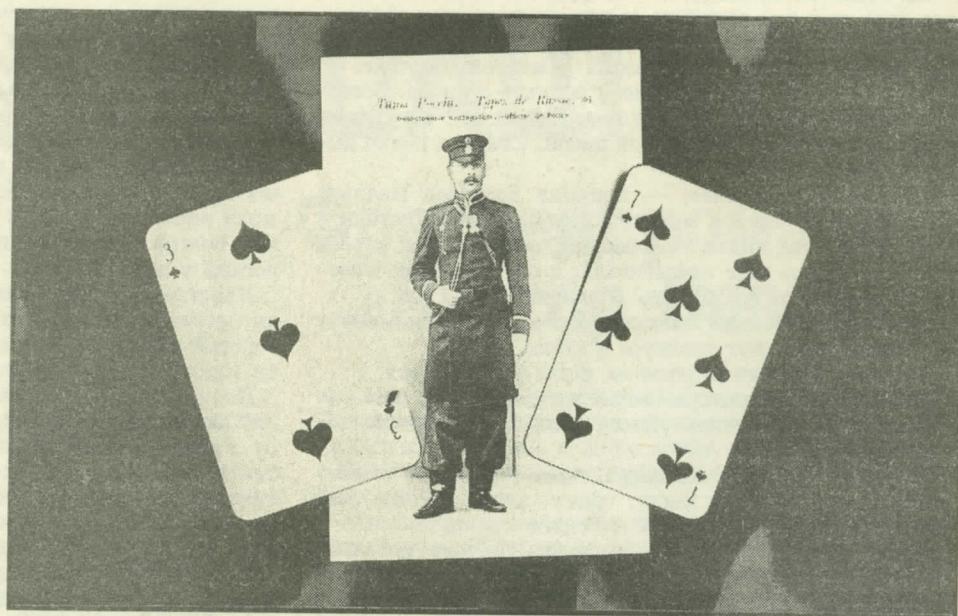
— Ты спросил его: а сам-то, спроси, не из крючков ли?

Дама с мальчиком нахохлилась, встала, взяла зло мальчишку за руку и вышла, хлопнув дверью.

В это время вошел контролер.

— Ваши билеты, господа!

— Приготовьте билеты, — вторил кондуктор и постукивал ключом о спинки сиденья.

Пассажиры затопали к своим местам.

Виктор, красный, запыхавшийся, жадно тянул папиросу, уж не спрашивал соседок. Остальную дорогу он все молчал. Дамы долго ворчали:

— Все сюда вдруг столклись, как будто скандал или зрелище. Прямо черт знает что.

Виктор не спал. Он вышел на площадку. Ночью поезд подкатил к светлому, шумному вокзалу. Виктор протиснулся в буфет и выпил подрял три рюмки. Обида и тоска, обида на весь вагон мучила Виктора. Он залез на полку, когда уже все улеглись, утомонились.

Он ощупал в кармане письмо пристава: оно было заложено меж двумя картонками и перевязано бечевкой накрест. Груня перевязывала. И Вавич стал думать о Груне.

Утром Виктор, насупись, оглядел вагон. Публика переменилась, ушли дамы. Не слышно было хриплого мастерового. Виктор заглянул к соседям. Человек с кудлятым затылком возился с селедкой.

«Можно еще полежать», — решил Виктор, плотней увернулся в шинель и закурил папиросу. Тужился думать о Груне, но днем Груня не подступала близко.

«Скорей бы приехать», — думал Вавич и щупал в кармане жесткое письмо пристава к полицмейстеру.

«Но я им докажу, — думал Вавич про пассажиров, — они узнают, что может быть порядочный человек... даже сделаю что-нибудь необыкновенное. Подвиг. Спасу кого-нибудь. Девочку какую-нибудь. Потом в газетах портрет и глава: «Полицейский — герой». Нет, лучше не портрет, а снимок. Я в полицейской форме и девочка рядом. Девочка улыбается, а я склонился и ее рукой придерживаю сзади. Все будут читать... «Ах, это, смотрите-ка, тот, что с нами ехал».

И Виктор смелей поглядывал на пассажиров.

Гулко застучали колеса, слышней засопел паровоз, потемнело в окнах, — сразу стало заметно, что поезд вкатил в дом. Другими голосами, уличными, заговорили пассажиры и сперлись у дверей.

Виктор оглядывал крытый вокзал. Закопченная стек-

лянная крыша — как потолок в паутине. Слышно было, как шумел за вокзалом город. Шумел совсем другим, своим голосом, и холодком лизнуло в груди у Виктора.

С высокого крыльца была видна площадь, сквер с чугунной узорной решеткой, и длинная прямая улица уходила вдаль, и все высокие каменные дома, с финтифлюшками на крышах. И треск, дробный треск ровным шумом над городом, как будто что-то работало горячо и без усталости, — дробный треск кованых пролетов по гранитной мостовой.

Виктор взял извозчика, и каменной трелью покатали под ним колеса.

х х х

У портного на примерке в зеркале выходило, будто еще только делается квартальный: зеленый казакин весь был в белых нитках, как дом в лесах. Виктор украдкой взглядывал, боялся угадать, какой он будет в новом мундире. Хотел, чтоб сюрпризом сразу из зеркала глянул новый: околоточный надзиратель Виктор Вавич.

— Гимнастики делаете? — бормотал портной, сопел, едко пах материей и тыкал мелом по Виктору, как будто чертил на деревянной доске. Виктор стоял навытяжку.

От портного он пошел покупать шашку. Ему хотелось пофрантовитей, но боялся, что будет несолидно. Сразу скажут: «ветрогон».

— Больше такие берут, — и приказчик протянул Вавичу легонькую шашку. От ножен приятно пахло новой кожей. Вавич вытащил клинок. Клинок был дряненький, но эфес галантно блестел.

— Не на войну-с ведь, для формы.

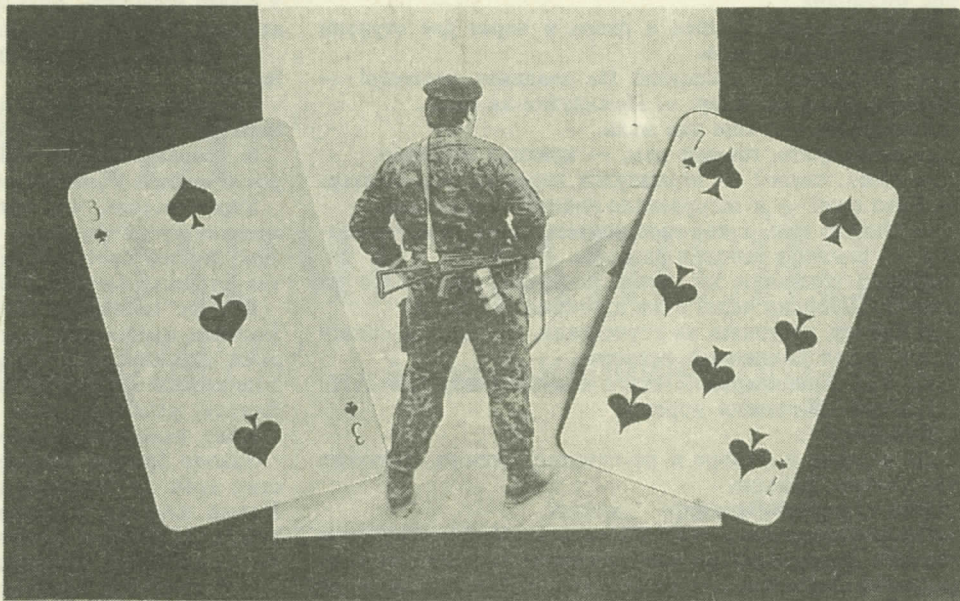
— Да, для формы, — сказал Вавич с солидным равнодушием.

— Прикажете завернуть?

Виктор кивнул головой. Не о такой шашке он мечтал. — Присмотрюсь, там можно и другую купить.

А это была «селедка». Правда, новая, блестящая, но та самая, которую они в полку звали «селедкой». Потом выбрал погоны: черные суконные с серебряным широким галуном вдоль. Тут рядом под стеклом блестели золотом офицерские погоны. Черной замухрышкой казались эти полицейские погоны среди золотой знати.

Все эти подпоручики и штабс-капитаны со звездочками чванно молчали под стеклом — «даже руки не протяни», подумал Виктор. Горькая слеза шевельнулась в груди.

— Две пары возьмете?

— Все равно, — хмуро сказал Виктор и пошел платить.

На улице стало веселее. Казалось, что все смотрят, что вот несет шашку, и, наверно, думают, что офицер. Ну, хоть прапорщик запаса.

Вавич ходил с шашкой по разным улицам: а то заметят, что нарочно показывается. Так он ходил часа два. Усталым шагом вошел Виктор в парк. Мокрый гравий шептал под ногами. Мокрые красные листья падали с кленов. Вавич присел на сырую скамью. Зажал между колен шашку и закурил. В парке было пусто. Никто не проходил и не смотрел на шашку. Вавич закинул ногу на ногу, раскинул руки на спинке скамьи. Сырой, ясный воздух плотно стоял вокруг, облил руки, лицо.

«Вот так бы сидеть офицером, подпоручиком», — думал Вавич. Даже почувствовал с волнением, как зазолотились на плечах погоны. Чуть плечами повел. Он оперся на завернутый эфес шашки. Сидит подпоручик. И чуть поднял подбородок. Зашуршали листья и зашлепали босые ноги, двое мальчишек выбежали из-за поворота.

— Теперь моя, не дам, — кричал старший, рука была в кармане.

Младший бежал сзади и всхлипывал:

— Отдай, сво-ла-ац!

Виктор строго взглянул на мальчишек, повернул подбородок. Оба пошли шагом, молча. Виктор видел, что оба они взглянули на шашку. Старший сел на край скамейки. Завернув конем голову, исподнизу глядел, — все на шашку. Поерзал, подвинулся ближе. Младший стоял, выпуча заплаканные глаза. Виктор улыбался мальчишкам. Он даже чуть заискивающе глянул на старшего. Мальчишка примерил лицо Виктора, смелей двинулся.

— Сабля? — спросил полусепоном.

— Ну, да, — весело сказал Вавич, — шашка. Это, милый, шашка.

— Самделишная?

— Настоящая, конечно. Обыкновенная офицерская.
— А вы офицер — переодетый? А? — мальчишка ерзнул ближе.

— Офицер, — сказал Виктор.

— А она вострая?

— Нет, голубчик, не наточил еще. Это новая. У меня дома есть, та, как бритва. Огонь — чик и шабаш, — и Виктор махнул рукой в воздухе.

Мальчишка был совсем рядом.

— А на войне были?

— Да, на маленькой, — сказал Виктор. — Повоевали.

— Много набили — шашкой?

— Ну, да разве там разберешь, голубчик. Там, брат, пули — ввыть! ввы-ить! А в атаку идешь, тут уж не смотришь, какой подскочил, — раз! раз! А уж там солдаты штыками.

— Раз! Раз! — повторил мальчишка и махнул накрест рукой.

— Аас! — махнул младший.

— А кого из пистолета, правда? Сразу его — трах! — мальчишка сделал рукой, будто целится. — Бах! бах его! ба-бах!

— Да, уж тут не разбираешь, — сказал Виктор.

— А можно потрогать? — мальчишка потянулся к шашке.

— Так ты, братец, ничего не увидишь. — Вавич надорвал бумагу. Заблестели золотом эфес и черная лакированная рукоятка.

— Только подержать, дяденька! Ей-богу! — и мальчишка мокрой маленькой рукой вцепился в рукоятку.

Виктор огляделся, не видит ли кто.

— Ну, довольно, братец мой, вырастешь, заслужишь офицера, тогда... тогда, знаешь... заслужишь брат, офицера сперва надо... — говорил Вавич, уворачивая шашку в бумагу. — Подпоручика хотя бы... Вот как.

Виктор покосился на старика, что лениво сгребал пальцы листья.

Только подходя к гостинице, Виктор вспомнил о швейцаре. Он купил на углу у мальчишки на четвертак газет, зашел в ворота и укутал ими шашку, чтобы нельзя было узнать — что.

«Пусть и не подозревает до времени», — думал Виктор про швейцара.

Виктор быстро прошел в дверь и через две ступени зашел по лестнице.

— Господин! А господин! Из двадцать девятого! — крикнул вслед швейцар. — Пожалуйста-ка сюда.

Виктор шагнул еще два шага.

— Пожалуйста, говорят вам, — крикнул швейцар.

— Что... такое? — огрызнулся через перила Виктор.

— Чего еще? — и остервенело глядел на швейцара.

— Ничего еще, а вот распишитесь, из полиции повестка, — швейцар говорил зловеще.

Виктор сбегал и не своим почерком расписался на бланке. Швейцар через очки проверял — там ли.

А Виктор, оступаясь на ступеньках, тер плечом стенку и все читал бланковый конверт:

«М.В.Д. Канцелярий Н-ского полицеймейстера № 2820.

Номера «Железная дорога».

В.Вавичу».

Он заперся в номере и распечатал конверт, запустил трясущиеся пальцы.

«Окол. надз. В.Вавичу».

По распоряжению его высокоблагородия господина Н-ского полицеймейстера вам надлежит явиться для отправления служебных обязанностей в Петропавловский полицейский участок 20-го числа сего месяца.

Упр. Канц.»

И тут шел целый частокол и росчерк.

Виктор торопил портного, раза по три на день заходил. Хмуро, ругательными шагами топал мимо швейцара в гостинице. По вечерам садился писать Груне. И не мог, ни одного слова не мог. Тушил свечку так, что стеарин брызгал на стол, ложился, натягивал одеяло, крепко с головой уворачивался, сжимая в кулаках колючую матерью, стискивал зубы и шептал: «Господи, господи, господи», — а утром, не умываясь, бежал торопить портного.

За день до срока поспела форма. Ее в бумагах, в газетах, принес к себе в номер Виктор: был уже первый час ночи. Он спешил, хмурился, и подрагивали ноги от волнения, когда он просовывал их в новые брюки. Пристегнул погоны — погребальные, серебряный галун по черному полю, казакин приятно облегал талию, — это бодрило.

Но Виктору жутко было глянуть в тусклое зеркало в дверцах шкафа. Он уж боком глаза видел, как кто-то чужой копошится в зеркале. Спиной к зеркалу, чтоб не взглянуть, Виктор продевал под погон португую. Чужими шагами стукнули новые ботфорты. Виктор достал из картонки новую фуражку с чиновничьей кокардой и серебряной бляхой — гербом города. Теперь он был готов. Было тихо по-ночному. Тонкая свечка плохо светила. Виктор решил глянуть сперва на тень, — он чувствовал, как ее огромное пятно ходило за спиной по грязным обоям. Он повернулся решительно и глянул. Чужая, не его, тень стояла на стене, как будто был кто-то другой, незнакомый, в комнате. Виктору стало жутко, но он зашагал прямо к тени, чтоб уменьшить ее, чтоб яснее видеть: незнакомые шаги заскрипели по полу, и Виктор на ходу видел, как в зеркале в шкафу прошел квартальный, — и это он скрипел сапогами.

Виктор, отворотясь от зеркала, засеменил назад к кровати, быстро скинул с себя все и в белье, со свечкой в руке, подошел к шкафу. Он все смотрел на свое бледное лицо, — черненькие усики слегка вздрагивали.

— Витя... Витя, — говорил себе в зеркало Вавич. В

коридоре хлопнула дверь, кто-то прошаркал сапогами в конце коридора. Виктор сделал серьезное лицо и пристально оглядывал прыщик на подбородке.

— Виктор Всеволодович, — сказал твердым голосом Вавич.

Он поставил свечку на стол и, доставая папироску, нарочно громко щелкнул портсигаром.

В кровати Виктор выкурил до конца коробку папирос и заснул в дымной комнате.

Утром первое, что глянуло на Виктора, это была новенькая тугая фуражка на столе с полицейским значком. Виктор протер рукавом гляцевый козырек, повертел фуражку в руках и, сидя на кровати, стал примерять.

Больше набекрень. Нет, уж больно, пожалуй, лихо. Босиком прошлепал к зеркалу. Солнце дымными полосами переливало в комнате. Виктор в одной рубашке прилаживал фуражку, чтоб в меру набекрень. Наладил. Виктор, улыбаясь, взял под козырек.

«Нет, надо, как следует!»

Виктор брился, тер щеки полотенцем докрасна, начистил зубы до блеска и стал одеваться перед зеркалом. Новый казакин ласково обхватил Виктора, суконный пояс с малиновым кантом огорчил было, но шапка сразу все скрасила. Виктор натянул белые перчатки. Белой рукой взял под козырек — другое дело. Теперь самое главное — усмешку судьбе.

«Ух, как здорово!»

Галантность! Наклонился вперед, чуть-чуть согнул талию и мягко руку к козырьку. Виктор шаркнул — и под козырек. Опять шаркнул и с легким вывертом приложил к блестящему козырьку белую руку.

Затем Виктор остановил уличное движение. Он откидывался назад и поднимал руку, слегка растопырив пальцы. Вынул шашку, нахмурился, на цыпочках наклонился вперед — подойди.

— Стой, мерзавец! — шипел Виктор.

И тут вспомнил о швейцаре.

Виктор наспех убрал в шкаф старое платье и вышел в коридор. Он, не торопясь, скрипел по лестнице новыми ботфортами. Швейцар снизу, повернув очки, глядел, подняв брови на Виктора. Перо у него было в зубах и в руке бумага — махал, чтоб высохла. Вдруг швейцар отскочил вбок. Виктор спустился, важно огляделся. Внизу было пусто. Швейцара не было. Виктор крикнул:

— Швейцар!

Никого.

— Швейцар! — повторил Виктор. — Пойди сюда. Швейцар!

Сверху номерной глянул через перила и скрылся.

Виктор вышел на крыльцо и стал со всей силы давить кнопку звонка.

— Ишь, мерзавец! ишь, мерзавец! — шептал Виктор.

За стеклом двери метнулась фуражка с галуном.

— Поди сюда! — заорал Виктор, весь красный, и сам двинулся в вестибюль. — Ты что? — кричал Виктор, подступая к швейцару. — Ты что же, я говорю? Чего тебя, подлеца... распросукин ты сын... Колпак скинь, сволочь! — и Виктор замахнулся, чтоб сбить шапку.

Швейцар сдернул с головы фуражку.

— Ка-ак стоишь? Рвань! — Виктор, красный, напирал на швейцара. — Са-ва-лачь! — крикнул Виктор в самое лицо швейцару. Поворочал глазами минуту и медленно повернулся к двери. — Учить вас надо! — в дверях процедил Виктор.

Запыхавшись, Виктор спустился с крыльца, левой рукой он придерживал шашку, слегка отставив локоть.

«СВЕТУ НЕТ В КАЗАРМЕ НАШЕЙ...»

«ЛУБКОМИКСЫ» Алексея КАПНИНСКОГО

Один дедушка у Алеши Капнинского был земский врач. Устоял его дом, где Алеша с семьей живет летом.

Нынешним летом он сидел на чердаке и рисовал по заказу издательства «Прогресс» «Повесть временных лет». Это сколько же, спрашиваю Алешу, надо картинок нарисовать? Стали вдвоем подсчитывать — выходит около семисот! Вы себе это можете представить? А чего такого, Алеша говорит, сидишь себе, жена-дети где-то внизу, ветерок осторожно колышет занавеску кисейную... тихо-тихо так дышит она... а у меня в голове какие-то голоса, песнопенья, кони ржут, стрелы звенят; и карандашу только остается обводить то, что на бумаге само прорисовывается.

Так в детстве пятерня, на белый лист приплюснутая, обводилась.

Мне очень хочется поскорее увидеть эту книжку Алеши. Даже не потому, что это — вообразите себе — «русский комикс»; и не потому, что Алешина работа так понравилась в издательстве, что его взяли да и послали за казенный счет в Италию; а потому, что Капнинский — еще и автор замечательных лубочных картинок, остроумных и изящных, на коих изображены совсем иные персонажи российской истории, а сопроводительный текст представляет собой не фрагменты древних летописей, но политический фольклор советской эпохи.

Здесь надо сказать о другом Алешином дедушке — скромном бухгалтере, мещанского сословия, но поэтически необычайно одаренном, оставившем в наследство внуку тетрадки с собственными стихами и с подслушанными в разных обстоятельствах частушками, прибаутками и байками.

Алеша Капнинский очень даже уважает продажную девку генетику — во всяком случае, объясняет именно своим происхождением, с одной стороны, трудолюбие и тягу ко всякого рода режущим предметам, а с другой стороны, некоторое лирическое помутнение сознания, позволяющее ему, допустим, беседу Ленина с Троцким отобразить наподобие того, о чем поется в песне «Шумел камыш...»

Мы, как теперь знают решительно все, ленивы и нелюбопытны. История советского диссидентства насчитывает сотни страниц «прямого текста» — но есть, и не забыть бы нам про них, удивительные страницы «текста иносказательного». Сколько шороху наделала в самый разгар обезьяньих процессов, сам-

издата, преследования Солженицына отпечатанная элитарным тиражом книга Эйдельмана «Герцен против самодержавия!» Или: вполне безобидные кинокомедии Гайдая и Рязанова — вспомните, как мы с лозунгами «Свободу Юрию Деточкину!» и «Да здравствует наш суд — самый гуманный суд в мире!» по очередной разнарядке (за два отгула) выходили на первомайскую демонстрацию.

А помнит ли кто, как расхватаана была с прилавков книга «Русский лубок»? А в чем дело? А в том, что картинки в книжке были весьма — скажем так — игривы, а подписи — и того пуще. Во всяком случае, Яремка изъяснялся с Парамошкой, а Фомка — с Егоркой примерно так, как привыкли говорить парторг с мастером цеха.

Капнинскому в свое время тоже попала в руки эта очень своевременная книга. И тут он, вполне русский человек, изрек нерусского происхождения слово... кажется, слово «эврика».

Случилось это задолго до того, как мы прочитали в «Огоньке» о том, что Бухарин был человек редкого ума, а Троцкий — исключительной честности. И видно сразу, с первого взгляда на лубки Алеши Капнинского, что нарезаны они были на линолеуме без малейшего влияния со стороны средств массовой информации. То, что рассказывает нам Капнинский про Буденного с Ворошиловым, — конечно же, совсем другая история, нежели поведал своим читателям Рой Медведев. Да и то: классический лубок XVIII века «Как мыши kota хоронили» мало чего общего имеет с гравюрами, сохранившими эпизоды погребения Петра Великого.

Вот ответьте: отчего это всех наших вождей расплющил каток гласности, всем героям революции вселенскую смазь пресса сотворила — а Василий Иванович уцелел! Не оттого ли, что он единственный «тленья избежал» в пору канонизации трупов, избежал — в анекдоты, и стал даже как-то симпатичен, мил и дорог нашему человеку. Впрочем, после «Семнадцати мгновений...» мы незаметно для себя и Бормана с Мюллером полюбили — не задумываясь, что вообще-то говоря эти товарищи — фашисты. Видите, какая разница между словами «герой» и «персонаж»?..

Понимает ли это один лишь наш, простой советский человек — или же искусство на самом деле служит делу сближения того народа, которому принадлежит, со всеми прочими народами?.. Но только и в Италии лубки Алеши имели успех. «О, Ленин!» — почтительно восклицали господа чиполины и синьоры помидоры и, распахнув долгоиграющие «лопатники», любопытствовали, какую валюту предпочитает маэстро.

За наименованием рублик маэстро брал лиры...

Но и этого мало. Мало, говорит Алеша, показать, как Ильич с Надежкой чай пьют, а вот как сделать, чтоб узнать, что у них там дальше вышло. Пришел железный Феликс, машинного масла отсосал, а потом — шаги командора Кобы, ну и так далее... В общем, вполне логическим путем пришел Алеша Капнинский в студию «КОМ» — мастерскую по изготовлению и распространению комиксов, которыми весь мир завален, а у нас ими только сейчас запахло. Так вот, пока не повторилась история с «Пепси» и «Макдональдсом», пока к нам не хлынул самого низкого пошиба комиксширпотреб, надо скорее создавать и насыщать свой рынок. И делать это в придачу по-своему. Так, как обстояло дело в России и сто, и полтора года назад, когда лапотники-офени вполне сдерживали нашествие пинкертонов и «милордов глупых».

Но — спросят нас с Капнинским — разве не было все эти годы «Крокодила» и «Веселых картинок»? Разве не было плакатов «Боевого ка-

рандаша»? Разве не потешал посетителей поликлиник доблестный Санпросвет рисованными рассказами о вреде сивухи и профилактики туберкулеза? Было! Как и плакат «Верной дорогой идете, товарищи!» — тоже своего рода кадрик из комикса, ибо налицо здесь и картинка, и прямая речь. Если же совсем просто ответить — все эти опыты к искусству имеют отношение весьма косвенное, поскольку назидательны. Стало быть — унылы. Мертвы.

А в искусстве — в нем же все на неожиданности держится.

Как у Пушкина: «К нему и птица не летит...» — и мы готовы продолжить: «... и зверь нейдет...»; но у Пушкина-то не зверь! У Пушкина — тигр!!!

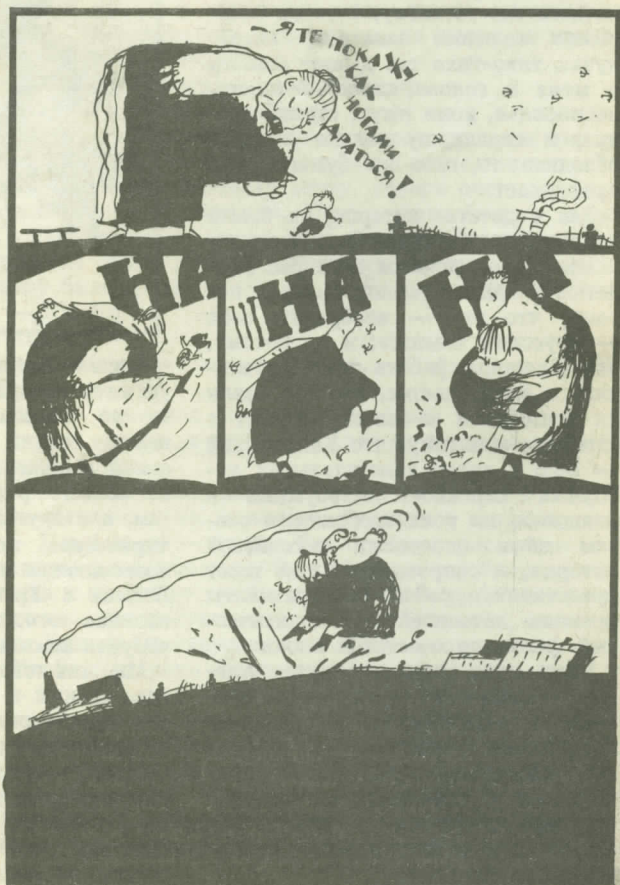
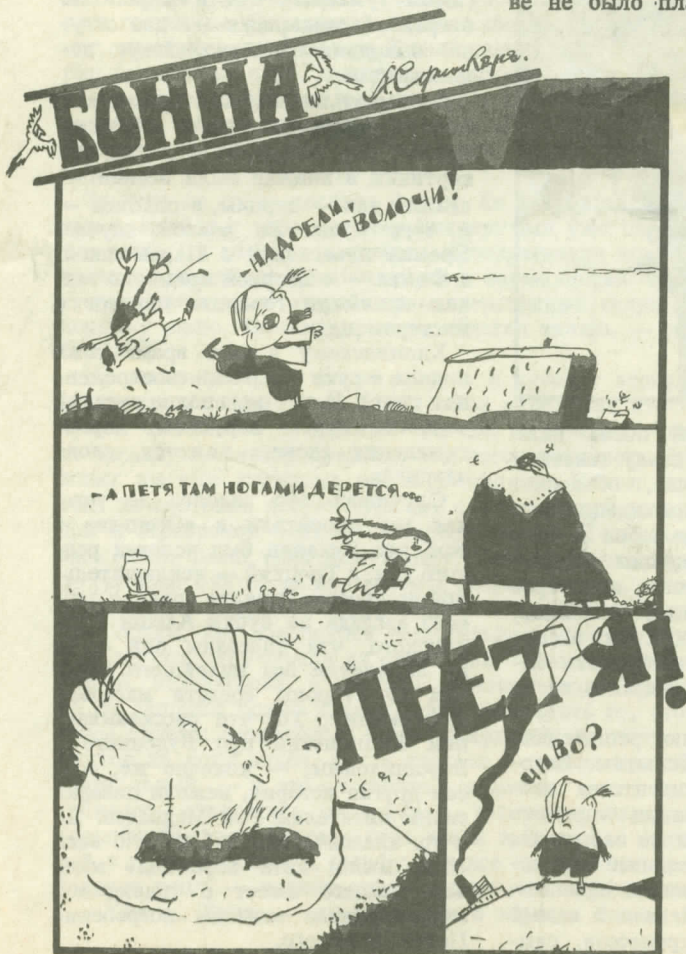
Вот такая «тигриная» натура у рисунков и гравюр Капнинского.

А может — и вправду это все генетическое?

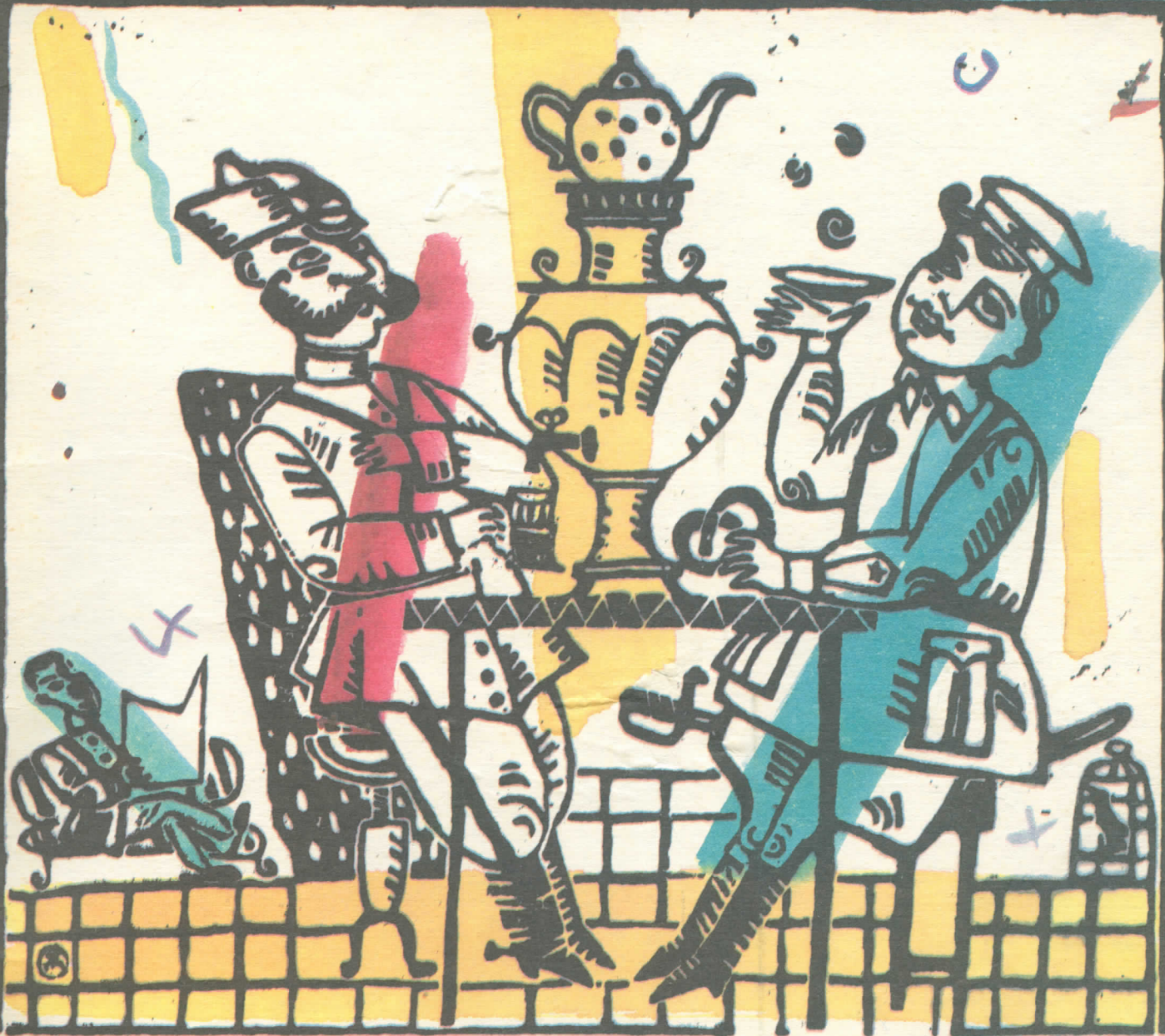
Ведь вон как у одного из дедушек, того, что стихи сочинял, написано: Свету нет в казарме нашей...

Вдруг — идет Аксинья с кашей!

М.П.

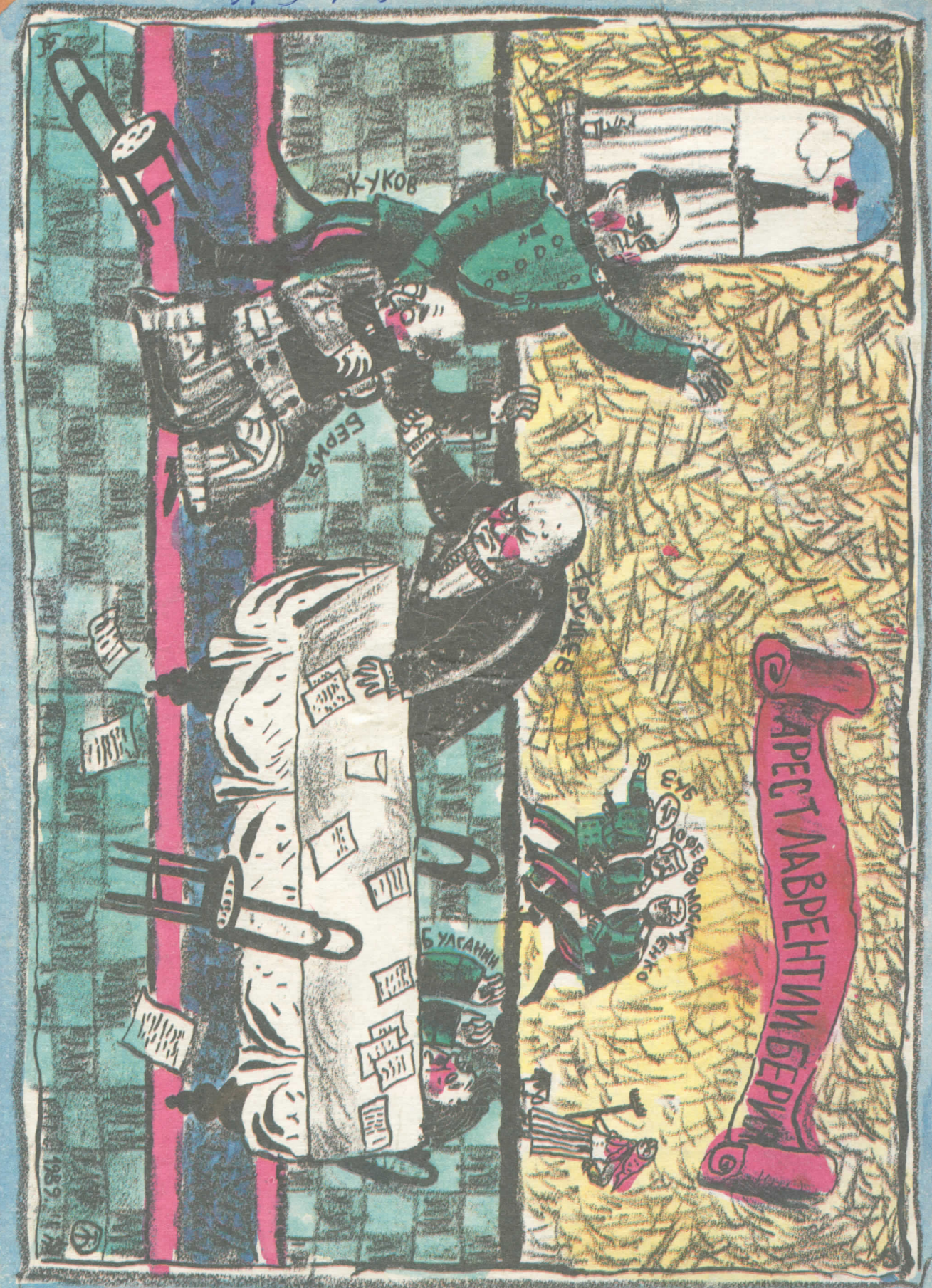

ТУХАЧЕВСКИЙ С БУДЕННЫМ ЧАЕК ПОПИВАЮТ А ВОРОШИЛОВ ИМ
 † ГАЗЕТЫ ЧИТАЕТ ОНИ РЕВЯТА УДАЛЫЕ У НИХ ГОЛОВЫ ЛИХИЕ
 ОНИ ИГРУ ИГРАЮТ САХАР В ЧАИ КИДАЮТ У КОГО САХАРОК ОСТАНЕТСЯ
 ТОМУ СКОРО ДОСТАНЕТСЯ

А. Калашников © 1980

24-3-198

1989